

ISSN 2409-868X

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

GENESIS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 30-06-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук,
svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 30-06-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Kodan Sergei Vladimirovich, doktor yuridicheskikh nauk, svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Главный редактор – Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Абдулин Роберт Семёнович – кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Курганского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Курганского областного суда в отставке.

Акишин Михаил Олегович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университета.

Батурин Юрий Михайлович – доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Билюшкина Надежда Иосифовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российской академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Графский Владимир Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Дитрих Айше Памир – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средневосточного технического университета, г. Анкара, Турция.

Добрынин Николай Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ефремова Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Жаров Сергей Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета.

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры

«Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Зуев Андрей Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, 121309, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27А, kaminskaya@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Козлихин Игорь Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Коробеев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Красняков Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора (по учебной работе) Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Курбанов, Рашад Афатович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Лаптева Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482

Манин Вячеслав Анатольевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, Краснодарский государственный институт культуры. Кафедра истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Новицкая Татьяна Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН,

профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Кomi научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru

Смыкалин Александр Сергеевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна - PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Туманова Анастасия Сергеевна - доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Алпатов Сергей Викторович - доктор филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, 105318, Россия, г. Москва, ул. Вельяминовская, 6, кв. 125, alpserg@gmail.com

Бадмаева Екатерина Николаевна - доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова", директор Международного научно-исследовательского центра "Ойраты и калмыки на евразийском пространстве", 358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, en-badmaeva@yandex.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, , д. 16, кв. 32, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Борисова Нина Александровна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение "Центральный музей связи имени А.С.Попова", Заместитель директора по науке и технике, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, доцент, 197373, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский, 32-3, кв. 172, borisova@rustelecom-museum.ru

Бурнашева Наталия Ивановна - доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Север Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, 677013, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 41, кв. 117, n_burnasheva@mail.ru

Величкова Лэдмила Владимировна - доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, зав. кафедрой немецкой филологии, 394036, Россия, Воронежская обл область, г. Воронеж, ул. Фр. Энгельса, 7, кв. 28, luvel1@rambler.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Гарскова Ирина Марковна - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, 119607, Россия, Москва, г. Москва, ул. улица раменки, 31, кв. 253, irina.garskova@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009,

Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологдина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Каминская Елена Альбертовна - доктор культурологии, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт современного искусства", проректор, 121309, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а, kaminskaya@mail.ru

Карпов Игорь Петрович - доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», профессор, 434003, Россия, Республика Марий Эл область, г. Йошкар-Ола, ул. Ленинский проспект, 45, оф. 9, kip52@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности , 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАИК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Начальник кафедры

теории государства и права, 191025, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,
Владимирский проспект, 3, кв. 20, n.nishnik@bk.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российской государственный
университет им. А Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997,
33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, кв. 457, Infotatiana-p@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное
государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской
академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и
административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений
обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628,
Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних
веком института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия,
Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Соков Илья Анатольевич - доктор исторических наук, Волгоградский государственный
университет, профессор, 400062, Россия, Волгоградская область, г. г. Волгоград, ул.
маршалла Василевского, 2, кв. 4р

Соловьев Константин Анатольевич - доктор исторических наук, Московский
государственный университет имени М.В.Ломоносова, профессор, 141402, Россия,
Московская область, г. Химки, ул. Чапаева, 9, оф. 72, ksoloviov@spa.msu.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный
исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева", декан
юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул.
Осипенко, 40, кв. -, yulenka@mail.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая
область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В.
Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное
государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры
культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв.
164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской

"педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Editor-in-Chief -Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Abdulin Robert Semenovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Kurgan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Kurgan Regional Court.

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Byushkina Nadezhda Iosifovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronevskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Dietrich Ayshe Pamir - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Middle Eastern Technical University, Ankara, Turkey.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Efremova Nadezhda Nikolaevna - Candidate of Law, Professor, leading researcher of the history sector. State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Zharov Sergey Nikolaevich - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Andrey Sergeevich Zuev - Doctor of Historical Sciences, Professor, First Deputy Director of the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Kaminskaya Elena Albertovna – Doctor of Cultural Studies, ANO VO "Institute of Contemporary Art", Vice-rector for Educational and Methodological work, Professor of the Department of Directing theatrical performances and holidays, 121309, Central Federal District, Moscow, Novozavodskaya str., 27A, kaminskayae@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Kodan Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Krasniakov Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director (for Academic Affairs) Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University.

Kurbanov, Rashad Afatovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Lyudmila Lapteva - Doctor of Law, Professor, Leading researcher of the Sector of the History

of State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482

Vyacheslav Anatolyevich Manin - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University.

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture. Department of History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Narutto Svetlana Vasilevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Akmal Raufjonovich Nematov - Doctor of Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Nizhnik Nadezhda Stepanovna - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Novitskaya Tatiana Evgenievna - Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006
Peshkova1@yandex.ru

Igor V. Bereznikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Redkovs Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Smykalin Alexander Sergeevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna - PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Tumanova Anastasia Sergeevna - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University "Higher School of Economics".

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

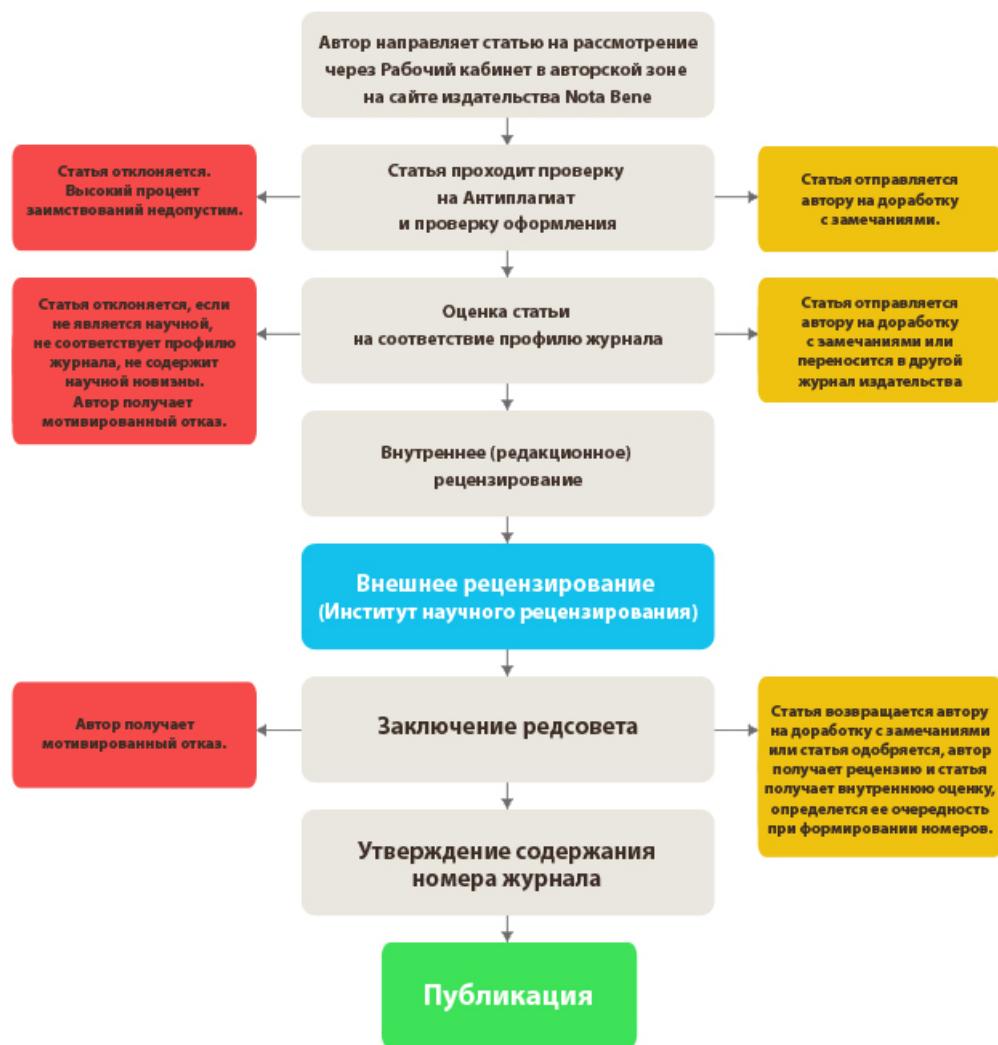
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Федин А.Н., Печаткин А.С. Идея социального прогресса в трудах историков "Русской школы"	1
Рипак И.А. Этапы англо-американского сотрудничества в рамках первых атомных проектов	13
Дубинин А.И. Этнический фактор в международных отношениях на Ближнем Востоке: историческая ретроспектива и современное состояние	27
Хасанов А. Добрые услуги Швейцарии в свете захвата американских заложников в Иране (1979-1981)	37
Миронюк С.А. Обсуждение японской интервенции на Дальний Восток и в Сибирь в Палате общин Великобритании 14 марта 1918 г. как событие британской политики интервенции в России	54
Моржеедов В.Г. Экономические аспекты англо-французского противостояния в период наполеоновских войн	65
Кирчанов М.В. Трехстадиальная периодизация истории национализма М. Хроха как «идеальная модель» и перспективы ее применения для изучения истории Ирана	80
Белоусова К.А. Политика США в Ираке в 1990-х – начале 2000-х гг. Последнее десятилетие «недемократического» Ирака	93
Тузова О.В., Ерохина К.С. Информационный потенциал региональной периодической печати по истории отечественной музыкальной культуры во второй половине 1960-х гг.	109
Лахтионова Е.С. Секция памятников науки и техники ВООПИК: история и основные направления деятельности (на примере Свердловской и Челябинской областей)	122
Пашкова А.Ю. К истории религиозных культов Писидии: скальные вотивные рельефы Англоязычные метаданные	134
	146

Contents

Fedin A.N., Pechatkin A.S. The idea of social progress in the work of historians of the "Russian School"	1
Ripak I.A. Stages of Anglo-American cooperation in the framework of the first atomic projects	13
Dubinin A.I. The ethnic factor in international relations in the Middle East: a historical retrospective and the current state	27
Khasanov A. Switzerland's good offices in light of the American hostage-taking in Iran (1979-1981)	37
Mironiuk S. Discussion of the Japanese intervention in the Far East and Siberia in the House of Commons of Great Britain on March 14, 1918 as an event of the British policy of intervention in Russia	54
Morzheedov V.G. Economic aspects of the Anglo-French confrontation during the Napoleonic Wars	65
Kyrchanoff M.W. Three-stage periodization of the history of nationalism of Miroslav Hroch as an "ideal model" and the prospects for its application to Iranian historical studies	80
Belousova K.A. U.S. policy in Iraq in the 1990s – early 2000s. The last decade of "undemocratic" Iraq	93
Tuzova O.V., Erokhina K.S. Potential of regional periodicals for the history of Russian musical culture in the second half of the 1960s.	109
Lakhtionova E.S. Section of monuments of Science and technology VOOPIK: history and main activities (on the example of the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions)	122
Pashkova A.Y. On the History of Religious Cults of Pisidia: rock votive reliefs	134
Metadata in english	146

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Федин А.Н., Печаткин А.С. — Идея социального прогресса в трудах историков "Русской школы" // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.6.40852 EDN: MPOIGU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40852

Идея социального прогресса в трудах историков "Русской школы"

Федин Александр Николаевич

ORCID: 0000-0002-0267-4127

кандидат философских наук

доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин, Саранский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации

430027, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Транспортная, 17

 alexfedi@yandex.ru

Печаткин Александр Сергеевич

ORCID: 0000-0002-8174-1366

кандидат философских наук

преподаватель, кафедра государственно-правовых дисциплин, Саранский кооперативный институт
(филиал) Российского университета кооперации

430027, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Транспортная, 17

 a.s.pechatkin@ruc.su

[Статья из рубрики "Историософия, историография, источниковедение"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.6.40852

EDN:

MPOIGU

Дата направления статьи в редакцию:

27-05-2023

Дата публикации:

03-06-2023

Аннотация: Объектом исследования авторов статьи выступает теория социального прогресса в трудах таких видных историков как Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский и И.В. Луцицкий. Для анализа проблемы в работе используются компаративистский метод, системный подход и принцип индивидуальности Б. Рассела. Авторы особое внимание уделяют методологическим предпосылкам отказа отечественными историками от позиций

Г.В.Ф. Гегеля для разработки теорий социальной динамики и переходу на основы позитивизма. В статье отмечаются основные теоретические расхождения историков «Русской школы» с другими отечественными концепциями социального прогресса в конце XIX в. Новизна исследования заключается в том, что авторы статьи наглядно показывают противоречия в теориях социального прогресса представителей «Русской школы». В статье демонстрируется, что несмотря на отрицание научности эмпирико-метафизических концепций таких историков как М.Н. Петров и В.И. Герье, видные представители «Русской школы» не смогли отказаться от предложенных ими критериев общественного развития. В заключении авторы подчеркивают важность спора Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского и И.В. Лучицкого о роли статистического метода, марксистского подхода к истории, соотношении истории и социологии для понимания общего и особенного в их трактовках социального прогресса.

Ключевые слова:

историология, Русская школа, прогресс, позитивизм, теоретико-методологическое основание, марксизм, субъективизм, историзм, европоцентризм, идеализм

Введение

Вторая половина XIX в. в отечественной общественной мысли, как и в Европе, неразрывно связана с феноменом общественного прогресса. Во многом опираясь на теоретико-методологические воззрения своих европейских коллег, русские мыслители пытались осветить проблему прогресса через призму социальных изменений внутри своего государства, своей культуры и особенностей социальной дифференциации. Все описанное нами выше привело к великому разнообразию трактовок прогресса, синтезу идей различных направлений, стремлению к практической реализации теоретических построений. Последний тезис наиболее ярко отражает восприятие идеи прогресса русским обществом: изучить закономерности общественного развития — это не просто научная задача, а подготовка общества к конкретным действиям в соответствии со строгими законами социальных изменений. Прежде всего, к «Русской школе» относят трех выдающихся историков: Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского и И. В. Лучицкого.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточным осмыслением эволюции отечественной исторической мысли в отношении развития идеи социального прогресса и роли историков «Русской школы» в этом процессе. В современной отечественной и зарубежной историографии, посвященной теме социального прогресса и работам представителей «Русской школы», можно выделить несколько блоков. Первый из них представлен работами историософской направленности, которые стремятся исследовать теории Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского и И. В. Лучицкого в свете общего развития философской мысли Европы и России [\[16\]](#), [\[17\]](#),[\[24\]](#). Представители второго блока анализируют генезис русской социологии и актуальности ее идей в современном дискурсе [\[3\]](#), [\[23\]](#), [\[26\]](#),[\[28\]](#). Авторы третьего блока сосредоточены на освещении отдельно взятых вопросов теорий социального прогресса представителей «Русской школы» [\[1\]](#), [\[4\]](#),[\[21\]](#),[\[22\]](#),[\[25\]](#),[\[27\]](#).

Научная новизна исследования состоит в следующих аспектах:

- а) показаны методологические разногласия Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского и И.В. Лучицкого с предыдущим поколением отечественных историков, таких как В.И. Герье и

М.Н. Петров.

б) установлены не только сходства и отличия в концепциях представителей «Русской школы», но и выявлены причины несовершенства их подходов.

в) высказано предположение, что критика эмпирико-метафизических концепций и объективного идеализма стала основой для скептического отношения к марксизму со стороны историков «Русской школы».

Социальный прогресс в работах И.В. Лучицкого

Хронологически первым к теории общественного развития среди трех ученых обращается И.В. Лучицкий в своих статьях «Обзор литературы по философии истории за 1872г.» и «Отношение истории к науке об обществе». Критический анализ европейских концепций исторического развития, произведенный И.В. Лучицким, позволяет нам выделить следующие методологические проблемы, затрудняющие для историка понимание логики социальной динамики: а) отсутствие единого научного метода и критерия при освещении проблемы развития общества; б) европоцентризм при попытке установления законов развития всего человечества; в) излишняя натурализации исторического процесса и теоретико-методологические заимствования у естественных наук [18, с.36-37]. Среди этих обобщений находится место и критике воззрений историков начала 1860-ых годов, таких как М.Н. Петров [20] и В.И. Герье [21]. Данные ученые методологически опирались на объективный идеализм Гегеля. Логически это помогало им сочетать обращение к строго установленным историческим фактам с теорией постоянного становления мирового Духа в процессе социальной динамики, что позволяет характеризовать их концепции эмпирико-метафизическими. Поэтому во многом, основа их историософских изысканий была направлена на изучение трансформации Римской республики к состоянию империи, чтобы показать качественный переход от языческого, рабовладельческого общества и влияния на этот процесс христианской культуры.

Научный синтез достоверности исторического факта и метафизических представлений о главенствующей роли духа в истории не представлялся логичным И.В. Лучицкому. Отказ от эмпирико-метафизических построений в ходе постижения исторического процесса способствовал поиску наиболее перспективного, с научной точки зрения, методологического инструментария. Несмотря на благосклонное отношение к позитивистской школе О. Конта, которая выработала методологию для последовательного изучения социальной динамики с опорой на исторический источник и логику общего вывода [18, с.38], И.В. Лучицкий видел в ней изъяны. Главным из них следует признать неспособность позитивистской теории тщательно обработать обилие фактического исторического материала, а также его сопоставления с данными из других областей знания, без которых невозможно полное освещение логики человеческих поступков. Поэтому для И.В. Лучицкого идея социального прогресса становится неотделимой от работы с корпусом исторических источников, исходя из объективно существующей социальной реальности, разработанного категориального аппарата и достижений других областей знания. Уже здесь мы видим, что для «Русской школы» принцип историзма является важнейшим условием в поиске выработки критериев общественного прогресса. Принимая во внимание критику И.В. Лучицким европоцентристической ориентированности многих концепций общественного прогресса середины XIXв., мы можем констатировать, что русский исследователь настаивал на необходимости обращения к материалам истории различных эпох различных народов для поиска взаимосвязи явлений и

установления единых критериев общественного развития.

Как отмечает в своей монографии С.Н. Погодин, понимание идеи общественного прогресса И.В. Лучицким будет неполным без обращения к статистическому методу, который историк почерпнул из работ Дж.С. Роджерса [21, с.218-219]. На сегодняшний день актуальность использования количественного метода в исторической науке при работе с различными массивами данных не подвергается никакому сомнению. При обращении к различным показателям уровня жизни общества статистический метод в социологической науке так же не теряет актуальности при расчете параметров общественного прогресса. Принимая во внимание новизну количественного метода в общественных науках конца XIX в. при осмыслиении идеи общественного развития, И.В. Лучицкий видел в нем удачный инструмент для исследования исторических источников, сравнения развития различных ступеней жизни народов и, в итоге, полного понимания движения исторического процесса. Отметим, что для русского историка, статистический метод был не главным инструментом в поиске закономерностей развития общества, а всегда сочетался с принципами историзма и психологизма. Однако, в эпоху распространения марксистской спиралевидной теории общественного прогресса, которая в то время базировалась на материально-экономическом объяснении перехода общества с одной стадии на другую, склонность к статистическому методу и экономизации истории стала причиной споров среди историков «Русской школы» и расхождений во взглядах на научное обоснование идеи общественного развития.

Стоит признать, что в теоретико-методологическом плане работы историка сумели преодолеть излишнюю романтизацию эмпирико-метафизических концепций его коллег М.Н. Петрова и В.И. Герье. Но практическая реализация социального прогресса и в трудах историков, придерживающихся позиции объективного идеализма, и в трудах позитивистски ориентированного И.В. Лучицкого, отталкивается от роста свободы личности. Несмотря на плодотворную работу на поприще исторической науки, освещение переломных этапов в развитии западноевропейского общества, И.В. Лучицкий не смог предоставить общую схему стадиальной смены исторических эпох и отличных от предшественников критериев социального прогресса.

Объективное и субъективное в теории прогресса Н.И. Кареева

Как мы отметили выше, И.В. Лучицкий теоретико-методологические основы своей концепции выводил из позитивизма, анализируя и критикуя европейские теории общественного развития и отечественных историков середины XIXв. Следует сказать, что и Н.И. Кареев испытал на себе огромное влияние теории О. Конта, поскольку система позитивизма определяла выстраивание общей системы исторического процесса, превращение разрозненных фактов в общую стройную теорию. Поэтому и принцип историзма, которым руководствовался И.В. Лучицкий, Н.И. Кареев тоже считал основой для изучения процессов социальной динамики. Но именно в вопросе изучения социального прогресса, в отличие от И.В. Лучицкого, Н.И. Кареев не мог примериться с теориями О. Конта и Г. Спенсера – наиболее видными представителями позитивизма.

В своей работе «Основные вопросы философии истории» московский ученый подверг критике большое количество теоретико-методологических подходов к проблеме социального прогресса. К этому времени в отечественной литературе сложился огромный пласт идей, ориентировавшихся на субъективный номинализм, объективный идеализм, провиденциализм, романтизм и другие европейские теории. Самые важные аспекты идеи общественного прогресса в отечественном социогуманистике знании того времени могут быть сведены к следующим тезисам: а) необходимость разрешения

проблемы развития одного индивида и человечества в целом; б) постановка вопроса об отождествлении прогресса человечества с достижениями отдельно взятого народа; в) допустимо ли оправдывать жестокость в прошлом и настоящем термином «социальный прогресс».

Обобщая критический анализ различных концепций Н.И. Кареевым, мы можем выделить следующие методологические принципы в основе его осмысливания прогресса: а) и объективный идеализм и позитивизм в своих основах нацелены на умозрительные попытки вычислить ход истории, исходя из абстрактных законов; б) исторические факты встраиваются в теорию, а не формируют ее; в) отрицание моральной составляющей в процессе исторического развития [7, с.195-199]. Второй пункт вновь заставляет говорить нас о том, что в конце XIXв. историки перестают видеть в объективном идеализме основу научного исследования. Тем самым и логика социального прогресса не должна подчинять фактологию исторического исследования, а выводится из совокупности объективных знаний. Последний пункт направлен на преодоление еще одной крайности при изучении социального прогресса, а именно, отождествлении развития конкретного биологического субъекта и общественного организма, которое в Европе популяризировалось позитивистом Г. Спенсером, а в России Н.Я. Данилевским, К.Н. Леонтьевым и др. [5].

Как мы видим, Н.И. Кареевым уже в его ранних работах ставился вопрос о соотношении объективного познания социальной действительности и субъективной этической оценкой процесса исторического развития. В работе «Суд над историей. Нечто о философии истории» исследователь впервые высказывает мысль о синтезе понимания общественного развития социологией и духовной эволюции коллективной психологией [8, с.4, 35]. А. С. Попов в своей работе отмечает, что для Кареева, принцип целостного восприятия исторического развития базируется на познании субъективных аспектов внутри объективно существующей реальности [22, с.33]. Как и И.В. Луцицкий, Кареев по мере роста эмпирической базы исследования и развития методов общественных наук стремится расширить инструментарий своей теории общественного прогресса и сталкивается с популяризацией статистического метода, а также марксистского понимания исторического процесса. Выступая против экономизации понимания социальной динамики, московский историк подверг критике работу И.В. Луцицкого [10, с.23] и, вместе с этим, высказал суждение о ненаучности экономического материализма в отношении проблемы общественного прогресса [6, с.274].

Мы смеем предположить, что опора на экономический базис противоречила теории прогресса Н.И. Кареева и исключала фактор субъективного аспекта, свободы человеческой воли в процессе социальной динамики. Кроме этого, диалектический метод, активно используемый К. Марксом и его научными наследниками, Н.И. Кареев не отделял от теории объективного идеализма Гегеля, то есть эмпирико-метафизических концепций. Возникновение царства всеобщей свободы и коммунизма, с точки зрения методологического обоснования, для Кареева ничем не отличается от метафизического развития Духа у Гегеля. Тем самым и другие критерии общественного развития в марксистской концепции – классовая борьба, экономический базис, смена общественно-экономических формаций – все это спекулятивные рассуждения, лишенные научной базы и отрицающие роль субъекта в истории [10, с.31-32].

Существенным различием в методологии изучения общественного развития И.В. Луцицкого и Н.И. Кареева следует признать не только отношение к статистическому

методу, но и тот факт, что концепция первого развивалась и дополнялась исходя из эволюции научных взглядов, поиска наиболее эффективных методов исследования, а теория второго вбирает в себя политические убеждения. Анализируя идеальное устройство общества с позиции либеральных воззрений, историк доказывал необходимость лишь эволюционных преобразований и в качестве критериев исторического прогресса предложил усложнение социальной структуры общества, направленное к интернационализации общественной жизни [\[5, с.302-305\]](#).

В работе Б.Г. Сафонова отмечено, что вся система исторического знания по Карееву включает в себя следующие дисциплины: конкретную историю, философию истории, историю, социологию, социальную статику и т.д. [\[25, с.130\]](#). Выскажем предположение, что теория прогресса, выступающая методологической опорой для перечисленных выше областей знания, поставила перед ученым нерешаемую задачу синтезировать следующие пункты: а) всемирно-историческая закономерность общественного развития; б) соотношение случайности и детерминизма в процессе совершенствования социума; в) прогресс действий человеческой личности; г) соотношение объективной реальности и субъективных действий. Несмотря на это, благодаря трудам Н.И. Кареева «Русская школа» пыталась осмыслить критерии общественного прогресса, сочетающие факторы объективного течения исторического процесса и субъективного влияния человека. Однако, характерное для европейских теорий развертывание социального прогресса в пространственно-временном измерении в «Русской школе» появляется лишь в поздних работах М.М. Ковалевского – видного историка и правоведа своего времени.

Противоречия теории прогресса М.М. Ковалевского

Как и его коллеги по историческому ремеслу Максим Максимович не избежал влияния позитivistской концепции в отношении разработки теории социальной динамики. В целом, теория прогресса Ковалевского выглядит наиболее теоретически проработанной, но при этом содержит противоречия классических теорий европейских авторов. Это объясняется изначальным поиском методологии для историко-правового исследования [\[15, с.15-21\]](#), применения инструментария для анализа массива источников по аграрным вопросам, эволюции семьи и государства, революционных процессов. В отличие от своих коллег И.В. Лучицкого и Н.И. Кареева, М.М. Ковалевский регулярно обращался к современным социологическим теориям для корректировки критериев прогресса социума и периодизации исторического процесса [\[12;13\]](#). Методологически М.М. Ковалевский рассматривал идею прогресса в качестве связующего элемента всех общественных наук. [\[14, с.340\]](#). Несмотря на это, самому прогрессу в работах ученого посвящена лишь небольшая статья в Вестнике Европы, в которой описывается синтез экономического развития общества с политической организацией социальной структуры для понимания неизбежности прогресса. [\[11, с.232\]](#).

Выделяя общие методологические принципы среди представителей «Русской школы» в отношении идеи прогресса и изучения роли личности в истории, мы уже упоминали обращение к ретроспективному методу Лучицкого и коллективной психологии Кареева. Роль человека в становлении общественной организации более высокого уровня у Ковалевского, вытекает из главного критерия прогресса – роста социальной солидарности. Этот критерий существует на родовом уровне, затем племенном, государственном и интернациональном [\[13, с.82\]](#). Для неизбежного перехода к прогрессивной стадии общественного устройства государство должно закреплять за гражданином все новые права и свободы, которые ведут общество к социальной

устойчивости и эволюционному способу развития [15, с.8]. Соответственно, те общественные образования, которые препятствуют развитию солидарности людей, сталкиваются с революционной формой прогресса, которую М.М. Ковалевский признает, но считает неестественной. Логично предположить, что на уровне пространственного развертывания исторического процесса мы можем сравнить социумы с «естественной» и «неестественной» линией восхождения. Исходя из этого, мы снова обращаемся к спору представителя «Русской школы» с марксистской теорией общественного развития. Современные западные исследователи часто сравнивают анализ позднесредневекового общества К. Марксом и М.М. Ковалевским, отмечая различные трактовки функционирования института рынка, денег, процессов образования рабочего класса и роли общинного землепользования [27]. М.М. Ковалевский, признавая важность экономических выводов К. Маркса для полноты исследования европейского общества, скептически относился к статистическому методу и выводам на основе усредненных данных, а также отвергал идею постоянной борьбы классов, подчеркивая ее несоответствие «естественному» прогрессу. Исследователь М. Дыго пишет, что несмотря на частое использование статистического метода, М.М. Ковалевский пренебрегал значением уровня развития производительных сил и капитализации экономики в изучении социального прогресса в угоду моральным критериям [4, с. 35-39]. Но и при исследовании М.М. Ковалевским позднесредневекового общества мы вновь не обнаруживаем эмпирически подтверждаемых фактов господства «естественного» вида прогресса над «неестественным», который совершается в рамках классовой борьбы и революционных моментов истории. А это уже противоречит принципу выстраивания теории прогресса на основе объективного изучения реальности. С.И. Архипов, в свою очередь, видит противоречие в следовании М.М. Ковалевским критериям солидарности и роста моральной ответственности человека, с отказом признавать за прогрессом коммуникативной сферы роль правовой системы европейского общества Нового времени [1, с.12].

В чем теория прогресса М.М. Ковалевского солидарна с идеями И.В. Лучицкого и Н.И. Кареева, так это в отказе от европоцентрического взгляда на проблему социальной динамики. В своей работе «Социология» Ковалевский, критикуя в первую очередь концепцию объективного идеализма Гегеля, отстаивает позицию, согласно которой рост солидарности в процессе восхождения общества есть единый путь всего человечества, одновременно приводимый в движение различными народами, в завершении ведущий к единому мировому обществу [12, с. 66]. Но, в отличие от трудов И.В. Лучицкого и Н.И. Кареева, работы М.М. Ковалевского кроме критики периодизации истории европейскими учеными, содержат собственное представление о стадиях развития общества на основе критерия солидарности. Правда при этом его теория не лишена недостатков, которые видятся нам в слабом анализе большого массива разрозненных фактов, не системности изложения своей концепции, пренебрежении историческими фактами в угоду идеи "естественного" прогресса и нерешенности дилеммы о необратимости прогресса и неизбежном влиянии человека на его ход.

Заключение

Подводя итог, отметим, что в «Русской школе» не существует единой теории или общего взгляда на процесс общественного прогресса. Отбросив гегельянские воззрения В.И. Герье и М.Н. Петрова представители «Русской школы» твердо встали на позиции позитивизма. Общие теоретико-методологические основы – принцип историзма, господство историко-сравнительного метода, преверженность этическому субъективизму,

отрицание европоцентризма, критика марксизма – все это находит воплощение в теориях прогресса «Русской школы». Но позиция историков сильно зависела от объекта исследования и совокупности методологического инструментария. Противоречия возникшие в результате спора о роли статистического метода, критериях общественного развития, периодах развития человеческой истории, соотношении истории и социологии, показывают нам несколько фундаментальных расхождений у выдающихся историков:

- 1) для И.В. Лучицкого в его работах теория прогресса априори присутствует, но главной целью является анализ массива исторических данных и оценка изучаемого исторического периода;
- 2) для Н.И. Кареева первостепенной задачей в построении теории прогресса является соотношение законов объективной социальной реальности с коллективным проявлением деятельности человека, как субъекта истории;
- 3) для М.М. Ковалевского теория прогресса ключ к пониманию общественного развития, цель любой общественной науки для закономерно понимания социума и основание для трактовки полученных исторических фактов.

Тем не менее, теории социального прогресса у историков «Русской школы» были новым витком в осмыслении общественного развития отечественной мыслью. Их ярко выделяет опора на исследование общества во всей полноте его становления, сопоставление законов социологического и исторического развития, использование исторического источника в качестве доказательства единства социальной динамики и отказ от сиюминутного стремления преобразования общественных отношений на основе законов общественного развития. Но именно вера в неменуемый прогресс в процессе действий социума привела всех трех исследователей к неразрешаемым проблемам:

- а) И.В. Лучицкий выступая против концепций объективного идеализма, так и не смог предложить другой основы для констатации факта перехода общества с одной стадии на другую;
- б) Н.И. Кареев, блестяще проявив себя на поприще различных научных дисциплин, не смог связать в единую систему противоречия объективных и субъективных факторов, а потому свои критерии прогресса вывел на основе политических представлений;
- в) М.М. Ковалевский, ставя в основу своих исторических и социологических исследований моральную сторону развертывания социального прогресса, упустил из виду нарастающее влияние экономических перемен, как при анализе перехода общества от феодальной структуры к капиталистической в европейском обществе, так и в России начале XXв.

Библиография

1. Архипов С.И. Теории социально-правового прогресса Б.Н. Чичерина и М.М. Ковалевского // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 5. С. 5-15. DOI: <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-5-5-15>
2. Герье В.И. Очерк развития исторической науки. М., 1865.
3. Васильев Ю.И. Феномен «Ecole Russe»: историология Н.И. Кареева // Знание. Понимание. Умение. 2012. №1.
4. Дыга М. Максимович Ковалевский как историк экономики средних веков и раннего нового времени // Средние века // 2020. №2. Т. 81. С. 10-45. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0131878020020014>

5. Караев Н.И. Историология (теория исторического прогресса). Пг., 1915. 323 с.
6. Караев Н.И. Критика экономического материализма. Старые и новые этюды. СПб, 1896. 304 с.
7. Караев Н.И. Основные вопросы философии истории. М., 1883. Т. 1. 456 с.
8. Караев Н. И. Суд над историей. Нечто о философии истории // Русская мысль. 1884. № 2. С. 1–30.
9. Караев Н.И. Философия истории и теория прогресса // Знание. 1876. №2.
10. Караев Н.И. Экономический материализм в истории // Вестник Европы. 1894. №7. С. 5–35.
11. Ковалевский М.М. Прогресс // Вестник Европы. 1912. №2. С. 232-235.
12. Ковалевский М.М. Социология. СПб., 1910. Т. 1. 302 с.
13. Ковалевский М.М. Современные социологи. – М.: Издательство ЛКИ, 2008.
14. Ковалевский М.М. Современные французские социологи // Вестник Европы. 1913. №7. С. 339-369.
15. Ковалевский М. М. Учение о личных правах. М.: Изд. В. М. Саблина, 1905. 42 с.
16. Кондратьева М.К. Идея прогресса в контексте современного дискурса // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. №3. С.176-187. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-176-187
17. Корень Е.В. Историософские проблемы русской мысли нового времени // Вестник Санкт-Петербургского. История. 2023. №1. Т. 68. С. 242-258.
DOI: 10.21638/spbu02.2023.114
18. Лучицкий И.В. Отношение истории к науке об обществе // Знание, 1875. №1. С. 1–43
19. Лучицкий И.В. Обзор литературы по философии истории за 1872 г. // Знание, 1873. №9.
20. Петров М.Н. Евангелие, как образовательная сила в истории нового времени // Духовный вестник [Харьков]. – 1863. № 6. С. 397–415 с.
21. Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Караев, И.В.Лучицкий, М.М. Ковалевский. СпБ, 1997. 380 с.
22. Попов А. С. Теоретико-методологические основания социально-исторических взглядов Н. И. Караева // Наука и Образование. 2018. № 1. С. 26-35.
23. Проказин В.В. Русская консервативная социология о прогрессе // Теория и практика общественного развития. 2022. № 9. С. 69–72.
<https://doi.org/10.24158/tipor.2022.9.8>
24. Родичева И. С., Суханова Н. П. Генезис идеи общественного прогресса в историко-философской мысли // Проблемы современного образования. 2020. №1. С. 9-15.
DOI: 10.31862/2218-8711-2020-1-9-15
25. Сафонов Б. Г. Н. И. Караев о структуре исторического знания. – М. : Изд-во МГУ, 1995. – 272 с.
26. Тесля А. А. Основоположения теории Н. К. Михайловского : формирование «субъективной социологии», конец 1860-х – середина 1870-х годов // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. – Т. 5, №2. – С. 55-78.
https://doi.org/10.17323/2587-8719_2021-2-55-78
27. James D. White, Marx and Russia: The Fate of a Doctrine. London; New York: Bloomsbury, 2018.
28. Sidnenko T.A., Repar P., Polevoy S.A., Shamalova E.V., Kryukova N.I. Russian liberal historiography and European philosophical thought in the late 19th century and early

20th century: Man in the space of culture // XLinguae, 2020 (13). Pp. 216-215. DOI: 10.18355/XL.2020.13.03.17

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

1. Тема статьи «Идея социального прогресса в трудах историков "Русской школы"» (далее - Произведение) релевантна специализации журнала Genesis: исторические исследования (далее - Журнал).

2. Содержание Произведения соответствует заявленной в названии теме. Подробно точно и ясно изложены предмет, задачи, методология и основные результаты исследования. Поставленная во введении задача: «осветить основные теоретико-методологические основы работ историков, но и показать их разногласия с предыдущим поколением отечественных историков, увлеченных проблемой прогресса», «раскрыть особенности трактовок одних и тех же методологических принципов исследователями, влияния на их труды марксистского понимания социальной динамики» решена посредством анализа «теоретико-методологические воззрения ученых «Русской школы»», не только фокусируясь «на поисках общего и особенного в отношении идеи общественного прогресса у историков «Русской школы», но и выявлении причин несовершенства их подходов».

3. Основные тезисы и выводы базируются на скрупулезно приводимых автором данных и солидных источниках за авторством признанных специалистов по теме исследования. Значимость, логичность, обоснованность, достоверность выводов подтверждена объемным ссылочным аппаратом. Научная новизна исследования в тексте Произведения не отражена.

4. В Произведении отсутствует анализ текущего состояния исследуемой проблемы.

В Произведении проводится анализ темы социального прогресса в работах представителей «Русской школы», трех выдающихся историков - Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского и И.В. Лучицкого, в которых «русские мыслители пытались осветить проблему прогресса через призму социальных изменений внутри своего государства, своей культуры и особенностей социальной дифференциации». В заключении автор Произведения дает развернутые, обоснованные выводы, значимость которых соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Литература и источники, использованные автором Произведения, с точки зрения их релевантности, полностью соответствуют проблематике исследования и достаточны для раскрытия темы Произведения. Библиографический список состоит из 19 источников на русском языке, среди которых отсутствует научная литература/источники, а также публикации в рецензируемых журналах в т.ч. на иностранных языках. Согласно требованиям Журнала, список литературы должен содержать «не менее половины работ, изданных в последние 3 года» и «рекомендованный объем списка литературы для оригинальной научной статьи... должен содержать: не менее трети зарубежных источников». Эти требования не соблюdenы.

6. Оформление работы не соответствует требованиям, предъявляемым к подготовке академических журнальных статей. Текст Произведения представлен одним большим блоком, отсутствуют необходимые структурные элементы, а именно, введение; разделы, посвященные актуальности темы исследования, анализу состояния вопроса, критическому анализу результатов, практической и научной значимости; заключение и т.д. При этом объем основной части текста соответствует требованиям Журнала и

достаточен для реализации заявленной цели.

Стиль изложения Произведения академический, лингвостилистические характеристики научные, текст информационно насыщенный. Оформление текста, ссылочного аппарата и библиографического списка, как указывалось выше, не соответствует требованиям Журнала.

При всех достоинствах Произведения, в тексте присутствуют недочеты, в общем, не влияющие на общий высокий уровень Произведения. А именно опечатки, некорректное употребление предлогов, несогласованность падежей: «идея социального прогресса в труда историков "Русской школы"», «анализируя европейские взгляды на логику исторического развития И.В. Лучицким...», «...находится место и критике взглядам историков начала 1860-ых годов...», «методологически М.М. Ковалевский видел в идеи прогресса краеугольный камень...», «отвергал идею постоянной революционной борьбы различных классов, подчеркивая ее естественного прогресса...», «после разгрома «Русской школы» в начале 30-ых годов XXв., научное осмысление идеи общественного развития, постепенно выродилось и в марксистской теории, превратившейся из научной концепции в набор догматов, а затем пошло по пути копирования идей западной социологии второй половины XXв.». Как было указано выше, указанные недочеты не влияют на общий высокий уровень Произведения.

8. Содержание Произведения основано на глубоком и профессиональном научном исследовании. Результаты исследования могут вызвать интерес у читателей.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

На статью «Идея социального прогресса в трудах историков "Русской школы"».

Предмет исследования обозначен в названии и пояснен в тексте статьи.

Методология исследования базируется на принципах историзма, объективности, комплексности и историзма. В работе использованы конкретные исторические методы исследования: сравнительно-исторический, историко-генетический и др. методы.

Актуальность темы ясно и четко разъясняет автор рецензируемой статьи, он поясняет, что актуальность «обусловлена недостаточным осмыслением эволюции отечественной исторической мысли в отношении развития идеи социального прогресса и роли историков «Русской школы» в этом процессе». Он выделяет «в современной отечественной и зарубежной историографии, посвященной теме социального прогресса и работам представителей «Русской школы»» три блока: первый блок «представлен работами историософской направленности, которые стремятся исследовать теории Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского и И. В. Лучицкого в свете общего развития философской мысли Европы и России», второй блок представлен работами, в которых анализируются генезис русской социологии и актуальности ее идей в современном дискурсе и третий блок – это работы, которые «освещают отдельно взятые вопросы теорий социального прогресса представителей «Русской школы»».

Научная новизна работы определена постановкой проблемы и задач исследования. Новизна определяется также тем, что автор исследует и показывает методические разногласия представителей «Русской школы» с предыдущим поколением историков (В.И. Герье, М.Н. Петров). Также автор статьи устанавливает, «не только сходства и

отличия в концепциях представителей «Русской школы», но и выявляет причины несовершенства их подходов». Новизна заключается и в том, что автором «высказано предположение, что критика эмпирико-метафизических концепций и объективного идеализма стала основой для скептического отношения к марксизму со стороны историков «Русской школы»».

Стиль работы академический, язык ясный и точный. Структура статьи состоит из введения, основной части, которая состоит из следующих разделов: Социальный прогресс в работах И.В. Лучицкого; Объективное и субъективное в теории прогресса Н.И. Кареева; Противоречия теории прогресса М.М. Ковалевского и заключения. Содержание статьи логично, последовательно выстроено и направлено на достижение цели статьи, решения задач, поставленных в статьи. Статья читается легко и текст будет понятен не только специалистам, но и широкому кругу читателей. В заключении работы автор делает обоснованные выводы и пишет, что «в «Русской школе» не существует единой теории или общего взгляда на процесс общественного прогресса». Далее он пишет, что у них у них у всех были «общие теоретико-методологические основы – принцип историзма, господство историко-сравнительного метода, приверженность этическому субъективизму, отрицание европоцентризма, критика марксизма». Он отмечает, что «позиция историков сильно зависела от объектов исследования и совокупности методологического инструментария» и разбирает эти позиции. Автор приходит к выводу, что «теории социального прогресса у историков «Русской школы» были новым витком в осмыслении общественного развития отечественной мыслью».

Библиография работы показывает, что автор хорошо разбирается в теме и знает предмет исследования. В библиографии представлены работы историков «Русской школы» Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, И. В. Лучицкого, а также работы российских и зарубежных исследователей, посвященных их трудам и теоретико-методическим воззрениям, написанные в прошлом и в последние годы (2018-2021 годы). Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи и в библиографии.

Работа написана на актуальную и интересную тему, имеет все признаки научной новизны. Написана ясным и четким языком, содержание статьи логично и последовательно выстроена. Статья будет интересна специалистам и широкому кругу читателей (студентам, аспирантам) и т.д.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Рипак И.А. — Этапы англо-американского сотрудничества в рамках первых атомных проектов // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.6.40926 EDN: BNRKXM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40926

Этапы англо-американского сотрудничества в рамках первых атомных проектов

Рипак Илья Александрович

ORCID: 0009-0009-3856-7006

Аспирант, кафедра американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7-9

✉ ilka-95@mail.ru

[Статья из рубрики "История и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.6.40926

EDN:

BNRKXM

Дата направления статьи в редакцию:

03-06-2023

Дата публикации:

10-06-2023

Аннотация: Атомное оружие, с середины XX века и по сей день во многом определяющее картину международных отношений и переводящее конфликты между великими державами в рамки прокси-войн и локальных столкновений, впервые было создано коллективными усилиями США и Великобритании во время Второй мировой войны. Хотя в конечном итоге союзники завершили работу над атомным оружием вместе, их вклад был весьма неравнозначен. Этому соответствовали и итоговые полученные сторонами дивиденды. Более того, ядерные проекты первоначально велись не единым фронтом, а по отдельности, переживая периоды роста и спада сотрудничества между собой, не совпадающие с общей тенденцией развития отношений союзников. Цель данного исследования заключается в выделении и фиксации конкретных этапов англо-американского сотрудничества в рамках первых атомных проектов Великобритании и США. Зарубежная историография рассматривала самые разные аспекты как американского Манхэттенского проекта, так и британского «Tube Alloys», включая роль дипломатии и влияние кооперации союзников на развитие атомного оружия. Советская и

российская историография, несмотря на значительно меньший объем работ по данной теме, также касалась упомянутых проблем. Однако ни отечественные, ни зарубежные исследователи не устанавливали какую-либо четкую периодизацию кооперации союзнических ядерных проектов. В рамках данного исследования демонстрируется динамика взаимоотношений Великобритании и США в атомной сфере, фиксируются основные противоречия между союзниками, приводившие атомное сотрудничество к стагнации и остановке, указываются причины возобновления и интенсификации данного сотрудничества. В заключении проводится разделение англо-американской кооперации на семь этапов. Каждый из этапов обуславливается и характеризуется как сравнительным уровнем развития проектов в отдельный момент времени, так и динамично меняющимися интересами участвующих сторон.

Ключевые слова:

Манхэттенский проект, английский атомный проект, Вторая мировая война, атомное сотрудничество, англо-американские отношения, атомная бомба, ядерное оружие, атомная дипломатия, Квебекская конференция, атомный проект

Создание атомного оружия в годы Второй мировой войны стало событием, положившим начало новой системе подходов к международным конфликтам, в которой война с противником, вооруженным таким же оружием, могла привести к взаимному уничтожению. Тем не менее, будучи самым разрушительным оружием в истории человечества, ядерная бомба давала невероятно широкие возможности своему владельцу, как с дипломатической точки зрения, так и с военно-стратегической, особенно пока оппонент не имел на него собственного атомного ответа. Впервые данное оружие увидело свет в результате деятельности американского проекта «Манхэттен». Параллельно с ним развивался и британский проект под зашифрованным названием «Tube Alloys». Хотя первоначальные инициативы по созданию ядерного оружия как в США, так и в Великобритании, были предприняты скорее из-за опасений, связанных с потенциальным немецким атомным проектом, уже к концу войны вопросы обеспечения силой атома собственной безопасности трансформировались в стремление создать безапелляционную силовую опору для доминирования в послевоенном мире для США, и для сохранения колониальной империи для Великобритании. В обоих случаях главным конкурентом стран-союзниц считался Советский Союз. Американский и английский атомные проекты велись в условиях, близко соответствующих слову «кооперация», однако взаимоотношения между Великобританией и США в области ядерных исследований как в годы войны, так и после нее, стабильными назвать невозможно – они проходили скорее в атмосфере конкуренции, чем добропорядочного сотрудничества.

Актуальность данного исследования состоит, в первую очередь, в недостаточной изученности отечественными исследователями проблем иностранных атомных проектов, организованных во время Второй мировой войны – американского проекта «Манхэттен» и английского «Tube Alloys». Если зарубежная историография полнится работами по самым разным аспектам Манхэттенского проекта (этичность и необходимость использования ядерного оружия в ходе Второй Мировой войны [\[1-4\]](#), последствия изобретения атомной бомбы для послевоенного мира [\[5-8\]](#), роль армии в проекте [\[9\]](#), техническую часть проекта [\[10\]](#), его общую историю [\[11-13\]](#), роль и судьбу женщин в рамках проекта [\[14\]](#) и другие) и «Tube Alloys» [\[15-21\]](#), многие из которых затрагивают

вопрос англо-американской кооперации в рамках этих проектов [\[22\]](#), то трудов на эту тему в СССР и России в целом выпускалось не слишком много. В Советском Союзе данная тенденция была связана с запрещенностью темы в целом, поэтому число работ этого периода исчисляется единицами [\[23-25\], \[31\]](#). После раз渲ала СССР отечественная «атомная» историография пополнилась десятками работ, большая часть из которых так или иначе была связана с советскими ядерными проектами. При этом крупных работ по американскому и английскому проектам вышло всего несколько, остальные являются публикациями в научных журналах. Те исследователи, что рассматривали зарубежные проекты, преимущественно анализировали их в контексте компаративистики [\[26-30\]](#), дипломатии и влияния ядерного оружия на международные отношения [\[23, 31-36\]](#), разведки и шпионажа [\[37, 38\]](#). Особняком стоят работы В. Л. Малькова, являющиеся единственными полноценными современными отечественными монографиями, концентрирующимися на Манхэттенском проекте, а конкретно – на его дипломатических и разведывательных аспектах [\[39, 40\]](#). Область англо-американского атомного взаимодействия затрагивалась как в работах Малькова, так и в некоторых трудах иных авторов [\[23, 31, 32\]](#). Тем не менее, ни отечественные, ни зарубежные исследователи не устанавливали какую-либо четкую периодизацию кооперации ядерных проектов Великобритании и США. Данное исследование позволит заполнить эту лакуну.

Таким образом, объектом исследования выступают первые атомные проекты Великобритании и США «Tube Alloys» и «Манхэттен». Предмет исследования – англо-американские взаимоотношения в сфере атомной энергии в годы Второй мировой войны и послевоенного периода. Целью исследования является выделение и фиксация конкретных этапов англо-американского сотрудничества в рамках первых атомных проектов Великобритании и США. Для достижения данной цели, помимо общенаучных методов, используются следующие методы исторического исследования:

- Историко-генетический метод для описания этапов формирования и изменения англо-американских отношений в сфере атомной энергии и фиксации причинно-следственных связей создания, развития и достижения целей сотрудничества Великобритании и США;
- Метод исторической периодизации для выделения конкретных этапов англо-американских отношений в сфере разработки ядерного оружия;
- Историко-системный метод для комплексного анализа этапов англо-американских отношений в сфере разработки ядерного оружия.

Основными источниками в рамках данного исследования выступают письменные исторические источники, связанные с союзными атомными проектами: письмо Эйнштейна президенту Рузвельту, меморандум Фриша-Пайерлса, доклад МАУД, Квебекское соглашение 1943 г., памятная записка из Гайд-Парка, Закон об атомной энергии 1946 г., Договор о взаимной обороне 1958 г. Кроме того, интерес представляют мемуары генерала Гровса [\[41\]](#), военно-административного руководителя Манхэттенского проекта, непосредственно участвовавшего в выработке условий кооперации с Великобританией.

Ядерная физика, родившись из случайно открытия французского физика Антуана Анри Беккереля некого излучения, исходящего от солей урана, развивалась всю первую половину XX века. К 1939 г. европейское научное сообщество доходит до мысли о возможности использования энергии, выделяющейся при делении ядер тяжелых элементов, в качестве основы для создания оружия массового поражения. 26 января 1939 г. датский физик Нильс Бор на международной конференции по физике в университете Джорджа Вашингтона объявляет о совершенных открытиях его коллег.

Первоначально ни английское, ни американское руководство не заинтересовались открывшими возможностями – они казались слишком нереалистичными. Однако перспектива изобретения ядерного оружия национал-социалистической Германией невероятно пугала многих физиков. 11 октября 1939 г. президент Франклин Рузвельт принимает Александра Сакса, товарища еще по первым годам Нового курса, который передает ему коллективно составленное письмо ученых Лео Силарда, Юджина Вигнера, Эдварда Теллера и Альберта Эйнштейна. Письмо призывало инициировать исследования в атомной сфере в связи с потенциальной возможностью ведения таких исследований нацистами. Уже 12 октября Рузвельт подписывает указ о создании Совещательного комитета по урану [40, с. 32-35]. В это же время английские ученые Джордж Томсон и Марк Олифант в Великобритании ведут собственные работы по «урановой проблеме». Группа Олифанта, в которую входили физики-иммигранты Отто Роберт Фриш и Рудольф Эрнст Пайерлс, достигла некоторого успеха. По итогам работы, Фриш и Пайерлс в меморандуме указали на реальную возможность создания ядерной бомбы, что повлекло за собой формирование в апреле 1940 г. комитета Томсона, назначенного ответственным за дальнейшие ядерные исследования. Другое название данного органа – «комитет МАУД». Впоследствии на основе комитета будет создан проект «Tube Alloys», который в дальнейшем и будет осуществлять английские работы по атомному оружию под руководством Лорда-председателя Совета, члена военного кабинета Джона Андерсона [16, с. 47].

Отчет англо-американского сотрудничества в сфере разработки ядерного оружия начинается с осени 1940 г., когда британский физик Джон Кокрофт, заместитель директора научных исследований в Министерстве снабжения, и один из ведущих английских ученых, занятых в сфере атомных исследований, в составе группы химика Генри Тизарда (ректора Имперского колледжа Лондона и главы Комитета научных исследований ПВО) посещает США. Миссия Тизарда была нацелена на обмен общей научно-исследовательской и технической информацией с американцами, которые еще не вступили в войну, но поддерживали Великобританию и обладали более мощной промышленностью, способной оказать помощь союзнику. Кокрот обнаружил, что американская атомная инициатива организационно находилась лишь в зачаточном состоянии, а по темпу исследований на несколько месяцев отставала от английской [22, с. 15-16]. За прошедшее время комитет МАУД провел немало исследований, его работа была выражена в двух докладах, подтвердивших выводы Фриша и Пайерлса [15, с. 78]. Эти доклады были переданы американской стороне через Британское центральное научное управление 14 июля 1941 г.

Вместе с информацией, полученной в рамках ответного визита в Великобританию ученых Джорджа Пеграма и Гарольда Юри в октябре 1941 г., «доклад МАУД» привел к интенсификации американского атомного проекта, созданию «Урановой секции» (в дальнейшем превращенной в «Секцию S-1» и ставшей фундаментом Манхэттенского проекта) и предложению от американского Управления научных исследований и разработок (органа, контролировавшего оборонные исследования США) и его руководителей Ванневара Буша и Джеймса Конанта совместить английский и американский проекты по созданию ядерного оружия. Однако однозначного ответа от английской стороны не последовало [22, с. 16]. Хотя руководство страны полагало, что сотрудничество во всех военных сферах следует поощрять, атомный проект Великобритании должен был оставаться самостоятельной инициативой [18, с. 193-194], а объединение его с американским быстро привело бы к потере независимости в условиях иных сиюминутных военных приоритетов и подавляющего промышленного превосходства

США. Обмен информацией продолжался, но никаких более серьезных шагов по кооперации в этой сфере не предпринималось.

Тем временем, американский проект набирал ход. В ноябре 1941 г. доклад Обзорного комитета Национальной академии наук, созданного в апреле того же года в целях оценки военного значения атомного проекта и затрат на него, подтвердил данные Комитета МАУД, а 7 декабря японская атака на Перл-Харбор заставила прежде колебавшиеся США вступить в войну. Актуальность проекта резко увеличилась, как и, соответственно, уровень его финансирования, что привело к быстрому прогрессу ядерных исследований. К лету 1942 г. американский проект, с учетом большей доступности ресурсов, большего уровня финансирования и большей промышленной базы, обогнал по темпам прогресса английский [22, с. 17]. К августу-сентябрю 1942 г. он выходит на начальный этап промышленного производства делящихся веществ, составляющих основную «начинку» атомной бомбы: учреждается Манхэттенский инженерный округ, от названия которого и происходит сам проект «Манхэттен», во главе проекта встает грубый, но эффективный и прагматичный генерал Лесли Гровс [30, с. 52], ядерные разработки в целом передаются в руки (и под финансирование) Армии США [9, с. 41-44], начинают возводиться первые мощности по отделению урана-235 от урана-238. Прогресс американцев не остался незамеченным и предложения о совмещении проектов теперь уже начали поступать с английской стороны [22, с. 17], чья промышленность в условиях военных действий не могла самостоятельно и в приемлемые сроки справиться с обогащением урана и производством плутония в достаточных для атомной бомбы количествах.

В июне 1942 г. в Гайд-Парке состоялась встреча премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля и президента США Франклина Рузвельта, во время которой британский премьер-министр настаивал на установлении равноправного обмена информацией в атомном деле. Рузвельт был вполне согласен на такие условия, однако, когда дело дошло до воплощения договоренностей о кооперации в жизнь, Буш и Конант проявили откровенное нежелание сотрудничать с англичанами [22, с. 17]. Во многом отказ кураторов Манхэттенского проекта от сотрудничества был связан с переходом самого проекта в руки военных, серьезно озабоченных как вопросами сохранения секретности, так и послевоенными намерениями англичан в отношении использования атомной энергии, в том числе коммерческого – в переписке Буша и Джона Андерсона, куратора проекта «Tube Alloys», летом 1942 г., последний, ссылаясь на купленные Великобританией патенты на открытия французский ученых Ганса фон Хальбана и Льва Коварского, предлагал в перспективе привлечь к контролю над атомной энергией широкий круг держав, «таких как британские доминионы или Россия». Весь объем производства атомного оружия был взят на себя США, первые бомбы ожидались уже к осени 1944 г. и английская помощь, к тому же в обмен на полный обмен информацией и с претензией на некий международный контроль, представлялась просто излишней [40, с. 95-96]. Военное руководство предлагало давать англичанам лишь ту информацию, что могла быть использована ими в практическом отношении во время войны; ядерные секреты в эту категорию не попадали [8, с. 72]. Данная идея была выражена 26 октября 1942 г. в меморандуме Конанта, который Рузвельт принял через несколько дней. Многочисленные попытки Черчилля уговорить американскую сторону отказаться от меморандума на Касабланской и Вашингтонской конференциях в январе и мае 1943 г., а также в промежутке между этими конференциями в многочисленных письмах незаменимому помощнику президента Гарри Гопкинсу, успехом не увенчались. Тем

временем, процесс обмена информацией между атомными проектами практически прекратился. Хотя предпринятые меры и давали США возможность сохранить монопольный контроль над результатами Манхэттенского проекта, они отсекали от процесса разработки английских ученых, а также ставили под угрозу поставки урановой руды, что негативно сказывалось на темпах работы, хотя сдвиг сроков разработки в связи с этими сложностями изначально считался вполне приемлемым [40, с. 101].

В июле 1943 г. Буш и военный министр США Генри Стимсон посетили Великобританию, где в контексте прервавшихся контактов по ядерным исследованиям выразили обеспокоенность американской стороны о послевоенных намерениях англичан в сфере использования атомной энергии (в первую очередь, в коммерческом отношении), приведшую к разрыву связей [22, с. 18]. Не имеющие возможность в сложившихся обстоятельствах продолжать собственный проект самостоятельно, британцы начали составлять проект договора, включая заверения, могущие успокоить американцев – что первой целью Великобритании является победа в войне, а не послевоенное извлечение прибыли при помощи ядерной энергии [42, с. 291-295]. Тем временем, в самих США Рузвельт наконец решает возобновить сотрудничество с Великобританией по атомным разработкам – многие исследования в рамках Манхэттенского проекта могли идти значительно быстрее при условии обмена опытом и знаниями с английскими учеными. Джон Андерсон с английской стороны, Буш, Конант и Стимсон с американской, составили проект договора. Хотя указания Рузвельта от 20 июля гласили о необходимости согласиться на запрашиваемые британцами условия абсолютно свободного обмена всеми данными (эти указания американского президента были англичанам неизвестны), Гровс, Буш и Конант выступали строго против таких требований, считая их не адекватными складывающейся объему потенциального английского вклада в проект. Их усилиями [41, с. 124-126] в ходе Квебекской конференции Рузвельт и Черчилль подписали 19 августа 1943 г. договор, основанный на значительно более скромных принципах:

- 1) Полный обмен информацией устанавливается в тех случаях, когда работа является, по существу, совместной;
- 2) Оба правительства обязуются не использовать изобретения друг против друга;
- 3) Оба правительства обязуются не передавать третьей стороне информацию без согласия партнера;
- 4) Оба правительства обязуются не использовать атомное оружие против третьей стороны без согласия партнера;
- 5) Информация по экономическим и промышленным вопросам, направляемая в Великобританию, будет отбираться в соответствии с теми ограничениями, которые президент США сочтет необходимыми и удовлетворяющими интересам обеих сторон, исходя из того, что основная часть расходов лежит на США [41, с. 125-126].

Кроме того, согласно Квебекскому соглашению, стороны организовывали Объединенный политический комитет, работающий в Вашингтоне, в задачу которого входило наблюдение за совместными атомными работами США, Англии и Канады. Первоначальный состав комитета включал в себя от США Стимсона, Буша и Конанта, от Великобритании – главу миссии Британского объединенного штаба в Вашингтоне фельдмаршала Джона Дилла и полковника Джона Ллевеллина, входившего в Британское министерство снабжения и также постоянно находившегося в Вашингтоне, а от Канады –

руководителя департамента боеприпасов и амуниции Кларенса Хая [43, с. 119]. Квебекское соглашение составило основу официального сотрудничества по атомным программам между США и Великобританией до конца войны. Гровс считал, что комитет смог работать без значительных разногласий и осложнений благодаря удачно подобранным кадрам и признанием англичанами решающего вклада американцев в создание ядерного оружия [41, с. 128]. Англичане получили доступ к американским лабораториям, США помогали специалистами, информацией, материалами и оборудованием канадцам в строительстве тяжеловодного реактора в Чок-Ривере. Как руководитель Манхэттенского проекта, Гровс разработал правила совместной работы английских и американских ученых. Они, в свою очередь, были дополнены и одобрены Объединенным политическим комитетом и служили основой для осуществления научного обмена по атомным вопросам вплоть до 1946 г., когда был принят Закон об атомной энергии [41, с. 129].

Таким образом, Квебекское соглашение позволило найти компромисс между стремлением Великобритании к атомной кооперации и американскими опасениями за получение англичанами послевоенных преимуществ, несоразмерных их вкладу в проект. Исследователь В. Л. Мальков считает, что весь текст соглашения достаточно однозначно говорит о том, что новорожденный «атомный клуб» являлся закрытым учреждением, в котором имелось место только для двоих участников. Результаты Манхэттенского проекта планировалось использовать в качестве потенциального оружия сдерживания коммунизма. При этом данная идея была сформулирована Черчиллем, и она прекрасно укладывалась в рамки концепции послевоенной конкуренции с СССР, формировавшейся в Государственном департаменте США, Военном министерстве и Министерстве военно-морского флота [39, с. 31-32].

Вслед за подписанием Квебекского соглашения, англо-американское атомное взаимодействие стремительно интенсифицировалось. Основными лицами, налаживающими взаимодействие между сторонами, стали генерал Гровс и физик Джеймс Чедвик, входивший в английский проект еще со времен его существования лишь в виде комитета Томсона. Чедвик предпринял все возможное, чтобы направить как можно большее число английских ученых на работы в Манхэттенский проект. Со стороны Великобритании это было необходимо как для формирования постбоевых научных связей в сфере атомной энергии, так и для получения бесценного опыта, который мог быть задействован (и в итоге будет задействован) в собственных английских исследованиях. Американцы же получили дополнительные научные кадры, ускорившие разработку ядерного оружия [22, с. 18-19].

Немаловажным элементом сотрудничества между Великобританией и США стало создание в середине июня 1944 г. Треста объединенных разработок – компаний по добыче урановой руды в Бельгийском Конго. Правительство Бельгии после оккупации страны немцами находилось в Лондоне и полностью поддержало создание такой межправительственной организации, которая сможет, не нарушая законов участвующих стран, производить все сделки с бельгийцами в рамках предполагаемого соглашения (монопольное владение урановыми месторождениями и быстрая отправка добытой руды в США для нужд Манхэттенского проекта). Это соглашение в середине июня 1944 г. было подписано Рузвельтом и Черчиллем. Созданная организация подчинялась Объединенному политическому комитету, и должна была руководить всеми закупками сырья за пределами США и Англии. Гровс указывал, что деятельность треста была весьма успешной, так как он не только сыграл роль в заключении соглашений по

поставкам урановой руды, но еще и содействовал расширению геологоразведочных работ, начатых с подачи Манхэттенского проекта, а также оказывал помощь в сфере обогащения бедных на уран-235 руд [41, с. 155].

Продолжение кооперации в атомной сфере после окончания войны являлось отдельным поводом для беспокойства английского руководства. В сентябре 1944 г. в Гайд-Парке состоялась еще одна встреча Рузвельта и Черчилля, по итогам которой была составлена «памятная записка», выражавшая дальнейшие намерения союзников в отношении ядерного оружия: отказ от его рассекречивания, вероятное использование против Японии, дальнейшее сотрудничество Великобритании и США в атомной сфере после поражения Японии до тех пор, «пока оно не будет прекращено по взаимной договоренности». Здесь же косвенно подчеркивалась недопустимость утечек информации в пользу СССР. Смерть президента Рузвельта 12 апреля 1945 г. разрушила планы на дальнейшее сотрудничество в рамках достигнутых договоренностей: американский экземпляр записи на некоторое время по ошибке затерялся в бумагах помощника Рузвельта по морским делам, а единственным человеком, который знал о планах президента в отношении кооперации с англичанами был Буш, выступавший против любых секретных соглашений с Великобританией, могущих навредить отношениям с Советским Союзом и являвшийся сторонником установления после войны международного контроля за атомным оружием [22, с. 19].

Неравное участие сторон в ядерном проекте вылилось и в «неравной» трактовке текста Квебекских соглашений. Хотя применение ядерного оружия должно было быть согласовано обеими сторонами, а в качестве «жертвы» Рузвельтом и Черчиллем в Гайд-Парке формально уже была выбрана Япония, конкретные места ядерных ударов американцы выбирали самостоятельно, лишь формально согласовав принятые решения с Великобританией. В июле 1945 г. Черчилль подписал бумаги, составленные на встрече Объединенного политического комитета Стимсоном и фельдмаршалом Генри Уильсоном, заменившем умершего в 1944 г. Джона Дилла как на посту главы миссии Британского объединенного штаба в Вашингтоне, так и в рамках самого комитета [22, с. 19-20]. 6 и 9 августа 1945 г. японские города Хиросима и Нагасаки были уничтожены атомными бомбами.

После достижения США своих целей в рамках Манхэттенского проекта и окончания войны, договоренности с Великобританией начали ощущаться американской стороной как обуз: ядерное оружие уже было создано, и монополия на него была в руках у Соединенных Штатов. Право Великобритании в рамках Квебекских соглашений на согласование целей для американских ядерных бомб уже вскоре стало рассматриваться как неадекватное изменившемуся статусу держав в послевоенном мире. По инерции от прежнего духа кооперации, в 1946 г. между союзниками было заключено соглашение о равном распределении добываемой в Конго урановой руды, однако почти сразу данная договоренность создала дефицит урана для расширяющейся ядерной программы американцев [22, с. 42]. Сам Манхэттенский проект по подписенному 1 августа 1946 г. Закону об атомной энергии, ограничившем, в том числе, передачу технической информации в данной сфере англичанам, в течение полугода переводился из рук военных под гражданский политико-бюрократический контроль. 31 декабря 1946 г. проект закончил свое существование, его наследницей с 1 января 1947 г. стала Комиссия по атомной энергии.

Хотя в дальнейшем иные сферы англо-американского союза развивались достаточно успешно, особенно в контексте начавшейся Холодной войны, сфера ядерного оружия

была исключением [22, с. 41]. Английские попытки найти компромисс со все более отдаляющимися США успехом не увенчались – даже предложение в ноябре 1949 г. на встрече Объединенного политического комитета передать в руки США все производство атомного оружия на условиях полного обмена информацией, продолжения британцами собственных исследований и получение ими в свое распоряжение некоторого количества уже готовых бомб, было встречено отказом. В обмен на режим полной атомной кооперации и предоставление бомб, американцев устраивал лишь абсолютный отказ от самостоятельных английских разработок ядерного оружия, на что уже не хотели идти британцы [22, с. 44]. Окончательный приговор сотрудничеству вынесли поимка в Великобритании физика Клауса Фукса, передававшего сведения по атомному оружию Советскому Союзу, и начало эпохи маккартизма в США в 1950 г., хотя эти события скорее были поводом для американцев свести оставшиеся дела кооперации к нулю [22, с. 45]. Англичане далее уже самостоятельно будут ковать собственный ядерный щит, произведя первое ядерное испытание в октябре 1952 г. Лишь в 1958 г. сотрудничество в атомной сфере между США и Великобританией будет возобновлено по Договору о взаимной обороне. Он в итоге приведет к потере английской самостоятельности в вопросах ядерного вооружения.

Таким образом, можно выделить семь основных этапов англо-американских отношений в сфере разработки, создания, хранения и использования ядерного оружия:

- 1) Сентябрь 1940 – осень 1941 гг.: начальный этап – сотрудничество и обмен информацией, проект Великобритании обгоняет проект США;
- 2) Осень 1941 – декабрь 1942 гг.: увеличение темпов развития проекта США, постепенное сокращение обмена информацией по инициативе американской стороны;
- 3) Декабрь 1942 – август 1943 гг.: остановка сотрудничества;
- 4) Август 1943-1946 гг.: восстановление отношений, активная фаза кооперации на компромиссных условиях с американским преимуществом – обмен информацией, участие английских ученых в Манхэттенском проекте, выработка принципов общей политики в сфере атомного оружия;
- 5) Август 1946-1950 гг.: постепенное сворачивание сотрудничества;
- 6) 1950-1958 гг.: отсутствие кооперации;
- 7) Июль 1958 г. – до сегодняшнего дня: возобновление сотрудничества, подчинение британской ядерной программы Соединенным Штатам.

В рамках первого этапа с сентября 1940 г. по осень 1941 г., пока англичане превосходили американцев в темпах ядерных исследований, взаимодействие между сторонами было вполне взаимовыгодным, хоть и более глубокая кооперация блокировалась английской стороной. Тем не менее, чем дальше заходили исследования, тем становилось яснее, что атомные проекты потребуют огромного вложения средств и мощной промышленной базы. Географическое положение США в контексте ведущихся военных действий, их экономическая сила и специфика участия в войне подразумевали, что средств для воплощения изобретения ученых-атомщиков в жизнь было у американцев значительно больше, чем у их коллег из Великобритании. Второй этап кооперации, с осени 1941 г. по декабрь 1942 г., был ознаменован постепенным уменьшением интенсивности сотрудничества уже по инициативе США, в связи с успешным, в сравнении с британской стороной, продолжением атомных исследований. В

конечном итоге, по инициативе военного руководства Манхэттенского проекта, сотрудничество с англичанами было прекращено практически на полтора года, которые составляют третий этап англо-американских отношений в атомной сфере, с декабря 1942 г. по август 1943 г. Возобновление кооперации, состоявшееся по итогам Квебекской конференции в августе 1943 г. и ознаменовавшее четвертый этап, потребовало от англичан признания, документальной фиксации и принятия последствий несоизмеримо большего вклада США в дело создания атомного оружия. Однако прежде этого американцы должны были признать действительную ценность английского вклада в ядерный проект, вполне измеримый месяцами, если не годом в итоге сэкономленного времени. После заключения компромиссного Квебекского соглашения, заново оформленное, но уже не претендующее на равноправие сотрудничество смогло стать достаточно эффективным для обеих сторон вплоть до 1946 г. Создание ядерных бомб, испытание первой бомбы на полигоне Аламогордо 16 июля 1945 г., бомбардировка Хиросимы и Нагасаки и конец войны ознаменовали как завершение Манхэттенского проекта, так и постепенное сворачивание англо-американской кооперации в сфере ядерных вооружений в рамках пятого этапа, начавшегося с принятия 1 августа 1946 г. Закона об атомной энергии. К 1950 г. англо-американские отношения в данной сфере подошли к концу и не возобновлялись вплоть до 1958 г., что составляет шестой этап. Наиболее длительный седьмой этап, начатый в июле 1958 г. и длящийся по сей день, представляет собой сотрудничество на еще более неравноправных условиях, чем это было прежде.

Библиография

1. Alperovitz G. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. New York: Simon and Schuster, 1965. 317 p.
2. Alperovitz G. The Decision to Use the Atomic Bomb and the Architecture of an American Myth. New York: Knopf, 1996. 864 p.
3. Fussell P. Thank God for the Atom Bomb and Other Essays. New York: Summit Books, 1988. 298 p.
4. Giangreco D.M. Hell to Pay: Operation Downfall and the Invasion of Japan, 1945-1947. Annapolis, MD: Naval Institute Press, 2009. 362 p.
5. Campbell S., Radchenko S. The Atomic Bomb and the Origins of the Cold War. New Haven, CT: Yale University Press, 2008. 201 p.
6. Feis H. Between War and Peace: The Potsdam Conference. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1960. 367 p.
7. Hewlett R.G. Atomic Shield, 1947-1952. A History of the United States Atomic Energy Commission. University Park: Pennsylvania State University Press, 1969. 718 p.
8. Sherwin, M.J. A World Destroyed: Hiroshima and the Origins of the Arms Race. New York, Vintage Books, 1987. 375 p.
9. Jones V.C. Manhattan: The Army and the Atomic Bomb. Washington, D.C.: U. S. Government Printing Office, 1985. 680 p.
10. Hoddeson L. Critical Assembly: A Technical History of Los Alamos during the Oppenheimer Years, 1943-1945. Cambridge University Press, 1993. 528 p.
11. Rhodes R. The Making of the Atomic Bomb. New York: Simon & Schuster, 1986. 896 p.
12. Дельгадо Д. П. Атомная бомба: Манхэттенский проект: начало нового отсчета истории человечества. М.: Эксмо, 2011. 208 р.
13. Gosling F.G. The Manhattan Project: Making the Atomic Bomb. Washington, DC: United States Department of Energy, History Division, 1994. 66 p.

14. Howes R.H. *Their Day in the Sun: Women of the Manhattan Project*. Philadelphia: Temple University Press, 1999. 264 p.
15. Clark R.W. *The Birth of the Bomb: Britain's part in the weapon that changed the World*. London: Phoenix House, 1961. 209 p.
16. Gowing M. *Britain and Atomic Energy 1939–1945*. London: Macmillan, 1964. 480 p.
17. Zimmerman D. *The Tizard Mission and the Development of the Atomic Bomb // War in History*. 1995. Vol. 2, No. 3, Special Issue on Allied Scientific Collaboration in the Second World War. Pp. 259-273. DOI: <https://doi.org/10.1177/096834459500200302>
18. Farmelo G. *Churchill's Bomb: How the United States Overtook Britain in the First Nuclear Arms Race*. New York: Basic Books. 2013. 576 p.
19. Cathcart B. *Test of Greatness: Britain's Struggle for the Atom Bomb*. London: John Murray, 1995. 302 p.
20. Gott R. *The Evolution of the Independent British Deterrent // International Affairs*. 1963. Vol. 39, No. 2. Pp. 238-252. DOI: <https://doi.org/10.2307/2611300>
21. Gowing M., Arnold L. *Independence and Deterrence: Britain and Atomic Energy, 1945–1952, Volume 1, Policy Making*. London: Macmillan, 1974. 516 p.
22. Baylis J. *Anglo-American Defence Relations, 1939-1984: The Special Relationship*. London: Macmillan, 1984. 290 p.
23. Мадзоевский С. Квебекское соглашение. Англо-американские противоречия в области атомного оружия // Международная жизнь, 1958, № 5.
24. Воронцов В.Б. Трагедия сорок пятого. М., 1969. 136 с.
25. Иойрыш А.И., Морохов И.Д., Иванов С.К. А-бомба. М., 1980. 424 с.
26. Новикова Татьяна Александровна: Общие и особенные черты инициации Манхэттенского и Советского уранового проектов. // Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран: Сборник научных трудов. Вып. 3. М.: МГОУ, 2004. С. 58-74.
27. Севрюк Н.А. Руководители атомных проектов США и СССР // Уральский научный форум «Война. Культура. Победа». Роль Урала как арсенала победы (к 60-летию Великой Победы). Материалы III региональной научно-практической конференции. Челябинск, 2005. С. 123-128.
28. Севрюк Н.А. Закрытые города атомных проектов США и СССР // Тыл-фронту. Материалы международной конференции, посвященные 60-летию Великой победы. Челябинск 2005. С. 90-94.
29. Севрюк Н.А. Разработка и реализация атомных проектов США и СССР. Челябинск, 2005. 250 с.
30. Новикова Т.А. Создание ядерного оружия в США и СССР. Общие и особенные черты. 1939-1949 гг. М., 2006. 332 с.
31. Трухановский В. Г. Проблема ядерного оружия в английской политике в годы второй мировой войны // Вопросы истории. 1984. № 5.
32. Севостьянов Г.Н. Квебекская конференция 1943 г. // Новая и новейшая история, 1996. № 2. С. 148.
33. Родин А.М. Создание атомного оружия и усилия США по втягиванию СССР в гонку ядерных вооружений в период Второй Мировой войны // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2015. № 4. С. 1351-1364.
34. Мальков В.Л. Термоядерная бомба и меняющийся баланс сил в советско-американских отношениях. «Супер» против «Слойки // Новая и новейшая история.

2015. № 6. С. 53–69. [Электронный ресурс] URL:
https://www.elibrary.az/docs/jurnal/jrn2015_1024.htm
35. Сазонов Д.Р., Михайлова Т.Л. Манхэттенский и Курчатовский проекты как граница формирования биполярного мира // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. 2016. № 3. С. 28-31.
36. Зимонин В.П. Начало «Атомной эры». Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки: военное значение и политические последствия // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2011. № 3. С. 84-90. [Электронный ресурс] URL: <https://elib.biblioatom.ru/item.asp?id=16920198>
37. Борков А.В., Васильев И.В. Атомная тематика в деятельности советской разведки в 1941-1950 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 3-1. С. 312-317. [Электронный ресурс] URL: http://elib.biblioatom.ru/text/borkov_atomnaya-tematika_2012/go,0/
38. Родин А.М. Атомные секреты, или «Троянский конь» Холодной войны // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 2. С. 59-68. [Электронный ресурс] URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/View/4736>
39. Мальков В.Л. Манхэттенский проект: Разведка и дипломатия. М., 1995. 272 с.
40. Мальков В.Л. Вхождение в ядерную эру. Атомная дипломатия: от начала к паритету. М., 2018. 648 с.
41. Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать / Сокращенный перевод с английского О.П. Бегучева. М., 1964. 304 с.
42. Wheeler-Bennett J. John Anderson, Viscount Waverley. London: Macmillan, 1962. 430 р.
43. Dewaters D. The World War II Conferences in Washington, D.C. and Quebec City: Franklin D. Roosevelt and Winston S. Churchill. The University of Texas at Arlington, 2008. 159 р.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Появившееся в годы Второй мировой войны ядерное оружие кардинальным образом поменяло подходы к обеспечению международной безопасности и порядка. Примечательны слова американского президента Гарри Трумэна: «Именно мне пришлось решать, где и когда следовало применить атомную бомбу. Пусть люди не обманываются: я всегда считал эту бомбу военным оружием, и я никогда не сомневался в том, что её применение — мой долг. Самые высшие военные советники президента рекомендовали её применение, и, когда я посоветовался по этому делу с Черчиллем, тот без колебаний сказал, что он стоит за применение атомной бомбы, если это может ускорить окончание войны». И действительно, с далекого 1945 г. вплоть до настоящего времени ядерное оружие использовалось только в экспериментальных целях, а третья мировая война не состоялась, несмотря на карибский и другие не менее серьезные конфликты времен холодной войны. В то же время современная международная обстановка заставляет обратиться к изучению истории зарубежных атомных проектов.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются англо-американские атомные проекты. Автор ставит своими задачами проанализировать основные этапы формирования и изменения англо-

американских отношений в сфере атомной энергии, а также определить причинно-следственные связи создания, развития и достижения целей сотрудничества Великобритании и США.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать англо-американские взаимоотношения в сфере атомной энергии в годы Второй мировой войны и послевоенного периода.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 40 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме работы, который проделал ее автор. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском языке. Источниковая база статьи представлена прежде всего опубликованными документами (письмо Эйнштейна президенту Рузвельту, меморандум Фриша-Пайерлса, доклад МАУД, Квебекское соглашение 1943 г., памятная записка из Гайд-Парка, Закон об атомной энергии 1946 г., Договор о взаимной обороне 1958 г.), а также опубликованными еще в советское время воспоминаний генерала Л. Гровса «Теперь об этом можно рассказать». Из привлекаемых автором исследований укажем на труды В.Г. Трухановского, В.Л. Малькова, С. Мадзоевского и других авторов, в центре внимания которых различные аспекты изучения атомных проектов. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как атомными проектами, в целом, так и англо-американским сотрудничеством в этой сфере, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «ни отечественные, ни зарубежные исследователи не устанавливали какую-либо четкую периодизацию кооперации ядерных проектов Великобритании и США». Выявив указанную лакуну, автор отмечает, что «отсчет англо-американского сотрудничества в сфере разработки ядерного оружия начинается с осени 1940 г.». В работе показано, что хотя вначале англичане превосходили американцев по темпам ядерных исследований «географическое положение США в контексте ведущихся военных действий, их экономическая сила и специфика участия в войне подразумевали, что средств для воплощения изобретения ученых-атомщиков в жизнь было у американцев значительно больше, чем у их коллег из Великобритании». В конечном итоге, на каждом следующем этапе отношения двух сторон становились все более неравноправными, что наглядно показывает автор рецензируемой статьи.

Главным выводом статьи является выявление 7 основных этапов англо-американских отношений в сфере разработки, создания, хранения и использования ядерного оружия с 1940 г. по настоящее время.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по

новой и новейшей истории Европы и Америки, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Дубинин А.И. — Этнический фактор в международных отношениях на Ближнем Востоке: историческая ретроспектива и современное состояние // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.6.40988 EDN: CVQKZR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40988

Этнический фактор в международных отношениях на Ближнем Востоке: историческая ретроспектива и современное состояние

Дубинин Александр Игоревич

ORCID: 0009-0004-7237-1676

соискатель, кафедра Истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

603022, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Гагарина, 23

✉ adubinin40rus@mail.ru

[Статья из рубрики "Регионы мира в мировом историческом процессе"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.6.40988

EDN:

CVQKZR

Дата направления статьи в редакцию:

16-06-2023

Дата публикации:

16-06-2023

Аннотация: Ближний Восток является одной из наиболее горячих точек современности. Тесное переплетение народов, языковых групп, религий делает данный регион одним из наиболее «взрывоопасных». Изучая проблему этнических конфликтов на Ближнем Востоке, следует уделить особое внимание истории возникновения государственности у стран региона. На протяжении нескольких столетий ближневосточный регион являлся европейской колонией. Только к XX веку большинство народов, проживающих на Ближнем Востоке обрело независимость. Большую роль в этом сыграли вооруженные формирования, зачастую исповедовавшие радикальный ислам и заявлявшие свои притязания не только на собственную страну, но и на территорию «соседей». В данной статье также уделяется внимание положению этнических меньшинств, которым не удалось создать собственное государство. Наиболее яркий пример – курды, разделенные сразу четырьмя границами и проживающими в Турции, Ираке, Иране и

Сирии. Объектом данного исследования являются взаимоотношения между народами Ближнего Востока. В основе исследования лежит историко-системный метод. В его рамках было рассмотрено развитие государств Ближнего Востока в XX и XXI веке, дана оценка взаимосвязи между историческими предпосылками и современной ситуацией в регионе. Наряду с историческим задействованы общенаучные методы (анализ и обобщение). При написании статьи были поставлены следующие задачи: 1) Проанализировать историческую составляющую международных отношений на Ближнем Востоке 2) Дать оценку современному состоянию взаимодействий стран и народов в регионе 3) Оценить степень влияния на политику стран Ближнего Востока со стороны вооруженных формирований 4) Проанализировать степень вовлеченности государств Запада в региональную повестку. Новизна данной работы заключается в анализе и изучении исторических предпосылок к формированию государственности отдельных стран Ближнего Востока, разделении их на группы для выявления признаков, влияющих на этнический фактор в международных отношениях на Ближнем Востоке.

Ключевые слова:

Ближний Восток, Ирак, Турция, Ливан, Иран, Сирия, курды, Суннизм, Хезболла, шиизм

«Этнический фактор в международных отношениях на Ближнем Востоке: историческая ретроспектива и современное состояние».

Введение

Современный Ближний Восток – регион, расположенный преимущественно в Западной Азии и частично в Северной Африке. Обширные территории от Аравийского полуострова до Турции, Израиля и Египта объединяют представителей многочисленных народов и конфессий, взгляды и убеждения которых зачастую в корне разнятся между собой. Так, формирование политических систем в ряде государств Ближнего Востока в XX веке не способствовало разрядке в отношениях между соседями. Российские ученые уделяют значительное внимание проблематике взаимоотношений между народами на Ближнем Востоке. И.В. Рыжов, М.Ю. Бородина и М.И. Савичева в качестве наиболее актуальных проблем стран Ближнего Востока выделяют «терроризм, внутренние, а также межгосударственные конфликты, угроза распространения оружия массового поражения» [10, с.49]. Также И.В. Рыжов, М.Ю. Бородина и Ф.А. Дорофеев рассматривают проблематику противостояния исламских течений в контексте общей безопасности на Ближнем Востоке. Они отмечают, что с учетом сложившейся ситуации в регионе «скорейшая стабилизация ближневосточной ситуации маловероятна». [11] Об опасности усиления политического терроризма пишет А.Г. Володин в своей статье «Политический терроризм и международная безопасность». В ней ученый подробно останавливается на причинах возникновения, критериях экстремистских организаций Ближнего Востока и предлагает способы борьбы с ними. На сложную geopolитическую ситуацию, ухудшающуюся из-за действий крупных региональных держав, таких как Турция, по отношению к этническим меньшинствам обращает внимание В. Надеин-Раевский. [9] И.Д. Звягельская отмечает, что на современном Ближнем Востоке межгосударственные конфликты отходят на второй план, уступая внутренним противоречиям, основанным на развивающихся традиционных идентичностях. [4] В данной статье будут рассмотрены факторы, способствующие эскалации напряженности на Ближнем Востоке в контексте формирования государственных систем и их этнической политики в XXI веке. Эволюция

взаимоотношений Турции со странами Ближнего Востока и России подобно рассматривается в статье М.П. Кирилловой.^[6] Широкий спектр тем, посвящённых этническим, религиозным, культурным и политических особенностей стран региона освещается в коллективной монографии «Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте».^[11] Степень вовлеченности военных формирований в политическую жизнь стран Ближнего Востока проанализировал Д.А. Миргород.^[8] Говоря о влиянии стран Европы и США на положение сил в регионе следует выделить статью В.В. Дуюна, рассматривающего через призму ливийской гражданской войны проблему разделения сфер влияния не только в Северной Африке, но и на Ближнем Востоке. Основные тренды в развитии арабских стран в своей статье «Арабский мир в поисках ответов на вызовы 2022 года» изучил Сурков Н.Ю.^[12] Иностранные ученые также посвящают свои исследования данной тематике. А.Абдулмаджид научной статье «Religious Diversity and Conflict in the Middle East» считает, что религиозный фактор, определяющим при выборе политического курса стран Ближнего Востока.^[14] Об определяющей роли ислама также говорится в статье М.Барбато «Postsecular Plurality in the Middle East: Expanding the Postsecular Approach to a Power Politics of Becoming». Автор ссылается на термин «Политический ислам» и считает, что он способен бросить вызов традиционным монархиям Саудовской Аравии, Марокко или Иордании.^[15] **Новизна** данной работы заключается в анализе и изучении исторических предпосылок к формированию государственности отдельных стран Ближнего Востока, разделении их на группы для выявления признаков, влияющих на этнический фактор в международных отношениях на Ближнем Востоке.

Исторические предпосылки к формированию государственности стран Ближнего Востока

Для того, чтобы более детально изучить проблематику, заявленную в теме статьи, следует обратить внимание на то, что многие этнические особенности, присущие отдельным странам региона окончательно сформировались во время обретения ими государственности в прошлом столетии. При этом возникшие государства следует разделять на несколько типов:

- 1) Исторически зависимые. Границы таких стран определялись метрополиями и формировались, как правило, без учёта этнических и религиозных особенностей местного населения. Наиболее яркие примеры – Ирак, Сирия, Кувейт. Стоит отметить, несмотря на обретение ими независимости, европейские державы и по сей день стремятся распространить свою сферу влияния на данные страны. Во время так называемой «арабской весны» западные государства предприняли попытки воздействовать на ситуацию в стране во многом из-за углеводородных ресурсов и стремления набрать политические очки. ^[3, с. 26]
- 2) Государства, возникшие благодаря активной борьбе национально-освободительных движений за независимость. Страны данного типа на определенных исторических этапах могли обладать полной или частичной независимостью, но впоследствии ее утратили. Здесь нельзя не упомянуть Египет, чья многовековая история и культура сформировались еще в глубокой древности. Попав в вассальную зависимость от Османской империи, в XVI веке, Египет смог сохранить свою самобытность и в конечном итоге отстоять право на существование как отдельного субъекта на мировой карте. На современном этапе нельзя не отметить милитаризацию страны, которая произошла во многом после принятия поправок к Конституции 2009 года.^[8] Тенденция к

милитаризации правящей верхушки продолжилась и далее. Так, в 2014 году в ходе военного переворота стал глава вооруженных сил страны Абдул-Фатах ас-Сиси.

4) Отдельные, уникальные примеры формирования государственности. Наиболее яркий пример - Израиль, жители которого были изгнаны со своих территорий римлянами и только спустя восемьсот лет вновь заявили свои притязания на утраченные земли. С XIX века многочисленные еврейские организации начали преподавать иврит как национальной язык, благодаря которому начало формироваться и национальное самосознание. Однако, как отмечают В. Кузнецов и И.Д Звягельская, «еврейское национальное движение оформилось в контексте европейских идейных течений» [\[5, с 137\]](#), что выделяет Израиль на фоне остальных стран Ближнего Востока. Турция как осколок Османской Империи вступила в новый этап своей истории в порядке уменьшенных границах. При этом часть современной элиты все еще грезит возвращением былого величия и имперского статуса. Однако из-за членства страны в НАТО, Турция не может в полной мере проводить самостоятельную политику. [\[6\]](#) Также во многом именно членство Анкары в упомянутом военном альянсе препятствует тесной интеграции с Ираном, проделавшим колossalный путь от монархии к исламской теократической республике, оставаясь при этом по большему счету в своих исторических границах. [\[12\]](#)

Освободительные движения, активно охватившие Ближний Восток после Первой Мировой войны, привели к тому, что уже внутри арабского мира были сформированы различные подходы к строительству государств. Среди них был панарабский вектор, суть которого была в объединении народа по языковому и этническому принципам. Субрегиональный принцип бывших территорий Османской империи опирался на общие ценности, сформированные в отдельных провинциях распавшегося государства, таких как Ливан, Ирак, Судан, Египет. В заключении, нельзя не отметить исламский подход, главной идеей которого было превращение религиозных основ в национальную идею. Так, в Иране объединяющую роль сыграл язык фарси, имперское прошлое и шиизм. Ю.С. Бойченко в материале «Возрастание роли этноконфессионального фактора и его конфликтогенный потенциал выделяет религию как один из наиболее действенных "способов сборки идентичности."» [\[2, с.126\]](#)

В контексте этнических и религиозных противостояний интересен пример Ливана, в обществе которого присутствует религиозная разделенность сразу между тремя течениями: мусульманами-суннитами, мусульманами-шиитами и христианами. Казалось, что благодаря так называемому Национальному пакту (XX век) в стране удалось достичнуть компромисса между религиозными и этническими общинами, однако, впоследствии народ Ливана был втянут в кровопролитную гражданскую войну. В XXI веке этнические проблемы Ливана только усугубились. Серьезной проблемой для ливанцев стали палестинские переселенцы (около 0,5 миллионов человек) [\[7, с.30\]](#) исповедующие суннизм, из - за чего большинству из них было отказано в получении ливанского паспорта. Ближе к концу 2014 года в страну начали въезжать бегущие от войны сирийцы, что в свою очередь насторожило местное правительство, решившее ввести въездные визы для сирийских беженцев.

Положение народов, не имеющих собственную государственность

Страна отметить, что на Ближнем Востоке существуют многочисленные народы, обладающие национальным самосознанием и идентичностью, но так и не получившие государственность. Это арабы-палестинцы и курды, для которых борьба за создание

собственного государства в нынешнее время является наиболее важной. Около десяти миллионов палестинцев разделены на две приблизительно равнозначные части, одна из которых проживает на спорных с Израилем территориях, а вторая – рассредоточена в других арабских странах. Курды, численность которых в три раза больше расселились преимущественно в Турции, Ираке, Иране и Сирии. [\[13\]](#)

Однако только на территории Иракского Курдистана упомянутый народ получил широкую автономию. К тому, же курды выдвинули претензии на город под названием Кикрук, который они считали собственной исторической столицей. Данный населенный пункт, богатый природными ресурсами стал «камнем преткновения» между арабами и курдами. Так, согласно подсчетам, на 2005 год в Киркуке жило около 53% курдов и 27% арабов. [\[7, с.37\]](#) Этот город и по сей день остается предметом споров. Многие курдские лидеры мнений, включая главу Демократической Партии Курдистана Махсуда Барзани считают Кикрук исконной курдской территорией. Отдельно стоит сказать о референдуме 2017 года, в ходе которого большинство курдов высказались за создание собственного государства не были приняты центром - Багдадом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что формирование государственности у народов Ближнего Востока происходило по разным сценариям, что, безусловно, повлияло на сегодняшнюю нестабильную ситуацию в регионе. Религиозный, политический, этнический факторы способствовали возникновению локальных конфликтов и войн. Так, в 2011 году после десятилетней гражданской войны единый Судан распался на северную и южную части. Этнические и религиозные противоречия (большинство на севере исповедовало ислам, а на юге - христианство), а также противоборство элит стали отправной точкой к дезинтеграционным процессам внутри государства. В свою очередь в Южном Судане после обретения независимости вспыхнула новая гражданская война между этноплеменными группами динка и нуэров. [\[1, с.115\]](#) Борьба за контроль над ресурсами и уверенность в "избранности" собственного племени (трайбализм) разожгли конфликт с большей силой.

Взаимоотношения центральной власти и неподконтрольных ей силовых структур

Одной из особенностей стран Ближнего Востока является наличие сразу нескольких неподконтрольных официальным властям силовых структур, что в свою очередь несет непосредственную угрозу существованию государственного аппарата. В том же Ливане одновременно с правительственные силами и полицией существует военизированное формирование «Хезболла». Так во время Второй ливанской войны именно данная группировка противостояла армии Израиля, а в сирийском кризисе силы «Хезболлы» поддержали правительственные войска и участвовали в боях против оппозиции и примкнувших к ней радикалов. В Сирии несколько лет подряд вели боевые действия сразу несколько сторон, активно поддерживающих извне. На стороне сирийской армии, поддерживаемой ВКС России, а также «Хезболлы» в конфликт вступили шиитские милиции из Пакистана, Ирака и Афганистана. Противостояли правительенным войскам террористы из ИГ (Запрещено в России) и других формирований. Соединенные Штаты Америки и их союзники оказывали помощь курдским отрядам самообороны, которые впоследствии объединились в «Сирийские демократические силы». Следует обратить внимание на то, что в СДС наряду с курдами воюют арабы и представители других местных этносов. [\[1, с.127\]](#) В качестве третьей стороны конфликта зачастую выделяются группировки вооруженной оппозиции, поддержку которым оказывают Турция, страны Персидского залива и США. В Ираке наиболее могущественным формированием являются «силы народной мобилизации», составленные в большинстве своем из шиитов.

Иракском Курдистане весомое значение имеют ополченцы так называемого «Пешмерга», зачастую заменяющие органы охраны правопорядка. Представители данного вооруженного формирования активно противостояли силам ИГИЛ (Запрещено в России) и даже освобождали ряд территорий от экстремистов. В Саудовской Аравии весомое значение имеет Национальная гвардия, формально подчиняющаяся монарху, но при этом управляемая представителей разных кланов элит, продвигающих собственные интересы. Фактически, выступая в качестве альтернативной силы, Национальная гвардия оказывала давление на монарха. Таким образом, на примере ряда стран Ближнего Востока можно проследить за тем, что отдельные вооруженные формирования, сформированные по этническим, религиозным или иным принципам могут активно воздействовать на политику центральной власти, поддерживать оппозицию, а где-то и военным путем выступать против политики правящей элиты.

Положение этнических меньшинств в Турции

Говоря о международных отношениях на Ближнем Востоке, стоит уделить внимание положению этнических групп в Турции, которое к началу XXI века существенно изменилось. После выборов 2002 года, на которых большинство голосов получила Партия справедливости и развития был выдвинут ряд инициатив, нацеленных на решение социокультурных и этнических проблем. Активно прорабатывался проект под названием «Процесс демократической инициативы», призванный повысить уровень жизни представителей немусульманских меньшинств. Благодаря «Пакету демократических преобразований» была проведена реформа, позволяющая преподавать в негосударственных учебных заведениях на иностранных языках. В университете в Эдирне был открыт Институт цыганского языка и культуры. Также был разработан план действий по поддержке цыганского меньшинства. После выборов 2015 года в парламенте увеличилось количество представителей этнических и религиозных меньшинств. Стоит отметить, что данные решения были неоднозначно восприняты населением из-за сильных националистических настроений и желания создания единой, монолитной турецкой нации. К тому же сам термин «меньшинство» в Турции чаще всего воспринимался с негативной коннотацией. В отличие от Европы, где данный статус являлся привилегией, в Турции его зачастую принимали как признание более низкого положения в обществе. Поэтому курды, алевиты и другие представители не титульной нации стремились избегать понятия «меньшинство» для того, чтобы исключить ассоциации с сегрегацией и изоляцией.^[1, с. 467] Взамен они предложили термин «этническая, языковая или культурная группа», который не противоречил идеи единства турецкой нации.^[1] Таким образом, этнические, религиозные и другие группы не получали официальный статус меньшинства, но требовали предоставления прав, которые принято считать правами меньшинств.^[1] Следовательно, этническую политику Турции в контексте международных отношений можно считать противоречивой. С одной стороны правящая элита шла на уступки и предоставление больших прав нацменьшинствам, с другой стороны курды и алевиты не имели статуса официально признанных меньшинств.

Как было сказано ранее, Ближний Восток является специфическим регионом по ряду причин. Отдельно стоит выделить формирование так называемого гражданского общества в регионе. Как правило, употребляя термин «гражданское общество», ученые обращаются к концепциям европейской либеральной демократии. Однако, в монографии «Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте» под редакцией В.Г. Барановского и В.В. Наумкина выдвигается тезис о том, что страны Ближнего Востока имеют собственное гражданское общество: исламские движения обладают серьезными возможностями для того, мобилизации сторонников, зачастую не подчиняются

государственным органам. [1, с.197] Безусловно, подобные религиозные течения не способствуют демократическим преобразованиям, однако, их действия способствуют развитию гражданского общества присущего данному региону теократического, нелиберального типа. Таким образом ближневосточное общество может оказывать давление на власть и продавливать собственные интересы, касающиеся в том числе взаимоотношений между народами как отдельной страны, так и межгосударственных отношений, что безусловно, является особенностью данного региона.

Иностранное влияние на Ближний Восток

Еще одним весомым аспектом, который стоит иметь в виду является фактор иностранного вмешательства во внутренние дела региона, о котором уже было сказано выше. Зачастую попытки повлиять на ситуацию в регионе заканчиваются серьезными жертвами среди мирного населения и увеличением числа радикально настроенных людей. Так, кровопролитными событиями обернулось вмешательство США во внутренние дела Ирака, который стал местом борьбы суннитских радикальных течений с шиитской милицией. Во многом из-за недальновидной политики, проводимой американской стороной, а именно запрета деятельности Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), распуска армии и уничтожения государственного аппарата Ирака как такового, конфликт вовлекал все большее количество последователей разных взглядов и религий. Политика Джорджа Буша младшего по этноконфессиональному вопросу также способствовала дальнейшей эскалации. Американцы сделали ставку на шиитские организации («Партия призыва», «Высший совет исламской революции»), что не могло не отразиться на настроении суннитов и послужило всплеску межконфессиональной вражды. Так, В. В. Наумкин, ссылаясь на исследование Университета Джона Хопкинса приводит следующие цифры: «в период с марта 2003 по июнь 2006 г. в Ираке насильственной смертью погибло 601 027 человек». [7, с.34] Стоит отметить, что рост насилия привел к оттоку населения из страны, в том числе среди меньшинств. Так, количество христиан в стране уменьшилось с 1 млн 400 тыс. человек до менее, чем 400 тысяч. [7, с.35]

Вывод

Исходя из сказанного выше, можно прийти к выводу о том, что этнические противоречия на Ближнем Востоке глубоко укоренились в политические системы государств и зависят от ряда причин: от нежелания определенных стран и народов признавать суверенитет над определенными территориями того или иного государства до противоречий на конфессиональном уровне. В статье былоделено особое внимание истории формирования государственности у отдельно взятых стран, силе и степени вовлеченности в исторический процесс национально-освободительных движений, а также стремлению некоторых многочисленных народов (например, курдов) к обретению собственной государственности как в XX, так и в XXI веке. Все это вкупе с противостоянием исламских течений, наличием вооруженных формирований, не подконтрольных центральной власти и стремлением третьих стран, преимущественно западноевропейских, к усилению собственных позиций в регионе дестабилизирует ситуацию на Ближнем Востоке.

Библиография

1. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: (Коллективная монография) / под ред. В.Г. Барановского, В.В. Наумкина. – М.: ИВ РАН, 2018.
2. Бойченко Ю.С. Возрастание роли этноконфессионального фактора в мировой политике и его конфликтогенный потенциал. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/vozrastanie-roli-etnokonfessionalnogo-faktora-v-mirovoy-politike-i-ego-konfliktogenyy-potentsial/viewer> (дата обращения 04.06.2023)
3. Дуюн В.В. Ливийская гражданская война как центр столкновения международных интересов. // Хроноэкономика. – М.: МГУ им. Ломоносова, 2020.-С. 25-32
 4. Звягельская И.Д. Конфликты на Ближнем и Среднем Востоке: тенденции и игроки // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: История и современность. М.:Интеграция: образование и наука. 2017. №3. С. 16-24
 5. Звягельская И.Д. Кузнецов В.А. Мусульманский мир: теоретические и философские проблемы. // Свободная мысль. – М.: Политиздат, 2015. №4. С. 18-31
 6. Кириллова М.П. Эволюция внешней политики современной Турции. // Гуманитарный акцент. – М.: Российский государственный гуманитарный университет. 2018. №4. С.14-20
 7. Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / М.: ИВ РАН, 2015. – 504 с.
 8. Миргород Д.А. Военные элиты в политическом процессе стран Ближнего Востока и Северной Африки // ВЭ. № 2. Севастополь, 2022. С.41-50
 9. Надеин-Раевский В.А. Политика Турции на Ближнем Востоке // М.: ИМЭМО РАН. 2020. №1 (58). С. 139-156
 10. Рыжов И.В. Бородина М.Ю. Савичева М.И. Основные проблемы региональной безопасности на Ближнем Востоке // Вестник Марийского государственного университета. Йошкар Ола: 2021. №1 С.48-56
 11. Рыжов И. В. Бородина М. Ю. Дорофеев Ф.А. Суннитско-шиитское противостояние. Иран и саудовская Аравия в борьбе за региональное лидерство. // М.:Политиздат. 2019. №1. С.169-180
 12. Сурков Н.Ю. Арабский мир в поисках ответов на вызовы 2022 года. Новые региональные конфигурации и альянсы для меняющегося мирового устройства. // М.: Свободная Мысль, 2023. №1 (1697). С.116-125.
 13. Филиппова А.А. Демографические аспекты курдского вопроса в Турции // Казанский вестник молодых учёных. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-aspekty-kurdskogo-voprosa-v-turtsii> (дата обращения: 04.06.2023).
 14. Abdulmajid A. Religious Diversity and Conflict in the Middle East // International Journal of Social Science and Humanities Research Vol. 6, No. 3, 2018, P 1-7
 15. Barbato M. Postsecular Plurality in the Middle East: Expanding the Postsecular Approach to a Power Politics of Becoming. Center for Religion and Modernity, Münster. 2020

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Находящийся на перекрёстке Европы и Азии Ближний Восток с древности привлекал внимание завоевателей: римляне и персы, арабы и крестоносцы, турки и англичане стремились завладеть этим стратегически важным регионом. Геополитика Ближнего Востока обусловила и этническую пестроту региона, а также конфессиональные различия, что особенно заметно на примере Ливана. В условиях современной международной нестабильности представляется важным изучить различные аспекты

этнической политики на Ближнем Востоке как в настоящее время, так и в исторической ретроспективе.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является этнический фактор в международных отношениях на Ближнем Востоке. Автор ставит своими задачами проанализировать исторические предпосылки к формированию государственности стран Ближнего Востока, рассмотреть положение этносов, не добившихся собственной государственности, определить иностранное влияние на внутренние дела региона.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать «исторические предпосылки к формированию государственности отдельных стран Ближнего Востока», а также разделить их на группы для выявления признаков, влияющих на этнический фактор в международных отношениях на Ближнем Востоке.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 15 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является краткий анализ литературы, хотя структурно и стилистически к нему есть вопросы. Из привлекаемых автором трудов отметим работы А. А. Филипповой, Н.Ю. Суркова, И.Д. Звягельской, в центре внимания которых различные аспекты конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований в известной мере способствовало решению стоящих перед автором задач. Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как Ближним Востоком, в целом, так и его этнической картиной, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «многие этнические особенности, присущие отдельным странам региона окончательно сформировались во время обретения ими государственности в прошлом столетии». Автор обращает внимание на такие особенности стран Ближнего Востока как «наличие сразу нескольких неподконтрольных официальным властям силовых структур, что в свою очередь несет непосредственную угрозу существованию государственного аппарата». В работе показано, что этнические противоречия в регионе зависят как «от нежелания определенных стран и народов признавать суверенитет над определенными территориями того или иного государства», так и противоречиями на конфессиональном уровне.

Главным выводом статьи является то, что этнические факторы, а также «наличие вооруженных формирований, не подконтрольных центральной власти и стремлением третьих стран, преимущественно западноевропейских, к усилинию собственных позиций в регионе дестабилизирует ситуацию на Ближнем Востоке».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках стратегий взаимоотношений России и стран Ближнего Востока.

В то же время к статье есть замечания:

- 1) Подробный обзор литературы желательно вынести в отдельный раздел.
- 2) Помимо западноевропейских стран большую роль в дестабилизации обстановки на Ближнем Востоке играют США.
- 3) Из теста статьи следует убрать название.

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Хасанов А. — Добрые услуги Швейцарии в свете захвата американских заложников в Иране (1979-1981) // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.6.37216 EDN: GEOMHU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37216

Добрые услуги Швейцарии в свете захвата американских заложников в Иране (1979-1981)

Хасанов Азат

Аспирант, кафедра Теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

191124, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Ул. Смольного, д.1/3, ул. Смольного, д.1/3, оф. 150

✉ st027367@student.spbu.ru

[Статья из рубрики "Актуальный вопрос"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.6.37216

EDN:

GEOMHU

Дата направления статьи в редакцию:

27-12-2021

Дата публикации:

23-06-2023

Аннотация: Нейтралитет Швейцарии в период холодной войны позволил ей, не присоединяясь ни к одному из противостоящих блоков, принимать активное участие в международной политике. Это, в частности, выразилось в так называемых добрых услугах и серии защитных мандатов Швейцарии в Иране. В статье представлен краткий исторический экскурс в процесс развития дипломатических отношений между Швейцарией и Ираном. Целью статьи является определение роли швейцарской дипломатии в переговорах по освобождению американских заложников в Иране (1979-1981). Исследование осуществлено на основе рассекреченных архивных документов, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот (документы Госдепартамента США и Федерального департамента иностранных дел Швейцарии, посвященные урегулированию кризиса с американскими заложниками). Этим была определена научная новизна исследования. Применение историко-генетического метода позволило изучить генезис двусторонних отношений между Швейцарией и Ираном до Исламской революции 1979 г. Для описания дипломатических услуг Швейцарии для США

в Иране после Исламской революции 1979 г. был применен нарративный (описательно-повествовательный) метод. Посредством структурно-функционального метода удалось выявить механизмы швейцарской дипломатии при проведении тайных встреч между американским и иранским сторонами и исполнения защитного мандата по представлению интересов США в Иране. Историко-ретроспективный метод помог оценить с позиции временной дистанции результаты «добрых услуг» Швейцарии в Иране.

Ключевые слова:

Добрые услуги Швейцарии, швейцарская дипломатия, кризис с заложниками, Эрик-Роджер Ланг, Эдуард Бруннер, Абольхасан Банисадр, Исламская революция, Швейцария, Иран, США

Отношения Швейцарии и Ирана до 1979 г.

Первыми швейцарцами, появившимися в Персии еще в XVII в. были часовые мастера, некоторым из которых удалось сблизиться с шахской семьей. В 1829 – 1837 гг. в стране безуспешно пыталась закрепиться христианское миссионерское общество «Базельская Миссия» (1815-2001) [63, с. 259]. В середине XIX в. в Персии начали обосновываться швейцарские фирмы. Налаживанию культурных связей в конце XIX в. – начале XX вв. помогла и деятельность швейцарского археолога Гюстава Жекье (1868-1946), который был одним из первых ученых, участвовавших в раскопках древнеперсидских городов [30].

В 1857 г. между Персией и Швейцарией было подписано торговое соглашение. Его ратификация состоялась в 1866 г., после пересмотра швейцарской конституции, ранее ограничивавшей нехристиан в праве свободного избрания места жительства на территории Альпийской конфедерации. Вскоре данное соглашение было обновлено в ходе государственного визита шаха Насер ад-Дина (1848-1896) в Швейцарию. Швейцарцы, которые в Персии в основном трудились инженерами, архитекторами, геологами и отельерами, сумели извлечь для себя выгоду благодаря режиму Капитуляции [1, с. 359], действовавшему в стране до 1928 г. [30].

В 1919 г. в Тегеране свои двери распахнуло швейцарское консульство (с 1936 г. – посольство). В 1934 г. был подписан Договор о дружбе и торговых отношениях, который позволил и впредь развиваться двусторонним отношениям [5].

Персов же привлекали в Швейцарии образовательные учреждения. В 1910-1914 гг. в университете Невшателя обучался будущий премьер-министр Ирана Мохаммед Моссадык (1951-1953), защитивший в нем докторскую диссертацию по праву и став первым среди своих соотечественников, кто получил степень доктора в европейском университете. О высоком престиже Швейцарии в Персии и о степени развитий двусторонних отношений свидетельствовало то, что детей на учебу в элитные школы-пансионы отправляли не только персидские аристократические семьи (Мусаддики, Давары и Теймурташи) [28, с.185-196], но и сам шах Реза (его сыновья Мохаммед и Али обучались в школе-пансионе в Роля [28, с. 211-219] (кантон Во)).

В ходе учебы Мохаммед (будущий последний шах Ирана (1941-1979)) завязал крепкую дружбу с уроженцем Женевы Эрнестом Перроном. По окончании пансиона Мохаммед

пригласил швейцарского друга работать к себе в страну. Мохаммед назначил Эрнеста Перрона своим личным секретарем, тот пребывал на этом посту с 1954 по 1961 гг. В 1948 г. Мохаммед Реза побывал в Швейцарии с полуофициальным визитом [28, s.220-224], а вскоре эта страна превратилась в излюбленное место отдыха членов династии Пехлеви [28, s. 235-242].

Во второй половине прошлого столетия наблюдается рост численности швейцарцев, проживающих в средневосточной стране (см. табл.1).

Табл. 1. Численность швейцарцев в Иране (1873-1978) [30].

Год	1873	1940	1960	1978
Численность	3	182	300	800

Численность иранцев в Швейцарии в 1960-х гг. была примерно равной числу швейцарцев, проживавших в Иране. Для их мобильности Берн и Тегеран в 1954 г. подписали Соглашение о воздушном транспорте (обновлено в 1972г.), позволившее швейцарскому национальному авиаперевозчику «SwissAir» совершать регулярные рейсы в Иран [5].

Табл.2. Товарооборот между Швейцарией и Ираном (в млн. швейцарских франков) [28, s.72-95]

Год	1963	1973	1977
Товарооборот	322	455	670

Эрик-Роджер Ланг – связной между Вашингтоном и Тегераном

В январе 1979 г. шах Мохаммед Реза на фоне массовых беспорядков в Иране уехал в Египет, а затем направился на лечение в США. Больше он никогда не вернется на родину. Зато в феврале того же года на родину после почти 16 лет ссылки в Париже вернулся яростный политический противник монарха аятолла Рухолла Хомейни (1902-1989). В стране произошла исламская революция.

Революция не наложила негативного отпечатка на отношения ирано-швейцарские отношения. В силу безупречной репутации Швейцария стала четвертой страной, куда новое иранское правительство назначило своего дипломатического представителя [22, s.52-53]. Им оказался временный поверенный в делах Махмуд Лавасани. На наш взгляд, иранцы не хотели ухудшения отношений со Швейцарией, чтобы попробовать национализировать шахские активы, хранящиеся в швейцарских банках.

Новоиспеченные власти в Тегеране планировали осуществить суд над бывшим шахом, требуя от США его выдачи. Не добившись желаемого, иранские студенты 4 ноября 1979 г. взяли штурмом посольство США в Тегеране и захватили в заложники 63 сотрудников дипломатической миссии; шестеро сотрудников сумели скрыться в доме канадского посла в Тегеране Кена Тэйлора (1977-1980). Еще три американских дипломата были захвачены непосредственно в здании МИД Ирана. Так началась история их 444-дневного заточения.

К 8 ноября 1979 г. швейцарцы уведомили американцев о готовности оказать свою помощь. Судя по телеграмме посольства Альпийской конфедерации в Тегеране, швейцарцы изложили три варианта возможного участия [6]:

- содействие в освобождении заложников;
- доставка гуманитарного продовольствия заложникам;
- эвакуация заложников в Цюрих (в случае их освобождения).

Стоит отметить, что посольство Швейцарии в своем отчете указывало о преувеличении состояния ксенофобских настроений в Иране, и поэтому швейцарская дипмиссия вела себя спокойнее, чем другие европейские посольства, рекомендовавшие своим гражданам покинуть Иран [\[12\]](#).

Поражает дальновидность швейцарцев. Они уже 13 ноября предполагали [\[21\]](#), что американская администрация будет использовать экономические рычаги давления, установив эмбарго на покупку иранской нефти. Уже на следующий день американцы запретили покупать иранскую нефть, заморозили активы страны в американских банках, прекратили поставку запчастей для военного снаряжения.

Также швейцарцы выразили свои опасения по поводу силового разрешения кризиса, что могло вызвать непредсказуемую реакцию СССР. Урегулирование проблемы виделось официальному Берну исключительно путем дипломатических переговоров. В качестве подтверждения своих аргументов швейцарцы приводили пример инцидента с американским разведывательным кораблем «Пуэбло» в январе 1968 г. [\[21\]](#), когда в руки властей КНДР попали 82 членов экипажа (включая шестерых гражданских лиц, включая двух океанографов), впоследствии отпущенные после 11 месяцев непростых переговоров между официальными Пхеньяном и Вашингтоном.

Тем не менее, в аналитических записках, подготовленных в Берне 13 ноября, большая ставка в разрешении кризиса делалась на нового главу МИД Ирана Абольхасана Банисадра (одновременно он исполнял обязанности министра экономики и финансов Ирана), назначенного на должность лишь за день до этого [\[21\]](#). Интересно и то, что резиденция иранского министра располагалась рядом с резиденцией швейцарского посла Э.-Р. Ланга [\[22, с.91-92\]](#).

В тот же день заместитель госсекретаря США по политическим вопросам Дэвид Ньюсом (1978-1981) направил телеграмму [\[7\]](#) дипломатическому советнику Федерального департамента иностранных дел Швейцарии Эдуарду Бруннеру (1978-1980), выразив признательность швейцарской стороне за оказываемые ею услуги. Из этого документа мы знаем, что на тот момент ни американцы, ни иранцы не думали разрывать дипломатические отношения друг с другом.

В этот же день свои усилия к разрешению кризиса применили и дипломаты государственных членов Европейского экономического сообщества, которых на 1979 г. было девять*. 13 ноября датские дипломаты изложили американцам итоги встречи девяти послов стран ЕЭС (далее ЕЭС-9) с А. Банисадром. Датчане предположили, что ведущую роль в представлении коллективных взглядов ЕАС-9 с иранцами будут играть ирландцы [\[32\]](#).

Судя по документам Госдепартамента США, 10 ноября в Вашингтоне оценили предложение швейцарского посла Эрика-Роджера Ланга в Иране (1979-1981) министерству иностранных дел Ирана освободить женщин-заложниц в качестве акта доброй воли [\[31\]](#). С учетом того, что 19 ноября по приказу аятоллы Рухоллы Хомейни были отпущены афроамериканцы и женщины (в общей сложности 13 человек), можно сделать вывод, что предложение Э.-Р. Ланга не остались неуслышанными в высших иранских кругах. Для репатриации отпущеных заложников американская сторона

хотела выслать в Тегеран военно-транспортный самолет. С этим не согласились иранские власти, опасавшиеся возможности прибытия на таком самолете военнослужащих, предназначенных для освобождения заложников [22, s.64-67]. С учетом предпринятой в будущем попытки (хоть провальной) операции американского спецназа по освобождению заложников под кодовым названием «Орлиный коготь», имевшим место в апреле 1980 г., опасения иранской стороны стоит признать не напрасными.

С этого момента американцы начали рассматривать кандидатуры потенциальных посредников для эвакуации отпущенных заложников. В итоге Вашингтон решил прибегнуть к услугам швейцарцев, которые предложили вывести вольноотпущенников посредством авиакомпании «SwissAir» [33].

Выбор американской стороны был не случаен. Швейцария являлась одним из основных коммуникаторов США для общения с иранскими властями [9]. Послу Швейцарии в Иране Э.- Р. Лангу пришлось неоднократно обращаться к местным властям с просьбой разрешить врачам и христианскому духовенству посещать троих американских заложников, содержащихся в МИД. Кроме того, швейцарскому послу пришлось выполнять курьерские функции: доставлять письма и посылки американским заложникам, переданные их родственниками [22, s.69].

Заместитель госсекретаря США по политическим вопросам Дэвид Ньюсом (1978-1981) отметил три важные роли, которые выполнял швейцарский дипломатический корпус в ситуации с заложниками и т.п. [22, s. 71-72].

1. служил каналом связи для Вашингтона в Иране;
2. являлся одним из источников информации о реальной обстановке,
3. посол Альпийской конфедерации в США Р. Пробст являлся ценным советником для Госдепа США.

Судя по телеграммам, направленным из швейцарского посольства в Тегеране в Берн, революционные власти Ирана также высоко оценивали работу швейцарского дипломатического корпуса. Преимуществом для альпийских дипломатов стали нейтралитет их страны и огромный опыт в деле оказания «добрых услуг» [10, 11]. Однако, по признанию самого Э. - Р. Ланга в Иране у них же оказалось слабое место – отсутствие контакта с духовными лидерами иранской революции [26, s.117].

Хоть у швейцарского посла сложились доверительные отношения с А. Банисадром, тот являлся светским государственным деятелем, высшее же духовное руководство Ирана было настроено весьма радикально. Несмотря на это, Э.-Р. Ланг через А. Банисадра добился аудиенции высшего духовного лидера аятоллы Рухоллы Хомейни в священном для шиитов городе Кум. Но лидер революции был непреклонен, настойчиво требуя экстрадиции шаха из США. На все его вопросы относительно освобождения заложников аятолла Хомейни лаконично отвечал: «Читай Коран, сын мой, и ты получишь ответ! [26. s.117-118]».

В этой связи американцы стали активно искать новое пристанище для шаха. В качестве одного из вариантов сам шах рассматривал и Швейцарию, с которой он был тесно связан с самого детства и где он вместе со своей третьей женой Фарах в 1968 г. году приобрел виллу в Санкт-Морице (кантона Граубюнден), регулярно проводя там свой зимний отпуск вплоть до 1975 г. [28, s.235-242]. Сам шах признавался, что чувствовал бы

себя гораздо комфортнее либо в Швейцарии, либо в Австрии [25, р. 92]. Но вскоре он отказался от этой идеи [34].

Э.-Р. Ланг и Э. Бруннер прекрасно понимали, что предоставление убежища шаху на территории альпийской конфедерации будет чревато как для самой Швейцарии, так и для США. В этом случае посольство Швейцарии в Тегеране и его сотрудников могла ждать та же участь, что и их американских коллег. Более того, швейцарский посол помнил уроки из прошлого, а именно убийство в 1829 г. разъярённой толпой персов знаменитого русского дипломата А.С. Грибоедова [26, с.118].

К тому же под удар мог быть поставлен швейцарский канал связи для американцев, который на тот момент являлся для Вашингтона весьма надежным и важным. С другой стороны, по гуманным соображениям Швейцария должна была принять шаха, учитывая его тесные связи с конфедерацией. Швейцарские власти нашли «соломоново решение», заявив, что официального запроса предоставление убежища от бывшего монарха не поступало [25, р. 92].

А. Банисадру приходилось нелегко и из-за того, что помимо руководства внешнеполитическим ведомством (с 12 ноября 1979 г.), он одновременно возглавлял министерство экономики и финансов (с 6 ноября 1979 г.). На посту главы иранского МИД его заменил Садек Готбзаде (1979-1980), с которым швейцарские дипломаты в Тегеране также нашли общий язык [36]. Благодаря этому у американцев сохранялся швейцарский канал связи с официальными лицами Ирана [37, 38, 41, 42].

Чтобы показать значимость Э.-Р. Ланга в глазах американской администрации, обратимся к истории шестерых заложников, скрывавшихся в доме канадского посла в Тегеране. Они были вывезены из Ирана 27 января 1980 г. благодаря тайной спецоперации ЦРУ «Арго» / «Канадская хитрость». Стоит отметить, что шестеро заложников вылетели по поддельным канадским паспортам из Тегерана в Цюрих рейсом «SwissAir». К тому же, более чем месяц до этого – 15 декабря 1979 г., Директор Бюро разведки и исследований Государственного департамента США Уильям Боудлер доложил госсекретарю Сайрусу Вэнсу (1977-1980) о нервозности канадцев по поводу дальнейшей судьбы шестерых дипломатов, на тот случай, если толпа революционеров решит ворваться на территорию зданий в Иране, принадлежавших Канаде. В этой связи американцы в качестве одного из вариантов рассматривали возможность передачи шестерых заложников под опеку швейцарского посла в Иране [35].

Швейцария в качестве места переговоров по судьбе американских заложников

К переговорам по освобождению заложников включился и сам Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм (1972-1981). 31 декабря 1979 г. он прибыл в Иран, однако оказался бессильным в деле разрешения данного вопроса [39].

Теперь американцам пришлось выбрать нового переговорщика с официальным Тегераном [40] из числа своих контактов в Иране, среди которых значились [44]:

- так называемые «Панамские контакты» в лице Родригеса «Рори» Гонсалеса, помощника и доверенного лица Верховного лидера панамской революции Омара Торрихоса (1969-1981) и бывшего посла Панамы в США Габриэля Льюса (1977-1978), у которых имелся контакт с правозащитниками из Парижа – Кристианом Бурже и Эктором Вильялоном – связными с иранской стороны;

- Ясир Арафат (1929-2004) - лидер Организация освобождения Палестины (ввиду имевшихся у него связей с аятоллой Р. Хомейни);
- Ричард Коттам (1925-1997) - иранист, профессор Питтсбургского университета, который консультировал Госдеп США по поводу взглядов Готбзаде;
- Мохаммед Хейкал (1923-2016) – египетский журналист, писавший книгу о Р. Хомейни;
- Садык аль-Махди (1935-2000) - суданский политический и религиозный деятель, бывший премьер-министр Судана (1966 - 1967**), побывавший в Иране осенью 1979 г. и прекрасно знавший обстановку в стране;
- Мансур Фарханг (1936 г.) – представитель ИРИ в ООН (1979-1980);
- Организация исламского сотрудничества;
- Эрик-Роджер Ланг (1930 г.) – посол Швейцарии в Иране.

Госдеп, высоко ценивая посла Э.-Р. Ланга как канал связи с Тегераном, посчитал, что его привлечение могло поставить под угрозу полезность дипломата в доставке гуманитарного канала для американских заложников в Иране^[44]. Выбор пал на предложенный панамцами вариант - французского адвоката Кристиана Бурже и его аргентинского коллегу Эктора Вильялона, изгнанного из своей за свою правозащитную деятельность. По идейным взглядам они были близки к иранской оппозиционной группе в изгнании, действовавшей в пригороде Парижа Нофль-ле-Шато, и в которой состояли А. Банисадр и С. Готбзаде^[40]. Немаловажным было и то, что А. Банисадр и С. Готбзаде являлись кандидатами на первых выборах президента ИРИ (после принятия новой конституции в декабре 1979 г.), которые должны были состояться 25 января 1980 г.

В переговорный процесс правозащитники предлагали включить ирландского общественного и политического деятеля Шона Макбрайда, но его кандидатура была отклонена американской стороной^[44].

Через панамские связи правозащитники сообщили американской стороне о желании Садека Готбзаде провести переговоры по поводу судьбы заложников. 19 января 1980 г. Глава аппарата Белого дома Гамильтон Джордан (1979-1980) и помощник государственного секретаря по делам Ближнего Востока Гарольд Сондерс (1978-1981) прибыли в Лондон. Вместо себя С. Готбзаде отправил К. Бурже и Э. Вильялона^{[40], [25, р.114-118]}. Следующая их встреча состоялась 25 января в Вашингтоне после обращения С. Готбзаде Г. Джордану через Ричарда Коттама с просьбой принять К. Бурже и Э. Вильялона^{[43], [25, р. 130-137]}. С целью сохранения секретности переговоров было принято решение провести следующую встречу в другом месте^[13]. Третий раунд, прошедший 9-10 февраля в Берне, был организован уже швейцарской стороной^{[14], [45]}. 17 февраля на переговоры в Париж прибыл сам С. Готбзаде^[46]. Хоть переговоры о судьбе американских заложников с иранской стороны вели умеренные А. Банисадр и С. Готбзаде, окончательное решение по их судьбе должен был вынести аятолла Р. Хомейни.

С. Готбзаде, К. Бурже и Э. Вильялон принимали с 7 по 11 марта в Тегеране Комиссию ООН по расследованию событий в Иране под сопредседательством Мохаммеда Беджауи, постоянного представителя Алжира при ООН (1979-1982) и Андре Агилара, бывшего постоянного представителя Венесуэлы при ООН (1979-1982). В комиссию также вошли Адил Дауди, советник президента Сирии по политическим вопросам, Гарри Джаявардена,

член подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств (ныне - подкомиссия по поощрению и защите прав человека) и Луи-Эдмон Петти, французский правозащитник [47]. Главной загвоздкой в переговорах являлось требование иранских властей об экстрадиции шаха Резы Пехлеви, который с декабря 1979 г. находился в Панаме. Однако 10 марта появилась надежда на разрешение конфликта, связанная с заявлением А. Банисадра об освобождении заложников в течение 15 дней. Вопросы передачи американских заложников было решено обсудить в Альпийской конфедерации в двустороннем американо-иранском двустороннем формате [48].

12-14 марта 1980 г. в Берне прошла встреча американской делегации в составе Главы аппарата Белого дома Г. Джордана, помощника госсекретаря по делам Ближнего Востока Г. Сондерса и глава иранского отдела госдепа США Генри Прехта (1978-1980) с К. Бурже и Э. Вильялоном [49, 50]; [25, р. 193-194]. В это же время в Иране проходил первый тур парламентских выборов. Объявленные результаты первого тура выборов показали, что в иранском правительстве все больший вес набирают исламисты, а умеренные силы в лице А. Банисадра и С. Готбзаде его теряли. Все еще был не решен вопрос с экстрадицией шаха, который 23 марта 1980 г. вылетел из Панамы в Египет.

К тому же истекал обещанный А. Банисадром 15-ти дневный срок освобождения заложников [51]. В этой связи 27 и 29 марта Белый Дом через швейцарское посольство передал сообщение лидерам ИРИ с требованием до конца марта взять полностью, или частично под свою опеку американских заложников из рук удерживающих их радикальных студентов [52, 53]. Не получив внятного ответа от иранских властей [54-56], а также учитывая незыблемость позиций по экстрадиции шаха и освобождения американских заложников аятоллы Р. Хомейни [57, 58], трехмесячные переговоры при посредничестве К. Бурже и Э. Вильялена провалились. У администрации Джимми Картера лопалось терпение. 3 апреля было направлено сообщение А. Банисадру и С. Готбзаде о введении санкций против Ирана, если иранские студенты не передадут американских заложников в руки правительства страны [59]. В этих условиях К. Бурже и Э. Вильялон пытались спасти переговорный процесс, образовав комиссию, куда помимо себя они включили посла Швейцарии Э.-Р. Ланга а также сирийского католического епископа Иллариона Капуччи [60]. Однако А. Банисадру не удалось убедить аятоллу, и заложники оставались в руках студентов.

Защитный мандат Швейцарии по представлению интересов США в Иране

7 апреля 1980 г. Дж. Картер после совещания с членами Совета национальной безопасности США принимает решение разорвать дипломатических отношения с ИРИ и ввести против нее экономические санкции, включая запрет экспорта американских товаров (в том числе и медикаменты) и денежных переводов в Иран [61]. С учетом вышеописанного для Белого дома был очевидным выбор Швейцарии в качестве протежиющей силы в Иране. К тому же Вашингтон до этого не раз прибегал к дипломатическим услугам европейской страны. Стоит лишь отметить очень важный защитный мандат Швейцарии по представлению интересов в США на Кубе (1961-2015) [2].

В Берне уже в ноябре 1979 г. готовились к принятию защитного мандата от США в Иране. По мнению Федерального Совета Швейцарии, швейцарцам было бы гораздо легче осуществлять американский защитный мандат в Иране, если бы в США швейцарцы представляли интересы Ирана [12]. Препятствием для Швейцарии в получении защитного

мандата от официального Тегерана была необходимость одобрения со стороны высшего духовенства страны [8].

Однако среди швейцарских дипломатов были на этот счет разные взгляды. Так, посол в Тегеране Э.-Р. Ланг, понимая, что решение о возможности швейцарской стороне представлять американские интересы в Иране будет принимать лично аятолла Хомейни, относился весьма насторожено к осуществлению защитного мандата [15]. Совершенно иного мнения придерживался посол альпийской конфедерации в Вашингтоне Р. Пробст (1976-1980), считавший, что Швейцария обязана взять на себя американский мандат в Иране [16]. Аргументируя свою точку зрения, Пробст весьма справедливо отметил, что «добрые услуги» Швейцарии вовсе нечуждые новым революционным властям.

Уверенности альпийцам придавал и тот факт, что Исламская революция в Иране положила в швейцарскую копилку еще три защитных мандата. После революции в феврале 1979 г. новое иранское правительство начинает целенаправленно портить отношения с двумя африканскими государствами – Египтом и ЮАР.

Причиной разрыва дипломатических связей с Каиром было отказ египетских властей от выдачи беглого шаха новым иранским властям. Начиная с 9 мая 1979 г. и по сей день интересы ИРИ в Египте все еще представляют швейцарские дипломаты.

До Исламской революции шахский Иран поддерживал тесные связи с режимом Апартеида в ЮАР в сфере торговли, науки, обороны, медицины, энергетики и горнодобывающей промышленности. Новые революционные власти в Тегеране порвали отношения с Преторией, затем ввели против нее торгово-экономические санкции. Кроме того, новое иранское руководство стало активно бороться с режимом Апартеида. Все эти действия Ирана свели на нет прежние отношения между двумя странами [23].

Поэтому обе страны обратились за помощью к своему проверенному партнеру по представлению интересов в иностранном государстве – Швейцарии. Берн в качестве протежиющей державы был хорошо известен Тегерану. Швейцарии уже доводилось представлять интересы Южной Африки в Иране в 1952-1953 гг. Берн представлял интересы официальной Претории с 8 октября 1979 г. по 9 августа 1995 г.; официального Тегерана в ЮАР – с 17 октября 1979 г. по 10 мая 1994 г. [27].

Официальные документы швейцарского внешнеполитического ведомства свидетельствуют о том [18, 19], что после официального разрыва дипломатических отношений между Вашингтоном и Тегераном швейцарцы без колебаний готовы были приступить к исполнению защитного мандата для США. Однако официального запроса от Вашингтона не поступало, 24 апреля 1980 г. американцы при помощи своих сил специального назначения предприняли попытку военного освобождения заложников (операция «Орлиный коготь»). Из-за бури в пустыне вертолеты и самолеты ВВС США не смогли долететь и потерпели аварию в пустыне. Только после этого США были вынуждены обратиться к Швейцарии с официальным запросом о представлении интересов в Иране [29, с. 111]. Чтобы облегчить задачу своим дипломатам в Тегеране, официальный Берн направил туда дополнительно 10 сотрудников [22, с. 110]. Начиная с 24 апреля 1980 г. по сей день альпийские дипломаты представляют американские интересы в Иране.

В ходе операции «Орлиный коготь» погибли 8 американских военнослужащих. Уже 25 апреля с просьбой помочь по организации репатриации их тел Вашингтон обратился к

Э.-Р. Лангу [62]. Данная задача стала головной болью для него. В этом деле ему огромную помощь оказал священник Илларион Капуччи, уже принимавший участие в переговорах по освобождению заложников. К тому времени в исламском мире за И. Капуччи закрепилась репутация защитника прав палестинцев. Его антиизраильская и антиамериканская риторика вызвала лишь симпатию не только у революционных властей в Тегеране, но и религиозных авторитетов, что помогло ему получить тела погибших бойцов американского спецназа [24]. 4 мая 1980 г. гробы с телами спецназа США были отправлены самолетом в Цюрих.

Удивительным образом эти события совпали с днем смерти (4 мая 1980 г.) лидера Югославии Иосипа Тито Броз. Для прощания с главой СФРЮ в Белград прибыли Начальник федерального департамента иностранных дел Швейцарии Пьер Обер (1978-1987), и министр иностранных дел Ирана С. Готбзаде. Таким образом, им удалось поговорить друг с другом. По словам Э. Бруннера, после прощания с югославским лидером руководитель иранского внешнеполитического ведомства не полетел в Иран, а вместе с П. Обером прилетел в Цюрих. С. Готбзаде, во время беседы с П. Обером и Э.Бруннером признался, что теряет свое влияние в правительстве [20].

Одновременно со Швейцарией в этой сложной ситуации свою помощь попытались оказать еще две другие нейтральные европейские страны – Австрия и Швеция. Для обсуждения с иранским руководством вопроса об освобождении американцев, в мае 1980 г. в Иран прилетела делегация в составе бывшего премьер-министра Швеции*** и лидера Социал-демократической партии Улофа Пальме (1969-1976; 1982-1986), канцлера Австрии Бруно Крайского (1970-1983) и лидера испанских социалистов Фелипе Гонсалеса (будущего премьер-министра Испании в 1982-1996). Вытащить американских заложников им не удалось [3, с.172].

На пути к Алжирским соглашениям

Если американский мандат в Иране был в надежных руках швейцарских дипломатов, то представление иранских интересов в США оставался открытым. Возникает вопрос: если «добрые услуги» Швейцарии не были чужды новым иранским властям, то почему они не доверили защиту своих интересов в США Швейцарии? Дело в том, что в случае с США, новоиспеченные иранские власти, принципиально стремились подчеркнуть свою новую идентичность - очень важно было назначить в качестве своего представителя интересов исламскую страну с революционным прошлым. Таковой, по мнению новоиспеченного революционного руководства, являлся Алжир [22, с.111].

Возникает вопрос: почему официальный Тегеран в мае 1979 г. выбрал Швейцарию в качестве протежирующей силы в Египте и в ЮАР? Причина кроется в том, что из-за сближения с Израилем, арабские страны разорвали дипломатические отношения с Каиром. Мусульманские страны не имели официальных дипломатических связей с Преторией, из-за приводимого в Южной Африке политики расовой сегрегации. Поэтому Иран был вынужден прибегнуть к дипломатическим услугам Швейцарии в Египте и ЮАР.

Выбор иранцами Алжира в качестве протежирующей силы в США вызвал энтузиазм у швейцарского посла в Вашингтоне Р. Пробста. Причина крылась в том, что алжирским послом в США был Редха Малек, с которым Р. Пробст был знаком еще с франко-алжирских переговоров (1961-1962) проходившие в Швейцарии. К тому же сопредседателем комиссии ООН по расследованию событий в Иране был постоянный представитель Алжира при ООН Мохаммед Беджауи.

Свою лепту в развитии переговорного процесса с духовенством Ирана сумели внести и западногерманские дипломаты. Здесь тоже не обошлось без личных знакомств. Посол ФРГ в Иране Герхард Рицель (1977-1981) имел связи с заместителем министра иностранных дел Ирана Садеком Табатаи (1979-1980), который был женат на немке. К аятолле Р. Хомейни С. Табатаи был близок благодаря семейным узам, его сестра являлась невесткой духовного лидера. А вот крепкая дружба между Э.-Р. Лангом и Г. Рицелем объяснялась тем, что западногерманский посол был тесно связан со Швейцарией. После прихода к власти в Германии Адольфа Гитлера семья Рицеля бежала в Швейцарию, где будущий дипломат получил не только образование, но и швейцарский паспорт [26, s.118-119].

Как нам кажется, причиной стремительного развития переговорного процесса с духовным руководством Ирана было ряд событий лета – осени 1980 г. Из-за ухудшающегося здоровья, 11 июля 1980 г. на свободу был отпущен один из заложников Ричард Куин, после чего он отправился на госпитализацию в Цюрих. Его освобождение расценивалось как шаг доброй воли со стороны Ирана. 27 июля 1980 г. скончался шах Реза Пехлеви – камень преткновения между американскими и иранскими властями. 22 сентября 1980 г. иракские войска без объявления войны вторглись на территорию Ирана. Началась долгая и кровопролитная ирано-иракская война (1980-1988). Начальный этап этой войны был крайне тяжелым для Тегерана, что сделало его более сговорчивым в дальнейших переговорах по поводу американских заложников.

2 ноября 1980 г. ноября заместитель госсекретаря США Уоррен Кристофер прибыл в Алжир. Начались активная фаза переговоров при посредничестве Алжира, завершившихся 19 января 1981 г. подписанием Алжирских соглашений [11], по итогам которых 52 американских заложников отпущены на свободу.

* * *

После захвата посольства США в Тегеране Швейцария де-факто стала представлять американские интересы в Иране (с 4 ноября 1979 г.; де-юре – с 24 апреля 1980 г.). Выбор США Швейцарии в качестве протежиющей силы был обусловлен не только нейтральным статусом Альпийской конфедерации и тем, что официальный Вашингтон не раз прибегал к дипломатическим услугам Берна. Швейцарские дипломаты, в частности, посол в Иране Э.-Р. Ланг обеспечили надежный канал связи между Вашингтоном и Тегераном. Кроме того, на плечи Э.-Р. Ланга с первых дней легли выполнение гуманитарных функций.

Также альпийцы сумели наладить тесные связи с революционными властями Ирана, придерживающиеся светских взглядов (А. Банисадр и С. Готбзаде). А вот наладить связь христианской Швейцарии с шиитским духовенством оказалось сложной миссией, из-за чего дальнейшие американо-иранские переговоры прошли при посредничестве мусульманского Алжира, который, как и Иран, имел революционное прошлое. Тем не менее, новое революционное руководство было вынуждено прибегнуть к дипломатическим услугам Швейцарии в Египте и ЮАР.

Как и Вашингтон, так и Тегеран высоко оценили роль Швейцарии в организации тайных переговоров, которые также прошли на территории самой альпийской страны. В знак признательности, в 1982 г. уже бывший президент Джимми Картер прибыл в Берн, где выразил свою глубокую признательность швейцарцам, внесшим свой вклад в освобождение американских заложников из иранского плена [29, s.113].

Нужно отметить, что Швейцария и сегодня продолжает представлять интересы США в Иране. ИРИ также не отказывается от дипломатических услуг нейтральной страны, поручив Швейцарии представительство своих интересов в Египте (с 1979 г.) и Саудовской Аравии (де-факто с 2016 г.; де-юре - с 2017 г.).

* В 1979 г. членами Европейского экономического союза являлись: Бельгия, Великобритания, Дания, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция и ФРГ.

** Садык аль-Махди был премьер-министром Судана (1986-1989).

*** Улоф Пальме являлся премьер-министром Швеции в 1969-1976 гг. и 1982-1986 гг.

Библиография

1. Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1973.-Т.11. 608 с.
2. Хасанов А. История «защитного мандата» Швейцарии по обеспечению интересов США на Кубе (1961-2015гг.) // Латинская Америка.-2017.-№ 5.-С.35-48.
3. Швейцер В.Я., Жиряков И.Г. Бруно Крайский: политик и время.-М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ, 2001. 310 с.
4. The Algiers Accords [Electronic resource] // Pars Times. URL: http://www.parstimes.com/history/algiers_accords.pdf
5. Bilaterale Beziehungen Schweiz-Iran [Elektronische Quelle] // Das Eidgenössische Departement für auswärtige Angelegenheiten der Schweizerischen Eidgenossenschaft. (24.02.2021). URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/de/home/vertretungen-und-reisehinweise/iran/bilatereale-beziehungenschweiziran.html>
6. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8253*. B.22.52.Iran.(Am.). No 457. Telegram (08.11.1979). URL: <https://dodis.ch/56340>
7. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8253*. B.22.52.Iran.(Am.). No 888. Iran. (13.11.1979). URL:<https://dodis.ch/56341>
8. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8253*. B.22.52.Iran. (Am.). Sitzung der Arbeitsgruppe Iran v. 14.11.1979, 14.30 Uhr. (19.11.1979). URL: <https://dodis.ch/54843>
9. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8253*. B.22.52.Iran.(Am.). Telegram Nr. 932 (23.11.1979). URL: <https://dodis.ch/54844>
10. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8253*. B.22.52.Iran. (Am.). Télégramme No 544. URL: <https://dodis.ch/54845>; CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8253*.
11. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8253*. B.22.52.Iran.(Am.). Télégramme №941 (28.11.1979). URL: <https://dodis.ch/54846>
12. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8253*. B.22.52.Iran.(Am.). № 1989. Evénements d'Iran; éventualité d'un mandat (14.11.1979). URL: <https://dodis.ch/54840>
13. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8255*. B.22.52.Iran. (Am.). Télégramme № 130 (08.02.1980). URL: <https://dodis.ch/56354>
14. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8255*. B.22.52.Iran. (Am.). Télégramme № 5043 (11.02.1980). URL: <https://dodis.ch/56356>
15. CH-BAR [Elektronische Quelle] CH-BAR#E2001E-01#1991/17#8256* B.22.52.Iran. (Am.). Télégramme No 177. Divers concernant Iran. (29.02.1980). URL: <https://dodis.ch/54550>
16. CH-BAR [Elektronische Quelle] CH-BAR#E2001E-01#1991/17#8256*. B.22.52.Iran.

- (Am.). Télégramme Nr. 218. Euer 180. Menaces contre Ambassadeur Lang. (03.03.1980). URL: <https://dodis.ch/56357>
17. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8256*. B.22.52.Iran. (Am.). Télégramme № 5099 (14.03.1980). URL: <https://dodis.ch/56359>
18. CH-BAR [Elektronische Quelle] CH-BAR#E2001E-01#1991/17#8257* B.22.52.Iran. (Am.). Nr. 596. Frage der Übernahme der amerikanischen Interessen im Iran (Zwischenbericht) (16.04.1980). URL: <https://dodis.ch/56364>
19. CH-BAR [Elektronische Quelle] CH-BAR#E2001E-01#1991/17#8257* B.22.52.Iran. (Am.). Telegram Nr. 5133 (09.04.1980). URL: <https://dodis.ch/56363>
20. CH-BAR [Elektronische Quelle] CH-BAR#E2001E-01#1991/17#8258*. B.22.52.Iran. (Am.). Télégramme No 447. La Suisse et le différend irano-américain (05.05.1980). URL: <https://dodis.ch/56365>
21. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8360*. B.73.Iran.0. Perspectives iraniennes (13.11.1979). URL: <https://dodis.ch/54842>
22. Fischer T. Die Rolle der Schweiz in der Iran-Geiselkrise 1979–1981 // Forschungsstelle für Sicherheitspolitik der ETH Zürich. Eine Studie zur Politik der Guten Dienste im Kalten Krieg. – 2004.-№73. 204 S.
23. Iran (Islamic Republic of) [Electronic resource] // Department of Foreign Affairs of Republic of South Africa: official website. URL: <http://www.dfa.gov.za/foreign/bilateral/iran.html>
24. Iran agrees to release GIs' bodies in a few days // The Chicago Tribune. – 1980.-4th May.-P. 3.
25. Jordan H. Crisis: The last year of the Carter presidency.-NY: G. P. Putnam's Sons6 1982. 431 p.
26. Lang E. Le rôle d'Edouard Brunner dans la crise des otages américains en Iran (1979–1981) / Zürcher Beiträge zur Sicherheitspolitik (ETH Zürich).-2010.-№82 (Edouard Brunner ou la diplomatie du possible: actes du colloque en son souvenir). S.115-120.
27. Liste des intérêts étrangers représentés par la Suisse depuis la fin de la Seconde Guerre mondiale // Politorbis. – 2006.-№40. – S. 53-56.
28. Meier D. Helvetias guter Draht zum Pfauenthron. Die Beziehungen der Schweiz zu Iran (1946-1978).-Zürich: Orell Füssli Verlag, 2002. 322 S.
29. Muheim F. Le rôle d'Edouard Brunner dans la crise des otages américains en Iran (novembre 1979 – janvier 1981) / Zürcher Beiträge zur Sicherheitspolitik (ETH Zürich).-2010.-№82 (Edouard Brunner ou la diplomatie du possible: actes du colloque en son souvenir). S.111-114.
30. Perrenoud M. Iran // Historisches Lexikon der Schweiz. (13.05.2008). URL: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/003410/2008-05-13/>
31. The U.S. Department of State: Office of the Historian (далее-USDS: OH) [Electronic resource] Foreign Relations of the United States(далее-FRUS), 1977-1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc.19. Summary of Conclusions of a Special Coordination Committee Meeting (10.11.1979). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d19>
32. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 27. Memorandum for the Files (13.11.1979). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d27>
33. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc.35. Summary of Conclusions of a Special

- Coordination Committee Meeting (17.11.1979). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d35>
34. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 92. Telegram From the Executive Assistant to the Deputy Secretary of State (Oxman) to the Executive Secretary of the Department of State (Tarnoff) (10.12.1979). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d92>
35. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 99. Memorandum From the Assistant Secretary of State for Near Eastern and South Asian Affairs (Saunders) and the Director of the Bureau of Intelligence and Research (Bowdler) to Secretary of State Vance (15.12.1979). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d99>
36. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 101. Memorandum From the Assistant Secretary of State for Near Eastern and South Asian Affairs (Saunders) to Secretary of State Vance (16.12.1979). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d101>
37. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 126. Memorandum for the Record (29.12.1979). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d126>
38. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 131. Minutes of a National Security Council Meeting (02.01.1980). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d131>
39. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 132. Telegram From the U.S. Mission to the United Nations to the Department of State (06.01.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d132>
40. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 157. Telegram From the Embassy in the United Kingdom to the Department of State and the White House (20.01.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d157>
41. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 162. Memorandum From Gary Sick of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) (24.01.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d162>
42. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 163. Summary of a Special Meeting (24.01.1980). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d163>
43. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 164. Memorandum of Conversation. URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d164>
44. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 168. Memorandum From Secretary of State Vance to President Carter. URL:

45. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 180. Telegram From the Embassy in Switzerland to the Department of State (10.02.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d168>
46. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 184. Handwritten Memorandum From the White House Chief of Staff (Jordan) to President Carter. URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d184>
47. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 189. Editorial Note. URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d189>
48. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 203. Editorial Note. URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d203>
49. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 207. Telegram From the Embassy in Switzerland to the Department of State (13.03.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d207>
50. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 208 Telegram From the Embassy in Switzerland to the Department of State (14.03.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d208>
51. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 220. Message From the U.S. Government to Iranian President Bani-Sadr (24.03.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d220>
52. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 225. Message From the Swiss Chargé d’Affaires in Iran (Kaiser) to the Department of State (27.03.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d225>
53. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 227. Message From the U.S. Government to Iranian President Bani-Sadr (29.03.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d227>
54. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 226. Message From the Swiss Chargé d’Affaires in Iran (Kaiser) to the Department of State (27.03.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d226>
55. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 228. Message From the Swiss Ambassador to Iran (Lang) to the Department of State (30.03.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d228>
56. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 230. Paper Prepared by the Swiss Ambassador to Iran (Lang) (31.03.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d230>
57. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 231. Record of a National Security Council

- Meeting (31.03.1980). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d231>
58. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 233. Record of an Oval Office Meeting (01.04.1980). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d233>
59. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 238. Draft Message From the U.S. Government to Iranian President Bani-Sadr and Iranian Foreign Minister Ghotbzadeh (03.04.1980). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d238>
60. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 243. Memorandum of Conversation (05.04.1980). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d243>
61. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 245. Minutes of a National Security Council Meeting (07.04.1980). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d245>
62. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 268. Telegram From the Department of State to the Embassy in Switzerland (25.04.1980). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d268>
63. Waldburger A. Missionare und Moslems: die Basler Mission in Persien, 1833–1837.- Basel: Basileia-Verlag, 1983. 259 s.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена исследованию опыта Швейцарии в посредничестве между США и Ираном по вопросу освобождения захваченных 4 ноября 1979 г. в американском посольстве заложников. Учитывая высокую опасность терроризма в современном мире, а также необходимость посредничества нейтральных субъектов в процессе освобождения заложников, проанализированный в статье швейцарский опыт имеет непреходящую научную актуальность и практическую важность. В плане использованной в статье методологии автор не оригинален – он применяет традиционный для подобного рода исследований концептуально-аналитический метод изучения исторических документов, а также событийный подход, позволяющий выявить логику разворачивания исторических процессов и их результатов посредством сопоставления и детального анализа ключевых событий этих процессов. Статья изобилует фактическим материалом, что придаёт аргументам автора дополнительный вес и достоверность. Полученные в процессе исследования результаты не лишены и признаков научной новизны. В частности, автор показал, как и по каким причинам разворачивалась история делегирования Швейцарии со стороны США права представлять американские интересы в Иране, а также почему с этим согласились иранские власти. Особое значение имеет также описание процесса тайных переговоров между американской и иранской делегациями, организованных в марте 1980 г. в Берне, по вопросу освобождения

заложников. Как показал автор, выбор территории Швейцарии для проведения переговоров, стал признанием успехов этой страны в посредничестве между США и Ираном. Не менее интересен также авторский анализ причин, по которым официальный Тегеран выбрал Швейцарию в качестве протежиющей силы в Египте и ЮАР.

Подводя итог, можно сказать следующее. По своему стилю и содержанию статья представляет собой добротное научное исследование. Выводы автора достоверны и имеют признаки научной новизны. В тексте встречаются некоторые стилистические и грамматические погрешности (например, несогласованное предложение «В 1910–1914 гг. <...> обучался <...>, защитивший... и став первым среди своих соотечественников...»; или «...В своём отчёте указывало о преувеличении состояния ксенофобских настроений...»; или же избыточное выражение во фразе «Революция не наложила негативного отпечатка на отношения ирано-швейцарские отношения»), однако в целом текст написан достаточно грамотно и на хорошем научном языке. Статья хорошо структурирована, в тексте выделены отдельные блоки, посвящённые различным вопросам проведённого исследования. Использованная в статье библиография весьма обширна, включает 63 наименования (в том числе, публикации на иностранных языках) и в достаточной степени отражает состояние научного знания по исследуемой теме. Отдельного упоминания заслуживает активное обращение автора к документам, опубликованным в электронном формате в так называемом «Офисе историка (Office of the Historian)». Подборка этих документов составлялась профессиональными историками, специализирующимися в области истории внешней политики США и Госдепартамента, и работа автора с этими документами повышает степень достоверности сделанных выводов. Апелляция к оппонентам отсутствует, но в подобного рода исследованиях не является обязательной. Статья представляет научный интерес для специалистов в области международных отношений, проблем безопасности, миротворчества и посредничества в кризисных ситуациях.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Миронюк С.А. — Обсуждение японской интервенции на Дальний Восток и в Сибирь в Палате общин Великобритании 14 марта 1918 г. как событие британской политики интервенции в России // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.6.43439 EDN: HIOMOW URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=43439

Обсуждение японской интервенции на Дальний Восток и в Сибирь в Палате общин Великобритании 14 марта 1918 г. как событие британской политики интервенции в России

Миронюк Сергей Алексеевич

кандидат исторических наук

Ассистент, кафедра истории, Институт экономики и управления АПК, Российский государственный аграрный университет - МСХА имени К.А. Тимирязева

127550, Россия, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49

✉ privetsergey95@mail.ru

[Статья из рубрики "Памятная дата в истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.6.43439

EDN:

HIOMOW

Дата направления статьи в редакцию:

21-06-2023

Дата публикации:

28-06-2023

Аннотация: Предметом настоящего исследования является обсуждение 14 марта 1918 г. в Палате общин Великобритании японской интервенции на Дальний Восток и в Сибирь как события британской интервенции в России. В этой связи раскрываются и анализируются выступления депутатов от различных политических сил и высокопоставленного чиновника Военного Кабинета Соединенного Королевства в нижней палате парламента. Благодаря методу контент-анализа и системному методу подробно представлены не только позиции и аргументы участников дискуссии, но и раскрывается связь их выступлений с военно-политической и международной обстановкой, которая сложилась в марте 1918 г. и которая влияла на динамику дискуссии. Научной новизной является то, что впервые в историографии Гражданской войны и иностранной интервенции в России рассматривается заседание нижней палаты Великобритании по японской интервенции на Дальний Восток и в Сибирь в контексте

истории британской политики интервенции в России и значимости этого события для этой политики. Основные выводы проведенного исследования заключаются в том, что, несмотря на отсутствие единой позиции в Палате общин по вопросу японской интервенции на Дальний Восток и в Сибирь, Военный Кабинет уловил тенденцию в пользу проведения японского вмешательства в эти российские регионы. Вследствие этого он осторожно стал выстраивать политику интервенции в отношении России и определять место в ней японского вмешательства. Лишь крупномасштабные события могли заставить Палату общин принять ту политику, которую Кабинет считал необходимым проводить в текущих обстоятельствах.

Ключевые слова:

Гражданская война, интервенция, Сибирь, Дальний Восток, Советская Россия, Япония, Великобритания, Военный Кабинет, Палата общин, Ллойд Джордж

Политика интервенции одного государства против другого в критический период относится к числу актуальных общественных и исследовательских проблем. Это обусловлено степенью влияния этого внешнеполитического курса на дальнейшее политическое и социально-экономическое развитие пострадавшей страны, а также характер ее взаимоотношений со страной-интервентом.

Сама политика интервенции подразумевает ведение определенного контингента вооруженных сил на всей или какой-то части страны и/или оказание существенной военно-технической, финансовой и организационно-консультационной помощи одной из сторон двустороннего конфликта между двумя государства или конфликта внутри одного государства. Наиболее отчетливо она возникла и получила развитие в Югославии в 1999 г., Афганистане в 2001 г., Ираке в 2003 г. и Ливии в 2011 г., когда страны НАТО под лидерством США (при соответствующих администрациях: 42-го президента Б. Клинтона (1993–2001), 43-го — Дж. Буша-младшего (2001–2009) и 44-го — Б. Обаме (2009–2017)) в первом и четвертых случаях приняли участие на стороне противников центральной власти во время острейшего внутри государства конфликта (Косовская война в 1998–1999 гг. и Гражданская война в 2011 г.), в остальных — совершили вторжение.

Также актуальным представляется участие парламента в процессе принятия важнейших решений по различным аспектам политики страны, в том числе вмешательства в отношении другой. Поскольку он является высшим законодательным органом, избирается гражданами/подданными (либо в обе его палаты, либо в одну, чаще всего нижнюю) и влияет на формирование состава правительства и его политику, исполнительная власть в лице правительства вынуждена учитывать при принятии соответствующих решений позиции и настроения политических фракций и отдельных их представителей в парламенте.

Вследствие этого в научной среде происходит переосмысление современных и прошлых политик интервенции разных стран как фактора развития потерпевшей страны, региона и мира; идут рассуждения о реальных причинах, технологиях, динамике и последствиях выбранного внешнеполитического курса; рассматривается проблема участия и роли парламента в разработке, реализации и завершении политики интервенции.

В этой связи представляется необходимым исследовать в настоящей статье обсуждение

интервенции Японии на Дальний Восток и в Сибирь на заседании 14 марта 1918 г. Палаты общин Соединенного Королевства – нижней палаты британского парламента, избираемой, в отличие от Палаты лордов, подданными. Именно это событие относилось к числу значимых дат британской политики интервенции в России, поскольку оно оказало влияние на становление и переход к практическим шагам реализации этой внешнеполитической линии Военным Кабинетом во главе с премьер-министром Д. Ллойд Джорджем.

Материалы заседания Палаты общин Соединенного Королевства (14 марта 1918 г.) в части обсуждения японской интервенции на Дальний Восток и в Сибирь – свидетельство важной вехи британской политики интервенции в России. Вместе с тем они в отечественной и зарубежной историографии Гражданской войны и интервенции в России либо не рассматривались в полной мере, либо рассматривались лишь частично в контексте определенных тем. Советские и современные российские историки: А. И. Анишев, М. П. Павлович, М. Н. Покровский, Н. Н. Яковлев, С. Полунин, И. И. Минц, Г. Е. Мымрин, О. Ф. Соловьев, Г. В. Кузьмин, С. Г. Лившиц, Ф. Д. Волков, М. И. Светачев, Н. Г. Думова, В. Г. Трухановский, А. И. Уткин, Н. Е. Быстрова, Е. Ю. Сергеев [\[1-15\]](#) – изучали главным образом внешнюю политику правительства Соединенного Королевства в отношении России и формы реализации политики интервенции страны в различных регионах бывшей Российской империи. В этом контексте рассматривались некоторые заседания нижней палаты британского парламента, в том числе заседание 14 марта 1918 г. Если рассматривать зарубежную историографию, представленную в основном англо-американскими историками, работы У. и З. Коутсов, Дж. Уайта, Дж. Альберта, Дж. Кеннана, Р. Селлена, Дж. Светтенхема, Дж. Бредли, Р. Джексона, Р. Улльмана, К. Кибла, М. Хадсона и Я. Моффата [\[16-30\]](#) в большинстве случаях меньше рассматривали деятельность британского парламента в контексте российского направления политики Великобритании и ее стран-союзниц.

Объектом настоящей статьи является заседание 14 марта 1918 г. Палаты общин, предметом – обсуждение японской интервенции на Дальний Восток и в Сибирь на этом заседании как события британской политики интервенции в России. Цель заключается в раскрытии и анализе содержания выступлений в парламенте по данному вопросу.

Научной новизной настоящей работы является то, что впервые в историографии Гражданской войны и иностранной интервенции в России рассматривается заседание нижней палаты Великобритании по одному из актуальных вопросов британской и мировой политики относительно России: японская интервенция на Дальний Восток и в Сибирь – как значимого события в истории британской политики интервенции в России.

Основными исследовательскими методами, используемыми в настоящей работе, являются метод контент-анализа и системный метод. Первый метод позволил подробно раскрыть и проанализировать содержание выступлений с представленными позициями и аргументами на заседании нижней палаты парламента. С помощью второго метода была представлена связь этого события с военно-политической и международной обстановкой, которая сложилась в марте 1918 г. и которая оказывала воздействие на характер обсуждения в Палате общин.

Заседание Палаты общин 14 марта 1918 г. происходило на фоне трех событий, влиявших на внешнюю политику государства и динамику международных отношений.

В первую очередь это продолжавшаяся Первая мировая война, в которой Великобритания входила в военно-политический блок Антанта. Британия была критично

заинтересованной в победе над Германией. Последняя стремилась занять место самой влиятельной мировой державы, которое Британия считала исключительно своим, и стать единственным гегемоном в Европе, что являлось исторически недопустимым для Британии, проводившей политику европейского баланса сил как способа сохранения своего лидерства в мире. В частности, в записке начальника Имперского Генерального штаба от 7 марта 1918 г. «Следствие немецкого контроля над Одессой и оттуда через Баку над Северо-Западной Персией» отмечалось, что Германия «стремилась установить полный контроль над Центральной Европой и Ближним Востоком с целью расширения на восток» [\[31, р. 264; 32, с. 128\]](#).

Также напряженная внешнеполитическая и военная обстановка для Британии усугублялась проведением в Советской России IV Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов (14–16 марта 1918 г.), где главным вопросом была ратификация подписанного 3 марта Брестского мирного договора между Советской Россией и Центральными державами. Основное содержание документа сводилось к выходу России из войны, лишении ее территорий в Восточной Европе и на Кавказе и ликвидации обширного Восточного фронта [\[33, с. 288–291\]](#). В ближайшей и долгосрочной перспективах Германия получала множество возможностей, в том числе переброску своих частей на Западный фронт, эксплуатацию приобретенных земель и нанесение нового удара Германии через Россию в сторону британских колоний Ближнего Востока и в Индию, имевших стратегическое значение для Британской империи.

Ввиду этой обстановки в Великобритании менялась политика в сторону интервенции с участием других стран Антанты в российские регионы, в особенности на Дальний Восток и в Сибирь. Эти два региона имели важное значение, поскольку во Владивостоке находился склад союзного военного имущества, на котором было сосредоточены 640 тыс. тонн запасов, 60–70% которых могли быть квалифицированы как военные [\[34, р. 33\]](#). Также, помимо этого, находилась Транссибирская железная дорогая, и контроль над ней давал возможность перекрыть любое наступление Германии в Туркестан, опасное для Индии [\[35, р. 170; 36, с. 156\]](#). По мнению Н. Е. Быстровой, «Интервенция была скорее средством напугать большевиков и заставить их вести переговоры на условиях Антанты, чем инструментом изменения политического строя» [\[14, с. 222; 37, р. 184\]](#). Вместе с тем она, в частности, была направлена на решение задач защиты склада во Владивостоке и контроля над Транссибом, а также способствовать установлению и закреплению доминирующего влияния Британии в России.

Перед практической подготовкой к политике интервенции в России Военному Кабинету необходимо было узнать мнения представителей политических партий в Палате общин по поводу целесообразности и возможности японской интервенции на Дальний Восток и в Сибирь, вследствие которой британская сторона могла бы реализовывать свои национальные интересы и установить свою сферу влияния в разных частях бывшей Российской империи.

Палата общин на 14 марта 1918 г. состояла из 670 депутатов. Ведущими политическими силами были Либеральная партия (272 мандата) и блок Консервативной и Юнионистско-Либеральной партий (271 мандат). От их позиций зависело становление и развитие британской политики интервенции в отношении России.

В этот день, 14 марта 1918 г., в Палате общин начались и шли многочасовые дебаты по проблеме «Россия и Япония». По существу дискуссия шла о допустимости японской

интервенции в «Азиатскую Россию», то есть на Дальний Восток и в Сибирь.

Первым выступил депутат от Либеральной партии Г. Лис-Смит. Он хотел узнать от правительства его официальное отношение к японским намерениям касательно России. Им было высказано мнение, что оружие и боеприпасы, скопленные во Владивостоке, не представляют собой какое-либо основание для объявления войны. Г. Лис-Смит приводил суждение о так называемой теории вооружения австрийских и немецких военнопленных правительством большевиков и организации из них армии немецким генералом. Как заявлял депутат, «Все это кажется мне очень неправдоподобным. Большевики, что бы о них ни говорили, питают такую же ненависть к германской военной машине, как и любая другая партия в России, и, кроме того, нет никаких доказательств существования кого-либо из этих заключенных в Восточной Сибири. Эта история не основана ни на каком авторитете. Нет никакого обоснования того, откуда она взялась. Она таинственно возникла в Пекине, который находится в тысяче миль отсюда» [38, р. 512]. Он заключил: «...если наша цель состоит в том, чтобы помочь, то лучший способ сделать это – позволить России самой справиться со своими беспорядком и дезорганизацией и таким образом обеспечить свое собственное спасение при как можно меньшем вмешательстве со стороны какой-либо иностранной державы» [38, р. 513]. Депутат объяснял бессмысленность японской интервенции, чреватой конфликтом с США. Говоря о положении, в котором оказалась Россия и как она из него выйдет, Г. Лис-Смит предположил: «Я сам не знаю России, но все, кто ее знает, согласны с тем, что Россия возродится. Она возродится такой же демократичной, но более очищенной и сильной, чем была раньше. Я верю, что она возродится и сможет внести большой вклад в развитие цивилизации. Когда этот день настанет, я думаю, что мы будем рады иметь Россию в качестве друга, но если союзники примут участие в этом выступлении, то результат, который больше, чем любой другой, рассчитан на то, чтобы загнать Россию в орбиту дипломатии Германии и Центральных держав» [38, р. 517].

Следующим выступающим был депутат от той же партии, что и Г. Лис-Смит, А. Маккалум Скотт. По его мнению, вмешательство Японии или какой-либо другой союзной страны станет одной из тех фундаментальных ошибок, которая приведет к неудаче кампании и заодно поменяет ход истории. Как полагал депутат, целеполаганием интервенции в Сибири являлось не разграбление страны или восстановление царизма, а исключительное желание в текущий момент защитить союзников и Британскую империю от великих опасностей. Сам А. Маккалум Скотт рассчитывал, что правительство не одобрят идею вмешательства, поскольку оно только породит новые опасности и приведет к объединению всех российских воюющих сторон против вторжения. «Нам придется воевать не с Германией, а с Германией и Россией. Интервенция в это время, по моему убеждению, несомненно бросила бы силы и ресурсы России в объятия Германии. Это факт, который должен быть предметом самого серьезного рассмотрения», – заключил он [38, р. 518]. Если прибегать к ней, то только тогда, когда немцы станут агрессорами и оккупантами, и после этого Россия «...взбунтуется против них, и если мы вмешаемся, то придем как освободители, и нам будут рады» [38, р. 518]. В ответ последовал смех. А. Маккалум Скотт напомнил о Французской революции и ее катастрофических последствиях. То же самое будет с Русской революцией, но только еще хуже. По его мнению, она не является просто «оргией преступности и насилия», а одной из величайших вех в истории человечества, сущность которой заключалась в бунте против централизации, принявшим такую крайнюю форму, что в своих проявлениях он кажется бунтом против любого правительства вообще и движением в пользу децентрализации. Осуществление японской интервенции принесет новые опасности и станет бесполезным

предприятием.

После А. Маккалума Скотта слово взял представитель Консервативной партии Р. Макнайл. Он высказался за японское вмешательство в Россию, поскольку существовала опасность освобождения вражеских военнопленных в различных частях России. Их общее количество составляло, вероятно, около 1 млн человек, а может быть больше. По мнению Р. Макнайла, Япония, если сочтет нужным, совершил интервенцию, что было в интересах русского народа и стран Антанты. Также он констатировал важность контроля над Транссибирской железной дорогой, вдоль которой сосредоточены огромные материальные запасы, важные с военной точки зрения.

Вслед за Р. Макнайлом выступил либерал-юнионист, капитан Дж. Ллойд. Подчеркивая важность и уникальность Японии как британской союзницы, ситуацию в России следует рассматривать с точки зрения самих японцев. Им было отмечено следующее: «Никто не может отрицать, что распад власти в России представляется серьезным моментом для японцев, и поэтому я полагаю, что мы в Палате общин не должны пытаться диктовать Японии какой-либо курс политики в той мере, в какой этот курс может быть предпринят в защиту ее собственных законных интересов и ее будущего» [\[38, р. 530-531\]](#). Но, как выразился Дж. Ллойд, так как Япония является давней и надежной союзницей Великобритании, заслужившей уважение и благодарность своими действиями во время войны, следует поддержать ее в любом решении. Само предположение о попадании России в руки Германии вследствие японского вмешательства является дискуссионным, поскольку неизвестно какой будет реакция «необщительных и сломленных масс русского народа» [\[38, р. 531\]](#). Спасение России должно быть осуществлено ею самой, а не Великобританией. Завершил речь словами о британской поддержке японцам: «...критикуя или размышляя об опасностях настоящего момента, мы предпочли бы доверять, а не подозревать, и помогать, а не мешать» [\[38, р. 532\]](#).

Примерно в таком же духе выступили другие депутаты, пока очередь не дошла до государственного секретаря по иностранным делам Великобритании А. Бальфура. Он заявил о своем оптимизме в отношении России, но не к ее ближайшему будущему, поскольку она лишь номинально вышла из войны и будет все же страдать от вторжения Германии. О большевиках высказался так: «Я не хочу ни в малейшей степени подвергать сомнению искренность и рвение русских революционеров. Я говорю сейчас о большевиках. <...> Я не берусь судить людей, с которыми я не знаком и в которых я очень плохо разбираюсь, чтобы высказать свое мнение» [\[38, р. 547\]](#). По мнению руководителя Форин Офиса, то, что курс большевиков сделал бы их совершенно беспомощными перед лицом германской агрессии, было с самого начала очевидно всему миру, а теперь стало очевидно им самим. Как заявлял А. Бальфур, «Теперь они выражают желание – я уверен, что они выражают его искренне и ответственно, – что восстановят российскую армию для целей обороны России, и они, несомненно, приветствовали бы нашу помощь в осуществлении этой цели» [\[38, р. 547\]](#).

Отвечая на критику вмешательства Японии, эта страна стала бы другом России против Германии, а не ее врагом. Целью было бы не разграбление России, а ее сохранение от Германии. Великобритания будет действовать в российских интересах. Как объяснял сам А. Бальфур, «Это делается не для того, чтобы удовлетворить жаждость той или иной державы. Это делается не с какой-либо надеждой на выигрыш. Боже мой, наши отношения с Россией в этой войне не предполагают выигрыша!» [\[38, р. 550\]](#). Это делается в рамках борьбы с Германией. В случае, если немцы проникнут на российскую

территорию, они перевезут огромные ее запасы, особенно богатейшей части бывшей империи – Западной Сибири.

С точки зрения государственного секретаря по иностранным делам Россия находилась в таком положении, что без внешней помощи она не будет сопротивляться немцам. Поэтому интервенция представляет собой помочь и сочувствие, которые союзники желают дать ей, а не вторжение и грабеж. Великобритания, Соединённые Штаты Америки, Франция, Италия, Япония должны преодолеть «великий кризис судьбы» России. В ответ на заявление об эгоистичности и бесчестности японцев госсекретарь по иностранным делам заметил, что они сдержали бы обещания касательно целостности России или по другому вопросу, связанному с этой страной.

Заключая свое выступление, А. Бальфур отметил, что решения, к которым приходят союзники, принятые не без трудностей. Но их принципы «...не являются ни неблагородными, ни несправедливыми, ни враждебными России, ни враждебными Русской революции, а, напротив, что наша единственная цель состоит в том, чтобы Россия была сильной, безопасной, свободной и не понесла ущерба. И если эти цели могут быть достигнуты, тогда, несомненно, и только тогда Русская революция принесет все плоды, которые желают видеть лучшие друзья России» [\[38, р. 553-554\]](#).

Из остальных выступивших на дебатах стоит отметить майора Дэвиса. Высказывав опасение о неизбежном восстановлении старой, царской власти в России не без участия немцев, было бы неправильно считать, что японцы своими действиями только подтолкнут к этому. Дэвис констатировал одну важную деталь: «Немцы, несомненно, решили превратить Черное море в немецкое озеро. Они уже достигли Одессы и, как говорят, находятся в 100 милях к западу от Петрограда. Их цель – обеспечить контроль над перевозками по всей Сибири и, по возможности, над всеми продуктами питания и сельскохозяйственной продукцией, которые в настоящее время в Сибири хранятся в больших количествах» [\[38, р. 560\]](#). Далее он заговорил о демократии и конституционной монархии Японии. Великобритания, по мнению майора, должна сказать японцам следующее: «...“приезжайте и помогите нам восстановить равновесие на Востоке; теперь, когда Россия сдалась, помогите нам установить новое положение дел в мире, которое сделает эти вещи невозможными в будущем”» [\[38, р. 561\]](#). Поэтому позиция правительства должна состоять в том, чтобы всячески приветствовать сотрудничество и помочь Японии.

В ходе обсуждений в Палате общин были высказаны полярные взгляды на японскую интервенцию. Эта полярность была связана с тем, что две ведущие политические партии обладали в парламенте равным числом депутатов. Если представители Либеральная партии видели в японской интервенции и участии в ней Великобритании бессмысленность и новую проблему для взаимоотношений с Россией и США, а также вследствие японских действий заключение русско-немецкого союза, то блок Консервативной и Юнионистско-Либеральной партий выступал за реализацию этой операции и сотрудничество с Японией против доминирования Германии в России, в особенности в Сибири.

Таким образом, Палата общин колебалась по вопросу японской интервенции в Сибирь и на Дальний Восток. Но для Военного Кабинета Соединенного Королевства было важно, что в парламенте звучали голоса в пользу этой интервенции, и сама тема вызывала оживленную дискуссию. Поэтому это ему позволяло осторожно действовать в направлении выстраивания британской политики интервенции в России и определении

места в ней японского военного вмешательства в восточных российских регионах. Лишь крупные события неизбежно предопределяли принятие в высшем британском руководстве очень важных решений в выстраивании этого внешнеполитического курса и склонить позицию нижней палаты парламента в свою пользу. Таким событием стала ратификация 15 марта 1918 г. Брест-Литовского договора IV Всероссийским съездом Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов (14–16 марта 1918 г.), серьезно изменившая военно-политическое положение дел в Европе и ставшая весомым фактором влияния изменений в политике стран Антанты, в особенности Великобритании.

Поэтому 14 марта 1918 г., когда в Палате общин Соединенного Королевства обсуждалась японская интервенция на Дальний Восток и в Сибирь, является памятной и значимой датой в истории британской политики интервенции в России, определившей ее становление и развитие в динамике и логике.

Библиография

1. Анишев А. И. Очерки истории гражданской войны 1917-1920. Л.: Гос. изд-во, 1925. 288 с.
2. Павлович М. П. Советская Россия и капиталистическая Англия (от эпохи царизма до правительства Чемберлена-Болдуина 1925 г.). М.: Госиздат, 1925. 85 с.
3. Покровский М. Н. Внешняя политика России в XX веке. М.: Издательство коммун. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1926. 97 с.
4. Яковлев Н. Н., Полунин С. Английская интервенция в 1918-1920 гг. М.-Л.: Госиздат, 1928. 104 с.
5. Минц И. И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М.-Л.: Госиздат, 1931. 255 с.
6. Мымрин Г. Е. Англо-американская военная интервенция на Севере и ее разгром. Архангельск, Арханг. кн. изд-во, 1953. 227 с.
7. Соловьев О. Ф. Подготовка и начало интервенции против Советской России // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 38-53.
8. Кузьмин Г. В. Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917-1922 гг. М.: Воениздат, 1977. 411 с.
9. Лившиц С. Г. Империалистическая интервенция в Сибири в 1918-1920 гг. Барнаул: Книгоиздат, 1979. 177 с.
10. Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М.: Мысль, 1980. 462 с.
11. Светачев М. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). Новосибирск: Наука, 1983. 336 с.
12. Думова Н. Г., Трухановский В. Г. Черчилль и Миллюков против Советской России. М.: Наука, 1989. 202 с.
13. Уткин А. И. Первая мировая война. М.: Культурная революция, 2013. 560 с.
14. Быстрова Н. Е. "Русский вопрос" в 1917 - начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2016. 368 с.
15. Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане: советско-британские отношения, 1918-1924 гг.: от интервенции к признанию. Санкт-Петербург: Наука, 2019. 830 с.
16. Coates W. P., Coates Z. K. Armed Intervention in Russia, 1918-1922. London: Victor Gollancz Ltd, 1935. 400 p.
17. White J. The Siberian Intervention. Princeton: Princeton University Press, 1950. 269 p.
18. Albert J. The Siberian Intervention. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1950.

455 p.

19. Kennan J. F. The Soviet-American relations, 1917-1920: in 2 vol. Vol. 1: Russia leaves the war. Princeton (N. J.): Princeton Univ. Press, 1956. XIII, 544 p.
20. Kennan J. F. The Soviet-American relations, 1917-1920: in 2 vol. Vol. 2: The decision to intervene. Princeton (N. J.): Princeton Univ. Press, 1958. XII, 513 p.
21. Sellen R. W. The British Intervention in Russia, 1917-1920: I // The Dalhousie Review. 1960. Vol. 40. P. 360-361.
22. Sellen R. W. The British Intervention in Russia, 1917-1920: II // The Dalhousie Review, 1961. Vol. 40. P. 520-531.
23. Swettenham J. Allied Intervention in Russia and Part Played by Canada. London: George Allen & Unwin, 1966. 326 p.
24. Bradley J. F. N. Allied Intervention in Russia, 1917-1920. New York: Basic Books, 1968. XXII + 251 p.
25. Jackson R. At War with the Bolsheviks: Allied Intervention into Russia, 1917-1920. London: Tom Stacey, 1972. 251 p
26. Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917-1921: in 3 vol. Vol. 1: Intervention and the War. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1961. XII, 360 p.
27. Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917-1921: in 3 vol. Vol. 2: Britain and the Russian Civil War. November 1918 - February 1920. Princeton, New Jersey. Princeton Univ. Press, 1968. XX, 395 p.
28. Keeble C. Britain and Soviet Union, 1917-89. Basingstoke (Hants.); London: Macmillan, 1990. XIV, 387 p.
29. Hudson M. Intervention in Russia, 1918-1920: a Cautionary Tale. Barnsley, South Yorkshire: Pen and Sword, 2004. 224 p.
30. Moffat I. Allied Intervention in Russia, 1918-1920: the Diplomacy of Chaos. London: Palgrave Macmillan, 2015. 317 p.
31. G.T. 3891. Effect of German Access to Odessa and thence through Baku to N.W. Persia. Note by C.I.G.S. March 11, 1918 // TNA. CAB 24/44/91. P. 264-266.
32. Миронюк С. А. Интеллектуальное обеспечение интервенции в Россию в записках британских генералов Г. Вильсона и Ф. Пуля // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 2 (29). С. 116-140. doi: 10.24412/2409-1413/2022-2-116-140
33. Полторак С. Н. Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире. СПб.: ООО, "Издательский центр "Остров" 2018. 292 с.
34. G.T. 2905. Supplies to Russia and Roumania. Memo. for War Cabinet December 6, 1917 // TNA. CAB 24/35/5. P. 32-34.
35. G.T. 337. Siberia. Memo by Lord Curzon. December 20, 1919 // TNA. CAB 24/95/38. P. 164-176.
36. Миронюк С. А. Контроль над Транссибирской железной дорогой как мотив участия Британии в союзной интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири в 1917-1919 и ее роль в этой операции (на основе меморандума Дж. Н. Керзона "Сибирь" от 20 декабря 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 153-159. doi: 10.17223/15617793/458/19
37. Schimmelpenninck van der Oye D., Mironyuk S. Bystrova, Nina E. 'Russkii vopros' v 1917 - nachale 1920 g.: Sovetskaya Rossiya i velikie derzhavy. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016, 368 p. // RUDN Journal of Russian History. 2019. Vol. 18. № 1. P. 182-186. doi: 10.22363/2312-8674-2019-18-1-

182-186

38. Russia and Japan // Parliamentary Debates. House of Commons. March 14, 1918. P. 510-603.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Хотя с момента столетнего юбилея революции 1917 г. прошло всего несколько лет, но споры вокруг нее не утихают – историки, политологи, философы, культурологи – предлагают свою оценку событиям, которые перевернули мир. Мы привыкли рассматривать последовавшее за революцией Гражданскую войну, как противостояние, в первую очередь, «красных» и «белых», однако в известной мере конфликтная ситуация в 1918 – 1922 гг. была обусловлена открытым вмешательством внешних сил. Неслучайно в конце 1940-х гг. советские исследователи рассматривали события интервенции как Отечественную войну народов России. В современных условиях развития интервенционистских планов Запада представляется важным обратиться к изучению исторического опыта интервенции сил Антанты в Россию в 1918-1922 гг.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является британская политика интервенции в Россию в годы Гражданской войны. Автор ставит своими задачами проанализировать обсуждение интервенции Японии на Дальний Восток и в Сибирь на заседании 14 марта 1918 г. Палаты общин Соединенного Королевства, а также дать общую оценку позиции нижней палаты британского парламента по вопросу интервенции Японии.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: как отмечает сам автор рецензируемой статьи, «впервые в историографии Гражданской войны и иностранной интервенции в России рассматривается заседание нижней палаты Великобритании по одному из актуальных вопросов британской и мировой политики относительно России: японская интервенция на Дальний Восток и в Сибирь – как значимого события в истории британской политики интервенции в России». Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 38 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежных материалов, в том числе на английском языке, что определяется самой постановкой темы. Источниковая база статьи представлена как опубликованными отчетами парламентских дебатов, так и документов из фондов Национального архива Соединенного Королевства. Из привлекаемых исследований отметим труды И.И. Минца, О.Ф. Соловьева, С.Г. Лившица и других авторов, в центре внимания которых различные аспекты иностранной интервенции в годы Гражданской войны. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для

понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей России, в целом, так и историей Гражданской войны и интервенции, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что Заседание Палаты общин 14 марта 1918 г. происходило на фоне продолжавшейся Первой мировой войны. В работе показано, что «представители Либеральной партии видели в японской интервенции и участии в ней Великобритании бессмысленность и новую проблему для взаимоотношений с Россией и США, а также вследствие японских действий заключение русско-немецкого союза, то блок Консервативной и Юнионистско-Либеральной партий выступал за реализацию этой операции и сотрудничество с Японией против доминирования Германии в России, в особенности в Сибири». Вместе с тем, как отмечает автор рецензируемой статьи, на британский истеблишмент повлияла 15 марта 1918 г. Брест-Литовского договора IV Всероссийским съездом Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов (14–16 марта 1918 г.).

Главным выводом статьи является то, что Палата общин колебалась по вопросу японской интервенции в Сибирь и на Дальний Восток, а заседание 14 марта 1918 г. «является памятной и значимой датой в истории британской политики интервенции в России, определившей ее становление и развитие в динамике и логике».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Моржеев В.Г. — Экономические аспекты англо-французского противостояния в период наполеоновских войн // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.6.38281 EDN: HNOXWW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38281

Экономические аспекты англо-французского противостояния в период наполеоновских войн

Моржеев Владислав Геннадьевич

ORCID: 0000-0003-2139-4291

старший преподаватель, кафедра фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»; старший преподаватель, кафедра Истории России факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы

105318, Россия, г. Москва, ул. Измайловский Вал, 2

✉ wladek@rambler.ru

[Статья из рубрики "Мировая история: эпохи и периоды"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.6.38281

EDN:

HNOXWW

Дата направления статьи в редакцию:

17-06-2022

Дата публикации:

30-06-2023

Аннотация: В статье рассматривается проблема экономического противостояния Франции и Британии в период наполеоновских войн. Предметом исследования является характер и условия англо-французского противоборства через призму экономических процессов. Объектом исследования выступают те меры и действия, которые были предприняты Францией и Британией с целью установления собственного экономического превосходства, особое внимание уделяется введенной Наполеоном I Бонапартом Континентальной блокаде. Целью исследования является анализ причин и последствий англо-французского соперничества, а также особенности развития национальных экономик в условиях военного времени. В статье рассматриваются те меры, которые были предприняты для преодоления кризисных явлений правительствами Франции и Британии в связи с ведением политики взаимной блокады. Отмечается особая роль военно-морской силы и контрабандой торговли. Автор в своей работе использует

хронологический, историко-сравнительный и историко-системный методы исследования. Результаты проведенного исследования могут быть интересны специалистам по экономической или военной истории, а также по теории и истории международных отношений. До сих пор существуют противоречивые оценки эффективности и последствий тех экономических мер, которые предпринимались французским и английским правительствами для установления собственной гегемонии на европейском континенте. Новизна исследования состоит в комплексном рассмотрении характера экономического противоборства двух европейских «сверхдержав» в начале XIX в. Актуальность исследования определяется тем, что инструмент экономической блокады, политика санкций и контрсанкций, а также торговые войны остаются одними из важнейших элементов военно-политического противостояния различных государств современности.

Ключевые слова:

Франция, Британия, противостояние, Континентальная блокада, Наполеон Бонапарт, торговля, промышленность, порт, контрабанда, экономика

Введение

Выбор темы исследования обусловлен теми изменениями, которые происходят в мире в последние годы. В связи с противостоянием западных стран и России, конкурентной борьбой на мировом рынке между США и КНР, противоречивыми процессами интеграции и дезинтеграции в различных регионах мира мы все чаще встречаем в современном информационном поле, сообщениях СМИ, различных исследованиях упоминание об экономических санкциях, торговых войнах, таможенных ограничениях, угрозе экономических кризисов. Поэтому многие исследователи, и не только историки, обращают свой взор в прошлое, где ищут некие аналогии тем процессам, которые происходят сейчас в мире, пытаются выявить возможные пути решения современных проблем. Если говорят об одном из первых глобальных политических и экономических противостояний в истории, то часто вспоминают период XVIII – нач. XIX вв., когда две крупнейшие европейские державы – Франция и Британия – использовали все свои ресурсы и возможности для установления и укрепления своей гегемонии в Европе и в мире. Очень часто в борьбе друг с другом эти две великие державы использовали не только военно-политические, но и экономические методы, они предпринимали различные действия, которые сочетали в себе и военный и экономический аспекты. В условиях современного санкционного давления на Россию, весьма полезно изучить опыт англо-французского противостояния, которое особенно обострилось в период правления Наполеона Бонапарта. Поэтому данное исследование представляется достаточно актуальным в свете стоящих перед нашей страной задач по выработке возможных стратегий развития в условиях санкций и политico-экономического противостояния с Западом.

Целью данного исследования является выявление и анализ причин, механизмов, а также последствий экономического противостояния Франции и Британии в период наполеоновских войн. Выбор данного исторического периода обусловлен тем, что именно к первые десятилетия XIX в. максимально обострилось противостояние двух великих европейских империй, которые на тот момент расширили свое влияние далеко за пределы европейского континента. Именно колониальный характер этих империй, а также попытки Наполеона установить французскую гегемонию, прежде всего, в Европе

определяли особенности экономического и политического противостояния двух европейских держав и их союзников.

Объектом исследования автора статьи послужило англо-французское противостояние в период наполеоновских войн. Предметом же исследования можно назвать рассмотрение характеристик и особенностей данного противостояния, в первую очередь через призму экономики. При работе над обозначенной в названии статьи проблематикой автор использовал хронологический, историко-сравнительный и историко-системный методы исследования.

В эпоху наполеоновских войн основное противостояние между Францией и Британией развернулось не только на континенте, но и на море. Хотя Британия в тот исторический период не подверглась масштабным военным вторжениям или разрушительным финансовым потрясениям, тем не менее, страна пережила чрезвычайно трудные времена. Противостояние с революционной, а затем с наполеоновской Францией сказалось на материальном и социальном уровне развития Британии. Конечно же, соперничество с Британией оказало свое влияние и на саму Францию, на другие страны континентальной части Европы, а также на молодое североамериканское государство.

Международная торговля тесно связана с мировой политикой и экономикой, поэтому невозможно исключить взаимовлияния этих сфер общественной жизни, а также тех противоречий, которые возникают в каждой из них. В истории есть несколько примеров того, когда орудиями политики становились общие экономические блокады, направленные на разрушение для той или иной страны среды международных контактов, и торговые блокады. В дальнейшем орудиями конфронтации стали ещё и т.н. санкции. Самым впечатляющим событием подобного рода в XIX в. стала Континентальная блокада, которую Наполеон I Бонапарт попытался осуществить, действуя от лица Франции и союзных с ней стран, по отношению к Британии и к её союзникам [\[1, с. 237-238\]](#).

В действительности на утверждение этой системы понадобилось некоторое время. Лишь когда Россия, Пруссия, Голландия, Испания и ряд других, зависимых от наполеоновской Франции стран, формально присоединились к антибританской блокаде, можно было говорить об ее установлении. При этом Британия приняла в 1807 г. ряд законодательных актов, определявшие, по сути, реализацию ряда мер, которые можно назвать контрблокадой.

Важно упомянуть и о той роли, которую в англо-французском соперничестве сыграли военно-морские флоты обеих сторон. Вооруженная борьба на море способствовала изменениям не только военной, но и экономической политики Франции и Британии. Она существенно влияла на осуществление морской торговли, на разрушение старых и создание новых торговых путей. Многие исследователи считают знаменитое Трафальгарское морское сражение 1805 г. ключевой датой в истории наполеоновских войн. После победы в этом сражении английский Королевский флот стал «хозяином морей». Чтобы разорить Британию и попытаться выиграть войну с ней, используя не только военную силу, Наполеон и решается на введение Континентальной блокады. В конечном итоге, военно-морские усилия Франции после поражения у Трафальгара стали частью экономической войны, развязанной Наполеоном, последствия которой были очень тяжелыми не только для Британии, но и для французской империи. При этом Наполеон стал все больше связывать окончательную победу над англичанами с включением в орбиту своего влияния России. Одной из причин военной кампании наполеоновской Франции и ее союзников в 1812 г. была попытка принудить Александра

I и российское правительство соблюдать условия Континентальной блокады. Не зря знаменитый отечественный историк Е.В. Тарле отмечал, что Континентальная блокада сделалась стержнем всей экономической, а потому и политической борьбы в начале XIX в. [\[12, с. 217\]](#).

Если говорить об анализе историографии по теме исследования, то стоит отметить, что экономические аспекты англо-французского противостояния в конце XVIII- начале XIX вв. уже освещались в той или иной степени в трудах ряда отечественных и зарубежных исследователей. При этом существуют определенные противоречия в оценках последствий Континентальной блокады для Франции, Британии и других европейских государств. Например, отечественные авторы К.А. Военский, И. М. Кулишер и В.И. Семевский рассматривали Континентальную блокаду как пролог к Отечественной войне 1812 г. при этом специальных исследования об участии России в системе Континентальной блокады в дореволюционного историографии создано не было. Уже в советской исторической науке выдающийся отечественный историк Е.В. Тарле посвятил отдельную работу исследованию данного явления, для этого он привлек достаточно широкий круг зарубежных источников. Советские историки в своих исследованиях периода начала XIX в. пытались обоснованно ответить на вопрос, Континентальная блокада способствовала или же наоборот тормозила капиталистическое развитие Российской империи. Например, М.И. Туган-Барановский и М.Н. Покровский обосновывали вывод о прогрессивном влиянии Континентальной блокады на развитие экономики России. Напротив, другой ряд исследователей (А.В. Предтеченский, С.А. Покровский, В.Г. Сироткин и др.) в той или иной степени придерживались мнения о негативном влиянии блокады на Россию. В данном исследовании предполагается отойти от характеристики и анализа Континентальной блокады и экономических аспектов англо-французского противостояния в целом исключительно через призму влияния этих процессов на Россию. Поэтому представляется актуальным вернуться к этой теме и дать общую картину англо-французскому экономическому соперничеству периода наполеоновских войн, проанализировать причины и последствия этого противостояния.

Основная часть

Истоки англо-французского соперничества, охватившего Европу и мир в целом в период наполеоновских войн, следует искать еще в XVII-XVIII вв. Некоторые исследователи справедливо замечают, что английская и французская модели развития капитализма выглядят в определенной степени прямо противоположными. Это отчасти объясняет долгое и довольно ожесточенное соперничество между Британией и Францией в эпоху Нового времени.

В итоге революционных процессов, которые разворачивались в этих странах, возникли разные политические модели. Французская революция, в отличие от Английской, с самого начала разворачивается как более радикальное, новаторское движение. Власти Франции на протяжении XVII-XVIII вв. пытались разрешить внутренние противоречия отчасти за счет внешней экспансии. Войны должны были увеличить долю Франции на мировом рынке и тем самым удовлетворить аппетиты буржуа, не жертвуя положением аристократии [\[7, с. 509\]](#).

Важно также отметить, что в течение XVIII в. Британия выполняла в Европе своеобразную функцию «стрелки на весах». Чтобы сбалансировать равновесие политических сил между державами на континенте и блокировать взлет конкурирующей гегемониальной державы, как правило, вполне хватало английских субсидий

уступающей в каком-либо конфликте стороне. Таким образом, Британия мотивировала своих континентальных союзников, как можно меньше используя собственные войска [11, с. 72-73].

С приходом к власти Наполеона Бонапарта англо-французское противостояние только обострилось. Экономические методы войны против Британии и прежде всего изгнание ее товаров с французского рынка, Бонапарт перенял фактически у Конвента и Директории времен Французской республики. Однако, в отличие от своих предшественников, Наполеон перешел от защиты французской промышленности и торговли к экспансии, т.к. к стремлению завоевать для французских товаров весь европейский рынок. Даже заключение Амьенского мира в 1802 г. не разрешило торговых противоречий между Парижем и Лондоном; после его разрыва и возобновления боевых действий французы заняли Ганновер и устье Эльбы. В ответ на это Британия объявила блокаду побережья от Бреста до Эльбы [13, с. 188].

В планах Наполеона по установлению гегемонии, вопреки нашему современному опыту, политическое во многом предшествует экономическому. Достаточно рассмотреть даты. Когда Берлинским декретом от 21 ноября 1806 г. была установлена Континентальная блокада, империя Наполеона еще не строилась, она уже фактически была создана. После победы при Аустерлице в первые шесть месяцев 1806 г. существенно изменилась карта континента. Наполеон рассадил своих родственников по тронам Европы: Жозеф Бонапарт правил в Неаполе, другой брат, Людовик - в Голландии, а сестра Элиза - в Лукке. Император Франц II Габсбург сложил с себя корону Германии, и Священная Римская империя прекратила свое существование, а в июле 1806 г. была создан Рейнский союз под «защитой» императора французов.

Цели, поставленные Берлинским декретом, были достаточно грандиозны. Наполеон стремился победить Британию на море своими действиями на суше. Конечно, Континентальная блокада не закрывала путей и для иных форм продолжения борьбы против Британии. Некоторые исследователи наполеоновской эпохи полагали, что сама идея о том, что возможно победить морскую державу с помощью определенных мер, осуществленных на суше, была непосильной задачей. К тому же создание унифицированной хотя бы в сфере экономической политики Европы была тогда также довольно трудно реализуема. В европейских странах в XIX в. продолжался процесс формирования национальных государств. Поэтому попытка унификации европейского континента в ту пору противоречила во многом этим тенденциям [9, с. 459-460].

Если закрытие европейского пространства для английских товаров хотя бы частично стало возможным, то только потому, что Наполеон одержал блестящую военную победу над Пруссией. В течение нескольких недель после битв при Йене и Ауэрштедте (14 октября 1806 г.) французы смогли завладеть важными портами - Гамбургом, Бременом и Любеком. Наполеон стал контролировать почти все побережье Северной Европы. Единственными открытыми для английских кораблей оставались побережья России и Швеции, которые все еще находились в состоянии войны с Францией. Поэтому объявление Континентальной блокады в 1806 г. была лишь началом в англо-французском противоборстве периода наполеоновских войн.

Наполеон не только продолжал и укреплял монополизацию имперского внутреннего рынка в пользу французской промышленности, но и наносил удар по всей английской экономике, старался подтолкнуть ее к государственному банкротству, голоду и капитуляции. Он хотел изгнать англичан не только из Французской империи только, но

из Европы, лишить их всех европейских рынков сбыта [12, с. 217].

Важно отметить, что сама по себе блокада не означала еще создания экономического союза на континенте под эгидой Франции. Она лишь распространила на всю Европу запрет на английские товары, который республиканский Конвент установил для Франции еще в 1793 г. При этом правительства зависимых от наполеоновской империи государств были просто поставлены в известность о введении антибританской блокады, предварительных консультаций с ними не проводилось.

В июле 1807 г. заключение Тильзитского мира позволило привлечь к Континентальной блокаде Россию, затем Дания присоединилась к системе два месяца спустя, после нападения англичан на Копенгаген. Португалия также на какое-то время была вынуждена это, а Австрия закрыла для англичан и их торговли свои порты на Адриатике. Наполеон в тот период рассматривал свои действия именно как войну «за независимость торговли». После поражения Пруссии и России у Франции оставался по сути лишь один значимый соперник в Европе – Британия. Наполеон ставил своей целью закрыть перед ней все европейские рынки.

В декабре 1807 г. в Милане Наполеон подписал декреты, направленные на усиление блокады Британии. Любая торговля и все сношения с англичанами категорически запрещались. Все английские товары, обнаруженные на территории Франции и союзных с ней государств, подлежали конфискации. Помимо этого любое судно, которое допустит осмотр его британским кораблем, будет считаться тем самым «денационализированным» – понятие, которое по смыслу международных правовых норм может быть отождествлено только с определением «вне закона». Такое судно «теряло свой флаг», по крайней мере, для французских властей, и подлежало немедленному захвату [10, с. 423].

Проводя подобную политику, Наполеон рассчитывал, что, отрезав Британию от европейских рынков, он задушит ее экономически, но на это Британия смогла ответить морской контрблокадой. Английские корабли захватывали французские и нейтральные торговые суда, блокировали французские порты и, вопреки всем препятствиям, контрабандным путем ввозили британские товары в Европу и даже в саму Францию. Тем не менее, Континентальная блокада на первых порах укрепила политическую и экономическую гегемонию Франции в Европе [4, с. 199].

Для Британии введение и расширение Континентальной блокады стало определенным испытанием на прочность. Торговля продукцией военно-морского флота (древесина, смола, пенька) в обмен на тропические товары и промышленные изделия начинает давать сбой. Спад в торговле привел в свою очередь к промышленному кризису, особенно в текстильной промышленности. В то же время французская экономика переживает бум и развивает свой экспорт по всему континенту. Однако Британия сохранила свои позиции в Средиземноморье, а в результате бомбардировки Копенгагена в 1807 г. она вынудил Данию сохранить свободный проход через проливы. В качестве ответных мер, Британия способствовала контрабандной торговле со складов, созданных на Гельголанде, в Гетеборге и на Мальте. В проливе Ла-Манш сотни контрабандистов, несмотря на тщательное наблюдение, доставляли товары на французское побережье.

С возобновлением военных действий в 1808-1809 гг. в Испании и Австрии кризис британской экономики был в целом преодолен. Произошло впечатляющее восстановление объемов экспорта, который превысил уровень 1806 г. Однако поражение Австрии в 1809 г. привело к новому кризису английской экономики, гораздо более серьезному, чем предыдущий, тем более что он совпал с разрывом между Британией и

США. Английский экспорт сократился с 61 млн. фунтов стерлингов в 1810 г. до менее 43 млн. фунтов стерлингов в следующем году. Крах торговли приводит к новому промышленному кризису. Пострадали все производственные регионы. Безработица и падение заработной платы привели к бунтам, пожарам на заводах и росту популярности движения «луддитов».

Чтобы преодолеть очередной кризис и успешно противостоять Франции в экономической сфере, Британия сосредоточилась на рынках Канады, Вест-Индии и особенно Латинской Америки. Последняя стала зоной особых британских интересов после французской интервенции в Португалию и Испанию. Английское правительство воспользовалось также кризисом в самой Французской империи. Из-за британской контрблокады французским производителям не хватало сырья, в частности хлопка и шелка-сырца. Их продукция, считавшаяся слишком дорогой и некачественной, бойкотировалась покупателями в остальной Европе, это во многом способствовало росту британской контрабанды.

В 1807-1812 гг. в Европе действовали те же таможенные барьеры, что и во Франции. Она закрыла для себя доступ к колониальным товарам и промышленным британским изделиям, парадоксальным образом наложив на себя блокаду, которую Британия наложила на нее с моря. По мнению Наполеона, это все представлялось необходимым как своего рода «лекарство» на пути к будущему процветанию. Помимо непосредственных требований войны против Британии, речь идет о том, чтобы, с учетом обстоятельств, создать новый режим международных экономических отношений, при котором Европа, освободившись от английского господства, могла бы свободно развивать свои промышленные возможности.

Из-за Континентальной блокады французская экономика могла столкнуться в начале XIX в. с парадоксальной ситуацией. Промышленники Франции получили уникальную возможность доминировать на европейском рынке и, в первую очередь, на внутреннем рынке. С другой стороны, сырьевые материалы могли стать настолько дефицитными, что это поставило бы под угрозу надежды на расширение производства. Эта новая ситуация должна была повлиять на изменения правил экономической игры.

Необходимо также отметить, что применение политики блокады привело к ряду неприятных последствий для европейских потребителей. Конечно, не полное отсутствие продуктов, поскольку существовала контрабанда, а именно дефицит стал причиной недовольства населения. Дефицит, как обычно, приводил к значительному росту цен на «санкционные» товары. Некоторые меры, такие как сжигание продуктов английского производства, организованное с октября 1810 г., только усилили недовольство. По мнению знаменитой баронессы де Сталь, именно повышение цен на сахар и кофе повлияло на падение популярности Наполеона среди различных слоев населения в то время.

Чтобы несколько успокоить собственное население, правители немецких государств допускали определенное количество контрабанды, в то время как во Франции с этим старались бороться. В результате, например, цены на запрещенные товары были гораздо ниже на правом берегу Рейна, чем на левом: в 1807 г. килограмм хлопка, который стоил шесть франков на правом берегу, стоил четырнадцать на левом; в 1811 г. соотношение было даже один к шести. Когда Наполеон пытался подавить распространение контрабанды среди своих сателлитов, он далеко не всегда находил ожидаемую поддержку.

В разворачивающемся противостоянии с Британией Наполеону пришлось ослабить блокаду, что вылилось в принятие нового Трианонского декрета 1810 г. Для того, чтобы уменьшить негативные последствия от проводимой антибританской политики и лишить контрабандистов части доходов, император французов ввел систему «лицензий», своего рода официальных разрешений на нарушение Континентальной блокады. Такие лицензии выдавались исключительно американским или французским судам. Это, конечно же, стало еще одной причиной для недовольства европейских союзников Наполеона. Российский император Александр I использовал это как предлог, чтобы нарушить свои «тильзитские» обязательства и закрыть свою страну для французских товаров указом от 31 декабря 1810 г.

Декреты, принятые в Трианоне и Фонтенбло (5 августа и 18 октября 1810 г. соответственно) изменили таможенную политику наполеоновской Франции и усилили репрессивные меры против возможного мошенничества. Они разрешили ввоз в империю, за уплату очень высоких пошлин, колониальных товаров и шерстяных тканей. Следствием этого могла стать слишком большая разница между французскими и иностранными ценами, что способствовало бы расширению контрабанды и нанесло бы ущерб французской хлопчатобумажной промышленности, которая была вынуждена производить продукцию по более высоким ценам, чем иностранные предприятия. Заставить немецкие страны взимать те же пошлины на колониальные товары и хлопок, что и во Франции, означало поставить французских и немецких торговцев и промышленников в равные условия: мера, характерная для континентальной системы в ее экономическом аспекте.

В итоге, специальные лицензии разрешали ввоз во Францию колониальных товаров, таких как хлопок, шелк, сахар и кофе, даже если они прошли через английский досмотр. По мнению Наполеона, эта система должна была усугубить утечку драгоценных металлов из британской экономики и разорить противника. В действительности ожидаемого краха не произошло, и именно Французская империя, после короткого восстановления, снова погрузится в кризис, начиная с 1812 г.

Положения новых декретов, пересматривающие правила блокады, начнут применяться ко всем европейским территориям без предварительных консультаций с союзниками Франции. Таким образом, ситуация с Берлинским и Миланским декретами повторится. Все это подчеркивало лишний раз, что наполеоновская империя не рассматривала своих союзников на континенте как равноправных партнеров, а стремилась защитить в первую очередь лишь свои интересы.

Помимо рассмотренной выше причины ухудшения отношений между Францией и ее европейскими союзниками в 1810 г. возник еще один повод для недовольства. Наполеон полагал, что Франция, которая из-за блокады идет на большие жертвы в интересах всей Европы, должна получить за это определенную компенсацию. Император стремился открыть европейские рынки для французской промышленности, сохраняя при этом исключительность национального рынка, защищенного протекционистскими законами от конкуренции со стороны не только Британии, но и своих европейских союзников. Французская промышленность должна была извлечь максимальную выгоду из доминирования Франции в Европе. Промышленные товары, которые могли конкурировать с национальной промышленностью, были запрещены или облагались высокими налогами при ввозе на территорию Франции.

В рамках англо-французского противоборства одним из ключевых игроков на международной арене также выступала Россия. Она была участником нескольких

антифранцузских коалиций. Англо-французское соперничество оказывало свое влияние и на экономическое положение Российской империи. Несмотря на официальное присоединение к Континентальной блокаде в 1807 г., российское правительство, столкнувшись с экономическими трудностями, вынуждено было в дальнейшем нарушить данные договоренности и возобновить с Британией торговые отношения. Причиной изменения экономической политики послужило то, что в России после ее присоединения к блокаде началось сокращение общего объема торговли при одновременном росте цен на импортные товары и снижение цен на предметы традиционного российского экспорта. В результате почти в два раза уменьшились поступления в казну таможенных сборов, упало производство товаров, ориентированных на экспорт, и товаров, для изготовления которых использовались импортные материалы. Все это привело к финансовому кризису и вынудило российское правительство пойти на нарушение Тильзитского договора, что, конечно же, вызывало неудовольствие со стороны Наполеона [\[5, с. 24\]](#). Несмотря на определенные негативные последствия Континентальная блокада, как и англо-французское экономическое противостояние в целом, дали ощутимый толчок развитию российской мануфактурной промышленности. Французский посланник в России Арман де Коленкур писал 21 марта 1811 г. в Париж не только о том, что русские жалуются на дороговизну предметов роскоши и на падение курса своего рубля, но и о том, что основалось много суконных, шелковых и пряильных фабрик, о том, что богатые помещики выписывают иностранных мастеров, которые обучают русских рабочих приемам своего ремесла [\[6, с. 165\]](#).

Выводы

Подводя итоги, следует, в первую очередь, отметить масштабность происходившего в конце XVIII – начале XIX вв. англо-французского противостояния. Оно затронуло практически все европейские страны, а также США и Латинскую Америку. Среди отечественных и зарубежных исследователей до сих пор нет единства в оценках характера и последствий экономического противоборства двух «сверхдержав» европейского политического пространства. Но то, что экономика, политика и социальная сфера тесно взаимосвязаны и подвержены взаимовлиянию, очень наглядно можно продемонстрировать, в том числе, и на событиях периода наполеоновских войн.

По справедливому замечанию американского военно-морского теоретика и историка А.Т. Мэхэна, чтобы выиграть в борьбе с Францией, Британия должна была не только ослабить наполеоновскую империю, но и укрепить свои собственные силы. Битва между «морем» и «сушей» должна была состояться на почве торговли. Англичане не имели многочисленной армии для противопоставления силам наполеоновской Франции и ее союзников. Наполеон в свою очередь, не обладал военным флотом, способным помериться силами со своим главным противником. Как при осаде неприступной крепости, единственной альтернативой для каждого из этих «борцов» было доведение противника до истощения [\[10, с. 421\]](#).

Некоторые исследователи видят в той континентальной системе, которую пытался создать Наполеон, прообраз европейского «общего рынка» или даже предшественнику Евросоюза, что представляется некоторым преувеличением.

Нельзя отрицать тот факт, что, несмотря на ряд важных шагов в сторону общеевропейской экономической и политической интеграции, наполеоновская Франция стремилась, прежде всего, установить собственную гегемонию, уничтожив в конечном итоге влияние Британии на континенте.

К важным экономическим последствиям англо-французского соперничества в рассматриваемый период стоит отнести тот факт, что объём торговли между странами Европы сократился примерно в полтора раза. При этом показатели французской внешней торговли в период с 1807 по 1811 гг. были весьма плачевными. В эти годы уровень французского экспорта, колебавшийся между 261 и 339 млн. франков, оставался значительно ниже уровня 1806 г. (408 млн. франков) и даже 1804 (358 млн. франков). Прекращение торговли с нейтральными странами во многом объясняет эти неутешительные цифры. Только в 1812 г. стоимость французского экспорта (418 миллионов франков) была выше, чем в среднем до блокады, что можно объяснить совокупным эффектом возобновления торговых отношений с Соединенными Штатами и введением Наполеоном лицензий. Английский экспорт, как и экономика, в целом, также подвергались постоянным кризисным явлениям, о чем было подробнее сказано выше.

С точки зрения известного французского историка Ф. Крузе, в экономическом отношении Континентальная блокада не была «неэффективной». Однако в силу ряда политических и военных причин Наполеон не мог долговременно применять это средство для успешного достижения своих целей [14, р. 855-860]. С одной стороны, французы встречали политическое и националистическое сопротивление в рамках своей империи. С другой стороны, в этой благодатной атмосфере Британия покупала себе союзников путем значительных ссуд. В результате под этим встречным давлением Наполеон начал отступать на экономической сцене еще в 1810 г., когда он при помощи лицензий вновь открыл французские порты для колониальной продукции. Тем самым он фактически включил в государственную казну доходы контрабандистов, но это лишь усилило политическое сопротивление в Европе, поскольку данная мера оказалась скрытой экономической сделкой с британцами за счет других европейцев [3, с. 146].

В политическом плане англо-французское соперничество и Континентальная блокада, как один из ее инструментов, приводили к постоянному расширению французской территории. Это, например, наглядно продемонстрировала серия аннексий в 1810 г., когда Голландия, Гамбург, Бремен и ряд других территорий были присоединены непосредственно к Франции. Противоречивость происходивших тогда процессов заключается в том, что, укрепляя экономическую и военно-политическую мощь Франции, Наполеон одновременно способствовал росту сопротивления проводимой им политике, даже в странах, которые были его союзниками. Британия же экономически, конечно, пострадала от мер Континентальной блокады. С другой стороны, она была вынуждена в какой-то мере перестраивать свою экономику, делая ее более гибкой на случай усиления кризисных явлений в будущем. К тому же по итогам наполеоновских войн Британия вошла в число стран-победителей и смогла в целом компенсировать свои экономические потери, присоединив новые территории и став в дальнейшем «мастерской мира».

Говоря о последствиях наполеоновских войн для Европе, частью которых было англо-французское соперничество, важно также отметить то, что, несмотря на краткосрочное укрепление абсолютистских режимов, в итоге победа Антифранцузской коалиции привела к еще большему росту политического и особенно экономического могущества Великобритании. XIX век, несмотря на безусловное политическое влияние Франции, в полной мере следует назвать «британским веком». Именно туманный Альбион, а не Франция, являлся безусловным лидером капиталистической мир-системы (фритредерский империализм, по выражению Д. Арриги) и ее защитником от любых военных и экономических угроз. К тому же промышленной, торговой и колониальной гегемонии Великобритании теперь никто не угрожал. Франция, став капиталистической державой, в

очередной раз проиграв в борьбе за гегемонию Великобритании, устанавливает в Европе и в колониях стратегическое партнерство со своим ранее смертельным соперником [2, с. 22].

Кроме чисто экономических последствий победа Антифранцузской коалиции, где одну из ключевых ролей играла Британия, имела политические и социокультурные последствия, которые были связаны с дальнейшим развитие Европы. После победы над Наполеоном в общественном сознании европейцев утверждаются настроения, связанные со строительством новой политической реальности. Идеи формирования нового общеевропейского порядка буквально витали в воздухе, все активнее обсуждался вопрос национального освобождения и объединения различных народов. Особенно актуально это было для Германии, Италии, а также для славянского мира [8, с. 608].

Таким образом, рассмотрев экономические аспекты англо-французского противостояния в период наполеоновских войн, а также его политические последствия, можно смело сделать вывод о том, что без понимания связей и взаимовлияния политической и экономической сфер жизни общества невозможно понять те процессы, которые происходили в прошлом. И невозможно в полной мере подготовиться к тем кризисным явлениям, которые могут ожидать нас в будущем.

Библиография

1. Арская Л.П. Ограничения в международной торговле и их социально-экономические проекции. Роковая ошибка Наполеона Бонапарта // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 10. Часть I. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 237-240.
2. Бакланов В.И. Восток-Запад-Россия: XIX – первые десятилетия XXI века: Монография / В.И. Бакланов. М.: Московский государственный университет пищевых производств, 2014. 496 с.
3. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730–1840-е годы. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 528 с.
4. Всемирная история: В 24 т. Т.1. Европа под влиянием Франции / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек и др. Мн.: Литература, 1998. 560 с.
5. Дюков А.Н. Таможенные службы в условиях торговых блокад и санкций (исторический аспект). // Вестник Российской таможенной академии. 2008. № 2 (3). С. 24-31.
6. Искюль С.Н. Франция, Россия и тернии Тильзитского «брака» // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1 (5). С. 150-172.
7. Кагарлицкий, Б. Ю. От империй-к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации М.: Изд. дом Гос. ун-та-Высшей школы экономики, 2010. 680 с.
8. Линькова Е.В. Шарль Андре Поццо ди Борго – корсиканец на русской службе, «Решивший судьбы Франции» // Вестник РУДН. История России. – 2017. – № 4. – С. 602-616.
9. Манфред А. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1987. 735 с.
10. Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и. империю. В 2 т. Т.II: 1802-1812. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 603 с.
11. Мюнклер, Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. М.: Кучково поле, 2015. 400 с.

12. Тарле Е.В. Наполеон. М.: Пресса. 1992. 640 с.
13. Фрейтаг-Лорингхофен фон Г. Война и политика в Новое время. 1648-1900. СПб.: Евразия, 2021. 352 с.
14. Crouzet F. L'Economie britannique et le Blocus continental (1806–1813). Paris: Presses Universitaires de France, 1958. 949 р.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

на статью

Экономические аспекты англо-французского противостояния в период наполеоновских войн

Название в целом соответствует содержанию материалов статьи.

В названии статьи условно просматривается научная проблема, на решение которой направлено исследование автора.

Рецензируемая статья представляет относительный научный интерес. Автор не сумел разъяснить выбор темы исследования и обосновать её актуальность.

В статье не сформулирована цель исследования, не указаны объект и предмет исследования, методы, использованные автором. На взгляд рецензента, основные элементы «программы» исследования автором не вполне продуманы, что отразилось на его результатах.

Автор не представил результатов анализа историографии проблемы и не сформулировал новизну предпринятого исследования, что является существенным недостатком статьи.

При изложении материала автор избирательно продемонстрировал результаты анализа историографии проблемы в виде ссылок на актуальные труды по теме исследования.

Апелляция к оппонентам в статье отсутствует.

Автор не разъяснил выбор и не охарактеризовал круг источников, привлеченных им для раскрытия темы.

Автор не сумел разъяснить и обосновать выбор хронологических и географических рамок исследования.

На взгляд рецензента, автор стремился выдержать научный стиль изложения, грамотно использовать методы научного познания, соблюсти принципы логичности, систематичности и последовательности изложения материала.

В качестве вступления автор сообщил, что в эпоху наполеоновских войн Британия пережила чрезвычайно трудные времена, что «международная торговля тесно связана с мировой политикой и экономикой, поэтому невозможно исключить взаимовлияния этих сфер общественной жизни», и что «самым впечатляющим событием подобного рода в XIX в. стала Континентальная блокада» и т.д. Автор перечислил ряд имен исследователей, в трудах которых затрагивались «экономические аспекты англо-французского противостояния в конце XVIII - начале XIX вв.», и констатировал, что актуально «вернуться к данной теме и дать общую картину англо-французскому экономическому соперничеству периода наполеоновских войн, проанализировать причины и последствия этого противостояния».

В основной части статьи автор абстрактно сообщил, что «английская и французская модели развития капитализма выглядят в определенной степени прямо противоположными» т.д., пояснил, как именно «с приходом к власти Наполеона

Бонапарта англо-французское противостояние только обострилось», как именно «Наполеон стремился победить Британию на море своими действиями на суше» «хотел изгнать англичан не только из Французской империи только, но из Европы, лишить их всех европейских рынков сбыта».

Затем автор раскрыл свои мысли о том, что «с возобновлением военных действий в 1808-1809 гг. в Испании и Австрии кризис британской экономики был в целом преодолен», «Британия сосредоточилась на рынках Канады, Вест-Индии и особенно Латинской Америке» т.д., что «применение политики блокады привело к ряду неприятных последствий для европейских потребителей» и «повлияло на падение популярности Наполеона среди различных слоев населения в то время». В следующих сюжетах автор пояснил, что «чтобы уменьшить негативные последствия от проводимой антибританской политики и лишить контрабандистов части доходов, император французов ввел систему «лицензий», своего рода официальных разрешений на нарушение Континентальной блокады» т.д., а также, что «император стремился открыть европейские рынки для французской промышленности, сохраняя при этом исключительность национального рынка, защищенного протекционистскими законами от конкуренции со стороны не только Британии, но и своих европейских союзников» т.д.

Далее автор неясно почему обратился к сюжету о влиянии «англо-французского соперничества в период наполеоновских войн на экономическое положение Российской империи», заключив, что «несмотря на определенные негативные последствия, Континентальная блокада, как и англо-французское экономическое противостояние в целом, дали ощутимый толчок развитию российской мануфактурной промышленности» т.д.

В статье встречаются незначительные описки, как-то: «территории, Это, например», «экономически, конечно пострадала» и т.д., неудачные выражения, как-то: «Нарождающийся буржуазный класс оказывается в выигрыше, получая государственные заказы и прибыли, однако возникает проблема контроля. В Англии монархия Стюартов пытается освободиться от контроля буржуазии, в то время как во Франции буржуазия пытается избавиться от контроля монархии».

Выводы автора носят обобщающий характер, сформулированы ясно.

Выводы не позволяют оценить научные достижения автора в рамках проведенного им исследования. Выводы отражают результаты исследования, проведённого автором, в полном объёме.

В заключительных абзацах статьи автор сообщил, что англо-французское противостояние затронуло «практически все европейские страны, а также США и Латинскую Америку», и что среди исследователей «до сих пор нет единства в оценках характера и последствий экономического противоборства двух «сверхдержав» европейского политического пространства». Автор банально констатировал, что «экономика, политика и социальная сфера тесно взаимосвязаны и подвержены взаимовлиянию», и что это «очень наглядно можно продемонстрировать, в том числе, и на событиях периода наполеоновских войн» т.д.

Затем автор пояснил, что «единственной альтернативой для каждого из этих «борцов» было доведение противника до истощения», что при этом «наполеоновская Франция стремилась, прежде всего, установить собственную гегемонию, уничтожив в конечном итоге влияние Британии на континенте» т.д. и что «в силу ряда политических и военных причин Наполеон не мог долговременно применять это средство для успешного достижения своих целей» и т.д. Автор неожиданно и банально резюмировал, что «без понимания связей и взаимовлияния политической и экономической сфер жизни общества невозможно понять те процессы, которые происходили в прошлом» и «невозможно в полной мере подготовиться к тем кризисным явлениям, которые могут

ожидать нас в будущем».

Выводы, на взгляд рецензента, не проясняют цель исследования.

На взгляд рецензента, потенциальная цель исследования достигнута автором отчасти.

Публикация может вызвать интерес у аудитории журнала. Статья требует существенной доработки, прежде всего, в части формулирования ключевых элементов программы исследования и соответствующих им выводов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Современная международная ситуация определяется повышенной конфликтогенностью между различными акторами, что определяется происходящей на наших глазах динамичной трансформацией монополярного мира во главе с Вашингтоном в мир многополярный, в котором наряду с североамериканской сверхдержавой ведущие позиции будут занимать Пекин, Москва, Нью-Дели, Тегеран и др. Именно geopolитическим противоборством обусловлена политика экономических санкций, которую коллективный Запад проводил сначала в отношении так называемых стран-изгоев (КНДР, Иран), а потом стал осуществлять уже невзирая на какие-либо принципы. Но политика экономических санкций не нова: так, еще в начале XIX в. Наполеон пытался континентальной блокадой подавить экономику Британской империи и т.д.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются экономические аспекты англо-французского противостояния в период наполеоновских войн. Автор ставит своими задачами проанализировать историографию вопроса, рассмотреть истоки и характер англо-французского соперничества, а также определить его последствия.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует историко-сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать экономические аспекты англо-французского противостояния в период наполеоновских войн, а также его политические последствия.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его разносторонность: всего список литературы включает в себя 14 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на французском языке. Из используемых автором исследований отметим как общетеоретический работы (И .Валлерстайн, Б.Ю. Кагарлицкий), так и труды, в центре внимания которых различные аспекты эпохи наполеоновских войн (А. Мэхэн, Е.В. Тарле, Л.П. Арская). Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей экономических противостояний, в целом, так и англо-французским соперничеством, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на

уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи. Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «английская и французская модели развития капитализма выглядят в определенной степени прямо противоположными», что и обусловило ожесточённость противостояния держав в начале XIX в. Основная часть статьи посвящена истории Континентальной блокады, а также анализу ее оценок в исследовательских работах. Автор обращает внимание на то, что хотя «некоторые исследователи видят в той континентальной системе, которую пытался создать Наполеон, прообраз европейского «общего рынка» или даже предшественнику Евросоюза», в реальности наполеоновская Франция стремилась, в первую очередь, к установлению собственной гегемонии на континенте.

Главным выводом статьи является то, что «без понимания связей и взаимовлияния политической и экономической сфер жизни общества невозможно понять те процессы, которые происходили в прошлом», а следовательно невозможно спрогнозировать будущее.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Кирчанов М.В. — Трехстадиальная периодизация истории национализма М. Хроха как «идеальная модель» и перспективы ее применения для изучения истории Ирана // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.6.40976 EDN: HPQGSD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40976

Трехстадиальная периодизации истории национализма М. Хроха как «идеальная модель» и перспективы ее применения для изучения истории Ирана

Кирчанов Максим Валерьевич

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

доктор исторических наук

Воронежский государственный университет; доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений; доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Исторический факультет; ResearcherID: B-8694-2017; Scopus Author ID: 57193934324

394077, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 16, каб. 236

✉ maksymkyrchanoff@gmail.com

[Статья из рубрики "Теория и методология истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.6.40976

EDN:

HPQGSD

Дата направления статьи в редакцию:

12-06-2023

Аннотация: Автор анализирует особенности и противоречия развития исторических форм иранского национализма в контекстах идеальных моделей предложенных в модернистской историографии. В центре статьи проблемы неспособности национализма стать доминирующей и определяющей политической силой, которая конструирует основные особенности развития общества и государства. Предметом статьи является теория национализма Мирослава Хроха, объектом – возможности ее применения в иранских исторических исследованиях. Статья представляет собой попытку трансплантации классических теорий национализма в иранские исторические и культурные контексты. Автор использует трехстадиальную «идеальную» модель развития национализма Мирослава Хроха, трансплантируя основные ее теоретические положения в иранский исторический, культурный, социальный и экономический контекст. Используя модернистский подход М. Хроха, автор полагает, что начиная с XIX века в Иране

развивались традиции политического и этнического национализма, а правящие династии Каджаров и Пехлеви актуализировали различные стратегии националистической модернизации. В статье представлен сравнительный анализ различных исторических форм иранского национализма в контекстах конструктивистского подхода, сформулированного в периодизации М. Хроха. Предполагается, что националистические модернизации Каджаров и Пехлеви в современной иранской историографии воспринимаются через призму конструктивистского подхода. Поэтому причины и формы кризиса националистического проекта в Иране анализируются с использованием модели «идеальной» хронологии национализма, сформулированной М. Хрохом в контекстах конкуренции политических принципов нации и религиозных идеалов уммы.

Ключевые слова:

Иран, Каджары, Пехлеви, национализм, Мирослав Хрох, модернизация, идеальные модели, три стадии национализма, умма, шиизм

Введение. Историография национализма на современном этапе ее развития принадлежит к числу динамично развивающихся направлений исторического знания, что обеспечивается как благодаря междисциплинарности, так и активным использованием историографического наследия, представленного классическими текстами, которые формируют модернистское течение в изучении национализма [1; 2; 3; 4]. Одной из сильных сторон модернистской историографии является детальный анализ процессов социальной, культурной и политической трансформации модернизирующихся сообществ, которые становились нациями. Важным инструментом в подобном типе анализа стали идеальные модели, широко применяемые к модернистской историографии национализма. Среди таких идеальных историографических конструктов особое место занимает модель чешского историка М. Хроха [5; 6], который предложил трехстадиальную периодизацию истории национализма, претендующую на универсальность.

Целью статьи является анализ националистической модернизации как политического и культурного воображения иранских элит в контекстах идеальной модели социальных трансформаций, описанных М. Хрохом, в рамках его трехстадиальной периодизации национализма. Задачи статьи ограничиваются изучением генезиса иранского национализма в период Каджаров в рамках основных попыток трансплантации принципов западного национализма в политический имперский проект Ирана XIX века, и анализом также неудачной националистической модернизации Пехлеви в контекстах трех стадий в истории национализма, сформулированных М. Хрохом.

Историография иранского национализма значительна и обладает рядом особенностей. На современном этапе в западной историографии национализма в Иране доминирует модернизм, объясняющий национализм как последствие политической и культурной модернизации [7; 8]. Аналогичные тенденции определяют и основные направления анализа национализма в исследованиях западных авторов иранского происхождения [9; 10; 11]. В российской историографии доминирует комплексный подход, в рамках которого изучается как история, так и современное состояние иранского национализма, включая его различные проявления в сфере идеологии, политики и культуры [12; 13]. К сожалению, значительная часть российских авторов избегает обращения к методологическим аспектам в рамках изучения иранского национализма. Особенности адаптации модернистского канона и его трансформации в иранских исторических

контекстах в историографии принадлежат к числу практически неизученных проблем [14; 15; 16]. Современный модернизм, претендующий на статус универсального методологического языка для изучения национализма может дать «возможность исследователям не ограничивать себя ложной альтернативой между ориентированной на монокаузальную схему научностью и эстетизирующим отклонением от нее» [17. С. 27], хотя значительная часть работ по проблемам истории иранского национализма все-таки склонна воспроизводить монокаузальные формы ранней историографии.

Исходя из основополагающих идей модернистской историографии национализма, автор в представленной статье определяет попытку националистического проекта в Иране как неудачную в силу воздействия двух факторов – Исламской Революции, которая установила исламистский режим и последующей маргинализации национализма новыми элитами, для которых ценности уммы были важнее принципов нации, что, проявляется в официальном политическом дискурсе ИРИ, представленном в текстах лидера революции Имама Хомейни, ставившего солидарность мусульманской уммы на международном уровне выше принципов предшествующего иранского национализма, утверждая, что «мусульмане мира должны осознать свое тяжелое положение и его истоки, освободится от оков колониализма благодаря всеобъемлющему единству и опоре на ислам под его славным знаменем... устранив свою интеллектуальную зависимость от Запада, найдя свою культуру и самобытность, признав прогрессивную культуру ислама... Мы принимаем нацию только в тени учения ислама» [18], фактически ставя под сомнение и отвергая универсалии национализма, основанные на примате идеи нации.

Трехстадиальная периодизация истории национализма М. Хроха в иранских контекстах. Согласно М. Хроху, каждый национализм в своей истории проходит через три стадии. Стадия А отмечена активным развитием национальной культуры, что влечет более активное использование местного языка и попытки его стандартизации, внедрения в образование и управление – на данном этапе интерес к нации отмечен не политическим, но преимущественно культурным и фольклорным интересом. Анализируя модель М. Хроха, следует признать, что возможности ее трансплантации в иранские контексты представляются более сомнительными чем перспективы применения модернистской историографии национализма в целом даже несмотря на склонность последней конструировать историю при помощи идеальных типов.

Попытки М. Хроха привязать историю национализма, ограничив его европейским опытом к Центральной и Восточной Европе, в целом основана на игнорировании незападных национализмов, что в принципе нормально для М. Хроха, который не был профессиональным востоковедом. Этот фактор усиливает дискуссионность применения концепции М. Хроха для изучения истории иранского национализма. Али Моршедизад полагает, что развитие национализма в Иране шло дискретно, что делает западный модернизм в целом, основанный на комплексном анализе политических, социальных, культурных и экономических факторов более применимым, чем хронологически детерминированные попытки периодизации М. Хроха. В этой ситуации вполне объяснимо почему значительная часть работ западных историков иранского происхождения, анализирующих проблемы истории национализма в Иране, принадлежит к модернистской историографии [19; 20]. Схема М. Хроха плохо интегрируется в историографические реалии ИРИ в силу того, что вопрос о времени появления в Иране национального государства не имеет единого ответа, а в историографии имеют место попытки отказаться от восприятия национализма как продукта современности в то время как иранские историки в эмиграции предпочитают работать в рамках той модернистской

парадигмы [21; 22], к которой принадлежат тексты классиков междисциплинарного изучения национализма, включая самого М. Хроха.

По мнению Адиба Боруманда, датировка появления национализма в Иране связана с тем, что национализм воспринимается им как политическая идеология демократической направленности. Проявления национализма по А. Боруманду в иранской истории могут быть обнаружены одновременно с проявлениями того, что он относит к демократии. А. Боруманд полагает, что национализм не совместим с авторитарными и коррумпированными режимами, настаивая, что «ослабление иранского национализма началось при поздних Сасанидах» [23]. В рамках такой интерпретации национализма эпохи Каджаров и Пехлеви автоматически исключаются из его истории, так как режимы того времени, по мнению А. Боруманда, не являлись демократическими, что актуализирует сложные отношения иранской историографии с западным национализмоведением, так как большинство европейских и американских историков склонны редуцировать историю национализма до двух – трех столетий [что характерно, в том числе, для М. Хроха], а иранские интеллектуалы стремятся исключить династии Каджаров и Пехлеви из истории национализма, так как умеренный и радикальный проекты модернизации, проводимой ими, не соотносятся с идеологическими предпочтениями режима.

Другой иранский историк, Али Моршедизад, полагает, что «если вы спросите, когда в Иране было сформировано национальное государство, то есть государство, построенное по национальному признаку, на этот вопрос есть две точки зрения. Некоторые считают, что оно возникло в эпоху Сефевидов, самой важной задачей которых было различие иранской и османской идентичностей... Сефевиды создали в стране саму идею национального единства. Согласно второй точке зрения, государству Сефевидов не хватало характеристик национального государства. С этой точки зрения национальное государство было порождено идеей национализма, а настоящий национализм возник в Иране с началом постконституционной эпохи. Если мы рассматриваем проблему, основываясь на современной форме национализма, мы должны помнить, что национальное государство в Иране – это позднее явление и Реза Шаха следует считать одним из архитекторов национального государства в Иране. Идея национализма возникла в результате взаимодействия на Иран со стороны Европы и присутствия там иранских студентов» [24]. Али Моршедизад в этих своих размышлениях о специфике генезиса национализма в Иране фактически пытается ассимилировать идеи западного историографического модернизма и интегрировать их в иранские исторические и культурные контексты.

Для модели чешского историка характерна склонность к излишней идеализации изучаемой проблемы. Версия истории национализма М. Хроха, претендующая на концептуализацию проблемы, в определенной степени ущербна, так как в ней речь о трансформации отдельных групп из миноритарных сообществ в нации, что игнорирует фактор многосоставности имперской модели государственности. Стартовые условия националистической трансформации, описанной М. Хрохом, применимы и для ранней истории иранского национализма, если мы, конечно, признаем, что они протекали одновременно и параллельно среди различных групп многосоставного общества [25].

Трансплантация концепции М. Хроха в иранский контекст сомнительна, так как чешский историк описывал процессы развития национализма миноритарных неравноправных групп многосоставных обществ в процессе их эволюции от империи к нации-государству. В иранском случае модель М. Хроха может быть применена только для анализа,

например, азербайджанского национализма. Стадия В связана с политизацией интеллектуальных групп и сообществ, которые возникли в предшествующий период – поэтому появляются более активные националисты, не только пропагандирующие свои идеи среди населения, но и начинается борьба за политические права, что актуализирует лозунги территориальной автономии, а позднее и суверенитета в форме национального государства, которое иранскими интеллектуалами воспринималось в рамках следующей интерпретационной модели: если при Каджарах сама идея национального государства была синонимом конституционализма, то при Пехлеви гражданский национализм в значительной степени был потеснен этническим в силу того, что «в процессе национального строительства они Мухаммед Реза Пехлеви препятствовал реализации концепции национализма среди социальных и политических сил» [26], то есть редуцировал идею нации-государства до идеи этничности, которая легитимировалась не обществом и демократическими процедурами, но самой династией и лояльностью ей со стороны иранцев.

События, которые М. Хрох, связывает с протеканием стадии В в истории иранского национализма в значительной степени соотносятся с теми процессами, которые в XIX веке имели место в структуре иранских элит [27], так как политический класс не только стал одновременно объектом и агентом модернизации, но и подвергся определенной национализации в рамках проекта ранней модерности, который в случае с Персией состоял в попытках национальной и государственной консолидации страны с иранским большинством, которым управляла династия тюркского происхождения [28]. В персидском случае развития национализма в XIX веке политизация элит стала попыткой их интеграции в общегосударственный канон идентичности, который при этом не исключал одновременного и параллельного сосуществования двух этничностей – иранской и тюркской – в среде представителей элит.

Процессы, которые М. Хрох датировал стадией В, в Иране не завершились с политическим уходом Каджаров, но продолжились и при Пехлеви. Иранский национализм актуализирует как проблемы дискретности, пролонгированности стадий, описанных М. Хрохом, а также определенные хронологически сдвиги, которые проявились в протекании аналогичных модернизационных процессов, связанных, например с изменениями идентичности элит и их политической культуры на протяжении нескольких стадий. Националистическая миссия определенных культурных институтов в Иране, например – литературы [29], также могла не ограничиваться только Стадией А и В, будучи в большей степени пролонгированной в хронологической перспективе.

Стадия С ознаменована созданием и последующим развитием относительно завершённых социальных структур, которые обретают универсальный характер относительно определённого социума, универсальной формой организации которого становится нация, включающая не только интеллектуальные сообщества, но социальные классы, в той или иной степени подверженные воздействию со стороны национализма как массового движения, конечной целью которого становится создание независимого государства. Успех национализма на последнем этапе, описанном М. Хрохом, связан с проведением модернизации и универсализацией государства-нации как продукта модерна, но иранская ситуация осложнена тем, что элементы модернизации заметны в социальных, культурных и экономических реалиях Ирана на протяжении всех трех стадий, предложенных М. Хрохом, что стало следствием того, что Иран в XIX веке превратился в «зависимую неколониальную» страну, основной формой социальных перемен в которой стала авторитарная модель модернизации, которая, по мнению Джамшида Бехнама [30],

могла стать «прелюдией к модернизации, но этого не произошло... в конце 19 века и в первые десятилетия 20 века зависимость Ирана от Запада была основана на концессиях, займах, наличии иностранных советников... но иранцы, в отличие от обитателей других подобных стран, никогда не чувствовали себя хуже жителей западных государств и не боялись потерять свою культурную идентичность» [\[31\]](#).

Анализируя особенности иранского национализма, во внимание следует принимать сложности ассимиляции трехстадиальной концепции М. Хроха и склонность иранских историков оперировать интерпретациями национализма, которые в большей степени соотносятся с его англоязычной историографией [\[32; 33\]](#). Попытка Али Моршедизада локализовать в интеллектуальной истории национализма в большей степени не хронологические этапы, но различные политические формы националистической идеи (этнический национализм Резы Шаха и Махмуда Афшара, политический национализм Сейеда Хасана Тагизаде и гражданский национализм Мохаммеда Мосаддыка [\[24\]](#)) указывает на то, что историков Ирана в большей степени привлекают не конкретные хронологические «привязки», но процессы, связанные с трансплантациями культурных и социальных институтов в условиях модернизации. Национализм в иранской историографии интерпретируется максимально широко как культурное и интеллектуальное явление наряду с «гуманитарными и социальными науками, имеющими предписывающий характер, будучи созданными, чтобы предписывать обществу ценности и лечить его боли» [\[34\]](#), что редуцирует возможные объяснения национализма, отсекая политически и идеологически мотивированные вопросы, связанные с его кризисом и победой Исламской революции.

Иранский национализм был вынужден лавировать между «иранской, исламской и западной историей и культурой», что сделало возможным на раннем этапе модернизации и институционализации «националистической идентичности» [\[35\]](#), инициированной Пехлеви, различные формы проявления «иранства таких интеллектуалов, как Мирза Фатх Али Ахундзаде и Мирза Ага Хан Кермани, которые преувеличивая древность», что актуализировало «преимущественно антиарабский и даже антиисламский характер и окраску» национализма в то время как другие интеллектуалы «стремились приспособить свои националистические, либеральные и модернистские тенденции к принципам и законам исламского религиозного права», что позволило им сохранить «националистические и модернистские идеи, дистанцируясь от крайнего увлечения древностью и западничества» [\[36\]](#).

Опыт социальных и экономических трансформаций [\[37\]](#) периода Каджаров и Пехлеви, если мы воспринимаем их в категориях трех стадий периодизации М. Хроха, были маловероятны без социальных изменений, которым подверглись раннее традиционные институции [\[38\]](#), вынужденно интегрированные в условия нового модернирующегося общества, где основной формой политической организации становится нация. Иранские историки, анализируя феномен национализма, используют западные интерпретационные модели [\[39; 40\]](#), но ставят универсальность принципов национализма под сомнение, объясняя это значительной спецификой Ирана, которую национализм, привнесенный из Европы, оказался не в состоянии ассимилировать. Среди основных социальных и культурных барьеров, которые помешали утверждению принципов национализма в Иране, упоминается конфликт между сторонниками радикальной националистической модернизации и шиитскими богословами [\[41; 42\]](#), имитационный характер национализма, неспособность формально национального правительства, созданного впервые при

Пехлеви, реально защитить суверенитет Ирана.

Не следует абсолютизировать антимодерновую направленность иранского исторического нарратива, так как некоторые историки Ирана все-таки признают универсальность национализма как «идеологии нации, которая подчеркивает суверенитет нации над своей судьбой», указывая и на то, что «иранский национализм с его двухвековой историей превратился в неизбежного двойника иранской современности» [43]. Иранский национализм в этой политической ситуации стал заложником и жертвой ускоренной социальной и культурной модернизации, вина за начало которой возлагается на Реза-шаха [43]. Марьям Парвин подчеркивает, что такой национализм был фактической дилеммой, в основе которой, с одной стороны, лежала ностальгия «по поводу прошлого Ирана, особенно его доисламского прошлого», а, с другой, «демократическая концепция верховенства закона и власти граждан» [36].

Генезис иранского национализма протекал в условиях генезис конституционализма [44], ставшего в иранских условиях ранней попыткой институционализации проекта современности [45], с одной стороны, и кризиса имперской модели развития, с другой, «вызванного конфронтацией традиционного Ирана с современностью, которая выкристаллизовалась в среде элит, среди иранских государственных деятелей и интеллектуалов в форме модернистской политики» [45]. Другое проявление двойственности национализма выражалось в его ранней антиколониальной направленности, которая постепенно мутировала во внутренний политический протест против тирании. Эта двойственность в истории национализма, который в иранских культурных реалиях оказался в центре дискуссий между традиционалистами и модернистами, привела к тому, что «во время правления Реза-шаха националистический подход превратился в прискорбный архаизм, основанный на презрении арабов и турок, что постепенно затмило демократическую концепцию национализма, в основе которой хотя бы частично должна лежать идея гражданских прав» [36].

В иранской историографии предполагается, что «высокомерие и ксенофобия были продуктом иранского национализма, и тем не менее, интеллектуалы все еще очарованы этим национализмом... чем дальше мы идем, тем больше иранский национализм дистанцируется от современности... большой национализм продолжает очаровывать иранских интеллектуалов своим воображаемым очарованием» [46]. Трехстадиальная модель М. Хроха в большей степени применима к истории миноритарных групп Ирана. Если мы откажемся от жесткой хронологической привязки в выделении стадий, описываемых М. Хрохом, то определенные элементы зафиксированных им националистических политических, культурных и интеллектуальных практик вполне могут быть обнаружены в истории иранского национализма как в период Каджаров, так и Пехлеви, что указывает на ускоренное повторение неевропейскими национализмами стадий, которые могли проходить европейские.

Если одни иранские историки связывают появление национализма с попытками ранней модернизации, инициированной Каджарами, то другие, наоборот, склонны редуцировать генеалогию иранского национализма до периода Пехлеви, полагая, что Реза Шах фактически стал «практикующим переводчиком национализма, которого хотели интеллектуалы» [46], используя при этом европейские, в первую очередь – немецкие, культурные и социальные модели конструирования национальной идентичности. Подобные «долгие» и «короткие» генеалогии истории национализма в современной историографии Ирана свидетельствуют о том, что иранские историки преуспели в

ассимиляции классических теорий национализма западной историографии, который трансплантируются в исследования, сфокусированные на иранской проблематике [47; 48]. Если мы трансплантируем три стадии, описанные М. Хрохом, в иранские контексты, то эти этапы актуализируют такое свое состояние как дискретность и непоследовательность, а также повторяемость одних и тех националистических модернизационных практик разными политическими режимами.

Выводы. Анализируя историю иранского национализма через призму теоретической модели М. Хроха, во внимание необходимо принимать ограниченность ее возможной интеллектуальной интервенции в иранские культурные контексты в силу двух факторов. М. Хрох описывает относительно успешные национализмы, которые не только смогли запустить механизмы националистической модернизации, но и построить нацио-государство в качестве гражданской категории. Возможность использования концепции чешского историка для анализа национализма *post factum* представляется сомнительной, так как М. Хрох оперировал преимущественно конкретными примерами развития национализма, но не позднейшими культурными и интеллектуальными рефлексиями и политически мотивированными спекуляциями относительно того или иного национализма, а также последствий институционализации националистического проекта.

Возможная трансплантация модели идеальной хронологии М. Хроха в иранские исторические контексты представляется продуктивным в контекстах объяснения провала националистического проекта в Иране, так как различия между тремя стадиями из концепции чешского историка лежат в плоскости социальной истории одновременного сосуществования и параллельного софункционирования чрезвычайно мощных институтов, которые актуализировали как проект современности, так и ценности и принципы традиции. Трехстадиальная модель М. Хроха актуализирует как преемственность, так и дискретность в истории иранского национализма, делая более видимой роль такого традиционного института как умма, которая оказалась более успешной в отличии от политической нации в ее западном гражданском понимании.

Следует признать ограниченность классических модернистских теорий национализма, отталкиваясь от того, что модернизм как парадигма, хотя и претендует на универсальность, попытки периодизации истории национализма, предложенные М. Хрохом, имеют много общего с социальной и экономической историей Ирана, анализируя которую мы можем применять широкий спектр источников, не ограничивая себя крайностями имагинативного и инвенционистского поворотов в историографии. В этом контексте трехстадиальная периодизация истории национализма М. Хроха кажется более научной в сравнении с теми концептами, которыми оперирует постмодернистская историография национализма.

Проведенный нами анализ [не]успешности иранского национализма в контекстах социальной, культурной и исторической динамики, таким образом, свидетельствует о том, что дальнейшее изучение истории националистической модернизации в Иране представляется не только необходимым и актуальным, но перспективным в точки зрения интеграции в число подходов, применяемых в иранистике, методологических языков западной модернистской историографии при условии их интеграции в широкие контексты междисциплинарности.

Библиография

1. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of

- Nationalism. Verso, 1983. 256 p.
2. Gellner E. Nations and Nationalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 170 p.
 3. Gellner E. Saints of the Atlas. Chicago: University of Chicago Press, 1969. 350 p.
 4. Gellner E. Muslim Society. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 1981. 267 p.
 5. Hroch M. Die Vorkämpfer Der Nationalen Bewegung Bei Den Kleinen Volkern Europas. Praha: Universita Karlova, 1968. 171 s.
 6. Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 229 p.
 7. Constructing Nationalism in Iran: From the Qajars to the Islamic Republic. Ed. M. Litvak. L. – NY.: Routledge, 2017. 300 p.
 8. Keddie N. Qajar Iran and the Rise of Reza Khan 1796–1925. Costa Mesa, Cal.: Mazda Pub., 2012. 174 p.
 9. Perceptions of Iran: History, Myths and Nationalism from Medieval Persia to the Islamic Republic. Ed. A.M. Ansari. L. – NY.: I.B. Tauris, 2013. 257 p.
 10. Adib-Moghaddam A. Psycho-nationalism: Global Thought, Iranian Imaginations. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 178 p.
 11. Kashani-Sabet F. Frontier Fictions: Shaping the Iranian Nation, 1804–1946. Princeton: Princeton University Press, 2011. 328 p.
 12. Кожанов Н.А, Богачёва А.С. Исламская Республика Иран в поиске своего внешнеполитического «я»: революционное новаторство или преемственность? // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. № 2. С. 141–162.
 13. Раванди-Фадай Л. Особенности национальной политики в современном Иране // Вестник Российской Нации. 2013. № 1 – 2. С. 209–219.
 14. Кирчанов М.В. Феминная телесность в массовой культуре Ирана: между обнажением и маргинализацией // Corpus Mundi. 2021. Т. 2. № 3 (7). С. 70–124.
 15. Кирчанов М.В. "Арийский миф" как фронтальный случай изобретения традиций и исторического воображения незападных национализмов // Журнал фронтовых исследований. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 122–157.
 16. Кирчанов М.В. Политика памяти в Исламской Республике Иран как незападная форма исторической политики (между ценностями уммы и принципами национализма) // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 4(55). С. 46–55.
 17. Досс Ф. Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю / Отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 27.
 18. Ali Akbar Kamāli Ardakāni, Emāme Xomeyniyo bāzsāziye hoviyate melli dar Irān [Али Акбар Камали Ардакани, Имам Хомейни и восстановление национальной идентичности в Иране] // Hozur-e [Присутствие]. 1384. № 54. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/54317/> (дата обращения: 03.01.2022)
 19. Rethinking Iranian Nationalism and Modernity / Eds. K. Aghaie, A. Marashi. Austin: University of Texas Press, 2014. 374 p.
 20. Sharifi M. Imagining Iran: The Tragedy of Subaltern Nationalism. Lanham: Lexington Books, 2013. 375 p.
 21. Marashi A. Nationalizing Iran: Culture, Power, and the State, 1870–1940. Seattle:

- University of Washington Press, 2008. 200 p.
22. Kia M. Persianate Selves: Memories of Place and Origin Before Nationalism. Stanford: Stanford University Press, 2020. 336 p.
23. Adib Borumand, Melligerāyiye tafhime pišrafthāye bāstāni be mardom ast [Адіб Боруманд, Национализм – это объяснение древнего прогресса людям] // Tārixe Irān [Иранская история]. 1392. Ordibehešt 22. URL.: <http://tarikhirani.ir/fa/news/3186/> (дата обращения: 03.01.2022)
24. Ali Moršedizad, Maktab-e irāni estefāde abzāri az nāsiyonālism-ast [Али Моршедизад, Иранская школа – инструмент национализма] // Tārixe Irān [Иранская история]. 1390. Farvardine 7. URL.: <http://tarikhirani.ir/fa/news/576/> (дата обращения: 03.01.2022)
25. Turaje Atābaki, Tanavvoe qowmiyo tamāmiyate arziye Irān sāzgāriye dāxeliyo moxāterāte mantaqeи [Турадж Атабаки, Этническое разнообразие и территориальная целостность Ирана Внутренняя совместимость и региональные опасности] // Goftogu [Беседа]. 1384. № 43. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/205500/> (дата обращения: 03.01.2022)
26. Mohammad Bāqer Hešmatzāde, Seyyed Mohammad, Wahab Nazaryan, Solmāz Heydari Delfard, Nāsiyonālism az manzare šahrvandi dar asre Pahluye avval bā ta'kid bar qowmiyathā [Мохаммад Бакер Хешматзаде, Сейед Мохаммад, Вахаб Назарян, Солмаз Хейдари Дельфард, Национализм с точки зрения гражданства в эпоху первых Пехлеви с акцентом на этническую принадлежность] // Jostārhāye siyāsiye moāser [Современные политические исследования]. 1393. № 13. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/336967/> (дата обращения: 03.01.2022)
27. Abuzar Delāvar, Farhange siyāsiye noxbegāne hākem dar dowreye Pahluye dovvom [Абузар Делавар, Политическая культура правящих элит во второй период Пехлеви] // Goftogu [Беседа]. 1387. № 53. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/205603/> (дата обращения: 03.01.2022)
28. Morād Saqafi, Rasāeli dar bāb hokumat mundi: bāzbiniye talāše siyāsiye noxbegāne Irān dar dowreye Qājār [Мурад Сагхафи, Очерки управления: обзор политических усилий иранских элит в период Каджаров] // Goftogu [Беседа]. 1384. № 44. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/205512/> (дата обращения: 03.01.2022)
29. Hilman M. Nāsiyonālisme irāniyo adabiyāte moderne fārsi / tarjome-ye Said Mohebbi [Хиллман М. Иранский национализм и современная персидская литература / пер. Саид Моехбби] // Kian. 1376. № 38. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/174930/> (дата обращения: 03.01.2022)
30. Jamšid Behnām, Irāniyān-o andiše-ye tajaddod. Tehrān: Farzan Rooz, 1399. 192 s. [Джамшид Бехнам, Иранцы и концепция современности. Тегеран: 1399. 192 с.]
31. Dargozašte Jamšid Behnām: āmeešenāsi ke az tārix tajaddod nevešt [Умер Джамшид Бехнам – социолог, писавший об истории современности] // Tārixe Irān [Иранская история]. 1400. Ābān 26. URL.: <http://tarikhirani.ir/fa/news/8714/> (дата обращения: 03.01.2022)
32. Davaran F. Continuity in Iranian Identity: Resilience of a Cultural Heritage. L. – NY.: Routledge, 2010. 287 p.
33. Zia-Ebrahimi R. The Emergence of Iranian Nationalism: Race and the Politics of Dislocation. NY.: Columbia University Press, 2018. 312 p.
34. Dāryuš Rahmāniyān, Melligerāyiye āmele taxassosiye šodane tārix Irān ast [Дариуш Рахманян, Национализм – фактор особенностей иранской истории] // Tārixe Irān [Иранская история]. 1391. Tir 21. URL.: <http://tarikhirani.ir/fa/news/2387/> (дата обращения: 03.01.2022)

- обращения: 03.01.2022)
35. Alí Ašraf Nazari, Nāsiyonālismo hoviyate irāni: motāleeye mowrediye dowreye Pahluye avval [Али Ашраф Назари, Иранский национализм и идентичность: пример первого периода Пехлеви] // Pažuheše hoquqo siyāsat [Политические и правовые исследования]. 1386. № 22. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/221361/> (дата обращения: 03.01.2022)
36. Maryame Parvin, Rezāshāh šabahe nāsiyonālisme irāni [Марьям Парвин, Реза-шах и иранский квазинационализм] // Yāde ayyām [Память о прошлом]. 1388. № 54. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/126663/> (дата обращения: 03.01.2022)
37. Giti Našat, Az bāzāre sonnati tā bāzāre modern: Irān qarne nuzdahom [Гити Нашат, От традиционного рынка к современному: Иран XIX века] // Goftogu [Беседа]. 1383. № 41. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/205481/> (дата обращения: 03.01.2022)
38. Ārang Kešāvarziyān, Bāzāre Tehrān: tadāvom yā degarguni? [Аранг Кешаварзиян, Тегеранский базар: преемственность или трансформация?] // Goftogu [Беседа]. 1383. № 41. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/205480/> (дата обращения: 03.01.2022)
39. Kātam R. Nāsiyonālism dar Irān / tarjomeye Ahmad Tadayyon. Tehrān: Entešārāte Kavir, 1371. 506 p. [Чатэм Р. Национализм в Иране / пер. Ахмад Тадайон. Тегеран: Entešārāte Kavir, 1371. 506 с.]
40. Qronin E. Rezāshāho šeklgiriye Irān novin / tarjomeye Mortezā Sāqebfar. Tehrān, Entešārāte Jāmi, 1387. 288 s. [Кронин Ст. Реза Шах и формирование современного Ирана / Пер. Мортеза Сагебфара. Тегеран: Entešārāte Jāmi, 1387. 288 с.].
41. Farzin Vahdat, Ruyāruyiye fekriye Irān bā modernat / tarjomeye Mahdiye Haqiqatxāh. Tehrān: Entešārāt-e Qoqnus, 1382. 368 s. [Фарзин Вахдат, Интеллектуальная конфронтация Ирана с современностью / пер. Мехди Хагигатха. Тегеран: Entešārāt-e Qoqnus, 1382. 368 с.]
42. Māšāallāhi Ājudāni, Yā marg yā tajaddod. Tehrān: Našre Axtarān, 1382. 304 s. [Машаллах Аджудани, Смерть или современность. Тегеран: Našre Axtarān, 1382. 304 с.]
43. Rezā Qods, Ali Tāyefi, Nāsiyonālisme irāni yo Rezā shāh [Реза Кудс, Али Тайфи, Иранский национализм и Реза Шах] // Farhang-e towsee [Развитие культуры]. 1375. № 23. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/287868/> (дата обращения: 03.01.2022)
44. Alirezā Zāker, Rišeħāye nāsiyonālisme irāni dar asre mašrute [Алиреза Закир, Корни иранского национализма в конституционную эпоху] // Faslnāmeye āmuze [Ежеквартальный журнал]. 1383. № 6. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/36692/> (дата обращения: 03.01.2022)
45. Seyyed Mirzāyi, Nāsiyonālismo modernite siyāsi dar mašrute irāni [Сейед Мирзаи, Национализм и политическая современность в иранской конституции] // Jāmee šenāsi tārīxi [Историческая социология]. 1395. № 2. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/368903/> (дата обращения: 03.01.2022)
46. Musā Qaniye Nežāde, Kiyāne Pārsā, Nāsiyonālism, pāšneye āšil tajaddod irāni [Муса Ганиеджад, Киан Парса, Национализм – Ахиллесова пята иранской современности] // Šahrvande [Гражданин] 1386. № 18. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/45734/> (дата обращения: 03.01.2022)
47. Tehrani F., Amirkhani A. The Effects of Identity, Culture and Ideology on the Formation of Iranian Cities. Berlin: Dehnert und Heimsoth Verlag, 2021. 76 p.
48. Meskoob Sh. Iranian National Identity and the Persian Language: Roles of the Court, Religion, and Sufism in Persian Prose Writing. Washington, DC: Mage Publisher, 2015. 178 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

XIX век стал веком не только национальных государств (упомянем только объединение Германии и Италии), но и веком национализма. И хотя первоначально национализм по преимуществу был явлением европейским, в дальнейшем, он получает постепенное распространение в странах Востока, начиная от «младотурков» в Османской империи и заканчивая Китаем и Японией. Вторая половина XX в. оказалась ознаменована нарастающим национализмом в развивающихся странах, последствия которого заметны и сегодня.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является модель чешского историка М. Хроха в иранском контексте. Автор ставит своими задачами рассмотреть историю иранского национализма через призму теоретической модели М. Хроха, а также определить возможность использования концепции чешского историка для его анализа.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать перспективы применения модели М. Хроха для изучения истории Ирана. Научная новизна определяется также масштабным привлечением литературы на персидском языке.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 50 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том большом объеме подготовительной работы, который проделал автор. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на персидском и английском языках. Из привлекаемых автором источников отметим труды иранских авторов, которые рассматривают особенности иранского национализма, а также работы самого М. Хроха. Из используемых исследований укажем на труды М.В. Кирчанова, обращающегося к политике памяти и феномену незападного национализма. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем кто интересуется как незападным национализмом, в целом, так и иранским национализмом, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что согласно М. Хроху, каждый национализм в своей истории проходит через три стадии. Анализируя особенности иранского национализма, автор указывает на необходимость «принимать сложности ассимиляции трехстадиальной концепции М. Хроха и склонность иранских историков оперировать интерпретациями национализма, которые в большей степени соотносятся с его англоязычной

историографией». В работе отмечается, что «трехстадиальная модель М. Хроха актуализирует как преемственность, так и дискретность в истории иранского национализма, делая более видимой роль такого традиционного института как умма, которая оказалась более успешной в отличии от политической нации в ее западном гражданском понимании».

Главным выводом статьи является то, что «возможная трансплантация модели идеальной хронологии М. Хроха в иранские исторические контексты представляется продуктивным в контекстах объяснения провала националистического проекта в Иране».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках исследований по иранистике.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Белоусова К.А. — Политика США в Ираке в 1990-х – начале 2000-х гг. Последнее десятилетие «недемократического» Ирака // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.6.41035 EDN: IEUOQK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41035

Политика США в Ираке в 1990-х – начале 2000-х гг. Последнее десятилетие «недемократического» Ирака

Белоусова Ксения Андреевна

доктор исторических наук

доцент, профессор, кафедра новой и новейшей истории стран Европы и Америки, Московский педагогический государственный университет

119296, Россия, Москва, г. Москва, проспект Вернадского, 88, каб. 337

✉ belousova_k_a@bk.ru

[Статья из рубрики "Регионы мира в мировом историческом процессе"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.6.41035

EDN:

IEUOQK

Дата направления статьи в редакцию:

18-06-2023

Аннотация: Внешнеполитическая деятельность США не может не быть актуальной, поскольку, решив за весь мир, что только они могут привнести порядок и сеять демократические ценности на всем земном шаре, их политика и ее последствия приводят, наоборот, к раздору и хаосу. Ближневосточный регион и без вмешательства США представляет собой сложный узел противоречий: нерешенный арабо-израильский конфликт, важность региона как нефтесного, терроризм, приобретающий порой крайние формы исламский фундаментализм и пр. Ирак, который в сущности никогда не был в орбите американского влияния, стал, поэтому представлять угрозу национальным интересам США. Используя сочетание хронологического и кейсового подходов, мы постарались раскрыть все основные элементы политики США в Ираке в последнее десятилетие правления партии Баас: вопрос санкций, проблема юга и севера страны, деятельность комиссии ООН и др. «Демократизируя» Ирак с 1993 по 2003 гг. США вели беспринципную и античеловеческую политику, вследствие которой гибли сотни тысяч людей, была полностью дезорганизована промышленность, и в недалеком прошлом при диктатуре С. Хусейна процветающее государство откатилось в доиндустриальную эпоху. Операция «Иракская свобода» 2003 г. дезинтегрировала страну, превратив ее в

квазигосударство.

Ключевые слова:

Ирак, внешняя политика США, демократизация, санкции, нефтяная промышленность, Саддам Хусейн, беспилотные зоны, ООН, деятельность ЮНСКОМ, война в Ираке

Демократическая администрация Б. Клинтона пришла к власти в 1993 г. В 1990-х гг. США оказались единственной сверхдержавой: мировая организующая мира, а именно биполярность, рухнула, холодная война была закончена. Возникла так называемая «новая мировая ситуация», которая превратила США в гегемона на мировой арене. Казалось бы, США могли вернуться к изоляционизму и заниматься внутренними проблемами, которых, нельзя не отметить, в стране было с лихвой. Более того, не было уже такой острой необходимости поддерживать своих союзников по НАТО и тратить колоссальные средства на вооружения. Однако Запад и США, как его авангард, продолжили политику экспансиионизма, На вооружение был взят не глобализм, а регионализм, что означало уделение «большего внимания локальным конфликтам малой и средней интенсивности, практически все из которых носят региональный характер» [\[20, п. 12\]](#).

Исходя из того, что «демократии редко вступают в войну друг с другом» [\[16, п. 3\]](#) и что все зло исходит именно от так называемых «стран третьего мира», перед «новыми демократами» встала задача демократизации всего мирового сообщества, что означало по факту насаждение по всему миру «демократии» американского образца. Исходя из аксиомы, что США – самая демократическая страна в мире, это положение полностью оправдывало не только мировую гегемонию США в мире, но и подводила, так сказать, «теоретическую базу» под возможное вмешательство (вплоть до интервенции) в дела тех суверенных стран, которые, с точки зрения США, являлись «недемократическими». Собственно, это означало, что концепция предполагала новый раскол мира, но уже не на капиталистический и социалистический, а на западный, как единственный центр цивилизации, и «стран-изгоев», которые отказывались следовать принципам демократии западного образца. Следовательно, являлись угрозой всему человечеству и поэтому должны быть изолированы от него.

С Ираком у США в период новейшей истории отношения складывались волнообразно. До революции 1958 г. в Ираке США не претендовали на влияние в стране, поскольку позиции англичан были более чем прочные. Вашингтону удалось вовлечь Ирак в оборонную организацию Багдадский пакт, однако на какую-то особую роль в стране он пока не рассчитывал. После революции 1958 г. и до революции 1968 г. отношения между США и Ираком зависели от того, какой лидер стоял у власти. В целом, можно отметить, что в это десятилетие Ирак не мог определиться в своей ориентации: то ли строить социализм и опираться на СССР, то ли позволить вовлечь себя в орбиту капиталистического влияния. Соответственно, если лидер был прозападным, то позиции США в стране заметно укреплялись. После баасистской революции 1968 г., а особо после того как президентом Ирака стал Саддам Хусейн в 1979 г. во внешней политике страны сложилась довольно интересная тенденция. В целом баасистское руководство ориентировалось на СССР, но это не мешало ему при необходимости обращаться к США. Т.е. С. Хусейн попросту использовал во благо своей страны противостояние между СССР и США. Во время ирано-иракской войны (1980 – 1988) США помогали Ираку, что, однако

не мешало им продавать оружие Ирану. В общем, поддержка США Ирака и восстановление дипломатических отношений между странами позволило иракскому руководству и его главе С. Хусейну полагать, что теперь США их поддержат в любой «инициативе». Однако, Хусейн просчитался. Дестабилизация отношений в СССР, а потом и его развал, временная потеря нашей страны интереса к внешней политике позволило США полагать, что теперь только они могут «вершить судьбы мира». После нападения Ирака на Кувейт США не только не поддержали Ирак, но и обрушили на него всю свою мощь.

Если Иран получил статус «страны-изгоя» после революции 1979 г., то Ирак – в начале 1990-х гг. В 1993 г. известная, но более неактуальная, «доктрина сдерживания» теперь поменяла объекты и название и стала «доктриной двойного сдерживания». Эта доктрина была выдвинута на слушаниях в Конгрессе, посвященных будущей ближневосточной политике США [\[30\]](#) и вкратце означала, что район Персидского залива остается сферой жизненно-важных интересов США, Иран и Ирак угрожают безопасности зоны, поэтому с ними надо действовать с позиции силы.

Операция США и их союзников против Ирака в 1990-1991 гг., известная как «Буря в пустыне», привела к катастрофическим последствиям для страны. Вследствие налетов авиации серьезно пострадали или были полностью выведены из строя множество объектов военного и гражданского производства, мосты и дороги. Что касается нефтяной промышленности, то было уничтожено в перерабатывающей отрасли до 97% мощностей, составлявших в середине 1990 г. 32,5 млн. тонн в год, и почти половина мощностей в добывающей отрасли. Вследствие бомбардировок и пожаров были разрушены морские нефтеэкспортные платформы, а также предприятия нефтехимической промышленности [\[15, с. 28\]](#). Удар пришелся по той самой отрасли, которая уже долгие годы составляла более чем 60% ВВП Ирака и давала ему 95% валютных поступлений. В итоге, добыча нефти в стране упала с уровня 175 млн. тонн в год в июле 1990 г. до 15 млн. тонн в 1991 г. [\[18, р. 26-27\]](#).

В результате налетов энергетическая система Ирака была разрушена на 96%, что со слов американской администрации превысило их намерения. Было выведено из строя 80% установленных мощностей электростанций. Особо разрушительными оказались последствия коротких замыканий в энергосистеме, произошедших после первых налетов ночью 17 января 1991 г. [\[15, с. 29\]](#)

С точки зрения руководителя гуманитарной миссии ООН, посетившей Ирак сразу после окончания ирако-кувейтской войны, «для экономической инфраструктуры общества, которое до января 1991 г. отличалось весьма высокой степенью урбанизации и механизации, результаты недавнего конфликта были близки к апокалиптическим. Большинство средств обеспечения современной жизни либо полностью разрушено, либо основательно подорвано. На определенное время Ирак отброшен в доиндустриальную эпоху» [\[17, р. 137\]](#).

Военные разрушения объектов народного хозяйства, существенные потери среди военных и гражданского населения, лишения и трудности, с которыми пришлось столкнуться иракцам были многократно усугублены санкциями СБ ООН. Резолюция СБ ООН № 661 от 6 августа 1990 г. [\[2\]](#) ввела против Ирака всеобъемлющие торгово-финансовые санкции. Ирак не мог экспорттировать свои товары, прежде всего, нефть, он не мог рассчитывать на импорт ему любой продукции, кроме медицинских препаратов и гуманитарной помощи. Было введено эмбарго на финансовую помощь со стороны третьих

стран, а также на использование морских судов для торговли с Ираком. Резолюция СБ ООН № 670 от 25 сентября 1990 г. [\[3\]](#) «продвинулась» еще дальше в «праведном деле» наказания Ирака. В ней была объявлена полная воздушная и морская блокада страны, включая требование ко всем странам-членам ООН задерживать иракские судна, заходящие в порты этих стран. Также в ней содержалось требование заморозить все иракские активы, находившиеся на территориях этих стран. Фактически, эти две резолюции не оставили для Ирака никакой лазейки для торговли с другими государствами: страна оказалась в полной изоляции.

Представляет невероятный интерес тот факт, что упомянутые резолюции СБ ООН, направленные против Ирака, противоречат Уставу самой этой организации [\[1\]](#), а именно, установление жесточайших экономических санкций против страны, а, значит, против ее народа, навязывания такой политики всему мировому сообществу и пр. К примеру, ст. 50 Устава ООН дает право стране, испытывающей серьезные экономические проблемы в результате применения санкций против другого государства, провести консультации в ООН на предмет разрешения этих проблем, в том числе путем компенсации [\[1\]](#). Кроме того такого рода санкции являются явным нарушением прав человека, что прописано в Уставе ООН и иных международно-правовых актах. Можно сделать один правильный вывод. ООН, хотя и задумывалась Ф. Рузвельтом, в качестве «мирового правительства», стала в итоге «ширмой эгокультурности», а после падения влияния и престижа СССР в итоге холодной войны ширмой эгокультурности, разумеется, Соединенных Штатов.

Санкции против Ирака довели не только экономику страны, но и всю страну, до катастрофического состояния. Не имеет смысла описывать здесь все ужасы происходящего в 1990-е гг. в Ираке вследствие санкций ООН. Упомянем лишь голодающих, смерть около 600 тыс. детей, фактическое разрушение системы здравоохранения. Добавим, что Д. Хэлидей, координатор гуманитарных программ ООН в Ираке в конце 1990-х гг., назвал санкции против Ирака геноцидом [\[22, р. 45\]](#). Однако, в протоколе слушаний Комитета по международным делам Сената от 28 сентября 1999 г. была высказана следующая мысль: «... в госдепартаменте верят, что ослабление санкций против Ирака опровергнет аргумент о том, что именно санкции морят голодом иракский народ, что является бюрократической ерундой. Именно Саддам Хусейн, а никто иной, морит голодом народ Ирака» [\[19\]](#). Еще одним доказательством совершенного бездущия руководства страны к судьбам простых иракцев было высказано М. Олбрайт в телевью. Когда ее спросили, что из-за санкций вследствие нехватки лекарств и продуктов питания в Ираке умирают дети, она ответила: «Я думаю, это трудный выбор, в отношении цели политики США и цены ее достижения, но, я думаю, мы должны заплатить эту цену» [\[13, с. 359\]](#).

Баасистское руководство уже в марте 1991 г., приняло план экономического развития, в котором была установлена очередность работ по восстановлению хозяйства. Однако, отсутствие импортного сырья и запасных частей вследствие санкций вынудило предприятия национальной промышленности работать с нагрузкой, которая не превышала в среднем 25% от их заявленной мощности. Эксперты ЮНИСЕФ в 1999 г. пришли к печальному выводу, что экономика страны перешла в стагнирующую фазу. Не только главная отрасль Ирака, нефтедобывающая, пребывала в плачевном состоянии, но упало и производство аграрного сектора. Как отмечают представители экспертного сообщества, безработица достигла 50% от трудоспособного населения, а ежегодный доход на душу населения упал с 3,5 тыс. долл. в 1989 г. до менее чем 500 долл.» [\[10, с. 245\]](#). Таким образом, некогда процветающий Ирак стал одним из самых бедных

государств в мире.

В 1996 г. Ирак согласился на программу «Нефть в обмен на продовольствие», вследствие чего ВВП страны стал медленно расти, но, главным образом за счет нефтяной промышленности. Еще в 1991 г. в резолюции СБ ООН № 712 было подтверждено, что от годовой продажи Ираком нефти на сумму 1,6 млрд. долл. страна могла закупать продукты питания и медикаменты. Когда эксперты ООН осознали, что это были полумеры, и что этих денег не хватает, чтобы преодолеть гуманитарный кризис в стране, они в апреле 1995 г. разрешили Ираку продавать нефть на 1 млрд. долл., но уже каждые три месяца. Несмотря на то, что программа была введена при администрации Клинтона, а, значит, с его одобрения, госсекретарь М. Олбрайт не преминула обвинить иракское руководство, что оно тратит полученные деньги на постройку новых дворцов [\[34, р. 3\]](#).

В апреле 1999 г. Вашингтон запретил иностранным компаниям инвестировать в иракскую нефтяную промышленность. Это вновь очень существенно ограничило возможность страны увеличить производство углеводородного сырья и соответственно закупать продукты первой необходимости, прежде всего продовольствие, а также лекарства.

Хотя в 2000 г. специалисты ООН утверждали, что помощь, получаемая по программе «нефть в обмен на продовольствие», является для рядового иракца единственной возможностью сводить концы с концами, Вашингтон гнул свою линию, заверяя, что программа вполне удовлетворяет гуманитарные потребности Ирака. Клинтон напрямую говорил, что если в стране есть нехватка продовольствия или лекарств, то это вина иракского руководства и лично С. Хусейна [\[21\]](#).

Вопреки заверениям представителей США и Великобритании, что эта программа облегчает жизнь иракцев, комитет по санкциям СБ ООН лишь блокировал жизненно важные для страны контракты по этой программе. Так, количество блокированных контрактов на 2002 г. дошло до 1200 на сумму более 2 млрд. долл.

Более того, на этот период Ирак уже экспортировал нефть почти на 32 млрд. долл., но из этой суммы на выплату по компенсациям ушло около 10 млрд. и один миллиард долл. израсходован на технические и административные нужды соответствующих структур ООН. На удовлетворение же нужд иракского народа было потрачено всего 8,3 млрд. долл., остальные средства на сумму 10 млрд., необходимые для закупок гражданской продукции для удовлетворения нужд Ирака, были заморожены из-за препятствий, чинимых представителями США и Великобритании в этом комитете [\[15, с. 15\]](#).

Необходимо отметить, что от санкций против Ирака, инициированных США, пострадал не только Ирак, но и те страны, которые имели с Ираком активные экономические отношения. Соединенные Штаты пострадали в меньшей степени, поскольку уже до этого диверсифицировали поставки иракской нефти.

Как известно, Ирак не был в этно-конфессиональном отношении единой страной. Шиитский юг страны всегда тяготел к Ирану, а во время ирано-иракской войны семейство аль-Бакров поддерживало Иран. По подсчетам международных статистических органов, в Ираке шииты составляют 55-60% от общего числа населения республики. Еще одну проблему представлял иракский Курдистан, который стремился к отделению и независимости. Перед партией Баас всегда стояла проблема сохранения территориальной целостности страны в условиях центробежных тенденций на национальной и конфессиональной почве. После ирано-иракской войны, а особо, после

операции «Буря в пустыне» центробежные тенденции усилились, ситуация все более осложнялась, можно было наблюдать явное ослабление центрального правительства над окраинами. Таким образом, перед С. Хусейном одной из главных задач было отстаивание единства республики.

Это явилось довольно сложной задачей, поскольку еще в 1980-х гг. у курдов появились контакты с ЦРУ, что впоследствии привело к тому, что иракский Курдистан стал главным месторасположением американской разведки в Ираке. Однако, когда в марте 1991 г. во время восстания руководство Патриотического союза Курдистана (далее - ПСК) обратилось к Вашингтону за поддержкой [11, с. 251], американцы ограничились лишь гуманитарной помощью.

В 1991-1992 гг. центральное правительство проводило военную операцию против курдских повстанцев. При этом баасисты вели активную пропагандистскую кампанию против Кувейта, Соединенных Штатов и Совета Безопасности ООН. С нашей точки зрения, это была ошибка иракского руководства, поскольку этим немедленно воспользовались США. До 36-й параллели от северной границы Ирака (иракский Курдистан) под предлогом защиты курдов от вооруженного вмешательства со стороны Багдада были введены натовские силы. Правительственным войскам, а также иракской авиации было запрещено пересекать 36-ю параллель; США создали так называемую беспилотную зону. Собственно, налицо было не просто прямое вмешательство во внутренние дела страны, а фактически агрессия, что продемонстрировало силовую линию поведения США по отношению к Ираку, «страну-изгоя».

Для контроля над беспилотными зонами Вашингтон сохранял свое военное присутствие, в том числе, «более чем 20 тыс. солдат, 200 самолетов, и 150 кораблей разного размера. За период с 1991 по 2001 гг. американские и британские самолеты совершили 280 тыс. вылетов против Ирака, бомбя военные и гражданские объекты, места расположения вооруженных сил, в результате чего погибли сотни гражданских» [10, с. 245].

Ведущие политические партии Курдистана – ПСК и Демократическая партия Курдистана (далее - ДПК) воспользовались могучей внешней поддержкой и стали создавать органы самоуправления регионом, а именно, правительство, парламент и местные органы власти. Не сумев поделить власть, между этими двумя группировками в мае 1994 г. разгорелся вооруженный конфликт, что только доказывало, что они боролись не за интересы народа, а во имя интересов правящей верхушки. В итоге иракский Курдистан все более подпадал под влияние США. Еще в 1996 г. Вашингтон предпринимал попытки объединить курдов против партии Баас, однако их лидеры М. Барзани и Дж. Талабани тогда не могли поделить между собой власть. Только в 1998 г. «американской администрации удалось добиться примирения и сотрудничества между Талабани и Барзани, с тем, чтобы контролировать ситуацию в Северном Ираке» [8, с. 113].

Усилия же центрального правительства отстоять контроль над северными районами страны встречали отпор со стороны авиации США и Великобритании, которые как с воздуха, так и с земли сбивали самолеты и вертолеты Ирака, пересекавшие 36-ю параллель.

Неоднократные попытки наладить политический диалог между Багдадом и ДПК ни к чему не привели. Более того, с лета 2001 г. на севере страны действовала боевая группа «Джунд аль-Ислам», связанная с организацией Усамы бен Ладена «Аль-Каида», которая вела операции против ПСК. Таким образом, политическая ситуация в иракском

Курдистане была резко осложнена и дестабилизирована.

Такая же сложная ситуация наблюдалась и на шиитском юге (до 32-й параллели уже с юга), территории которого также патрулировалась американской и английской авиацией. Туда тоже не допускались иракские вооруженные силы и авиация вплоть до их уничтожения. Однако, столкновения между иракскими военными и авиацией и силами, так называемой, «международной коалиции» происходили периодически, зачастую принимая характер серьезных военных действий. Особенно масштабными они были в 1992, 1994, 1996, 1998 гг. и осенью 2001 г. Американо-английская авиация бомбила объекты на иракской территории с авианосцев в Персидском заливе и на базах в Кувейте и Саудовской Аравии, будучи недосягаемой для иракских ПВО, поскольку им было запрещено реагировать на полеты иностранных самолетов [\[37, р. 922-925; 38, р. 1870-1872\]](#).

Несмотря на силовое пресечение попыток центрального правительства не допустить раскола страны, США не имели намерений помочь иракским курдам или шиитам в установлении своей государственности. Так, министр обороны США У. Пери отметил: «Наш интерес в отношении курдов не является жизненно важным для национальной безопасности» [\[23, р. 51\]](#).

Установление запретных зон для полетов иракской авиации на севере и юге страны также явилось решением СБ ООН, и не имело под собой никакого юридического основания. Хотя в этих документах не было упомянуто о каких-либо запретах на полеты иностранных самолетов над территорией Ирака, но там также не было разрешения на использование иностранной силы для поддержания статуса беспилотных зон.

Это решение было принято США и Англии в одностороннем порядке, хотя они и пытались оправдать их законность и без того антииракскими резолюциями СБ ООН. И получается, именно ими руководствовались США и Великобритания, осуществляя боевые вылеты, в результате которых гибли тысячи мирных жителей.

Надо отметить, что отнюдь не все были довольны такой беспардонной политикой. Франция признала нелегитимность этих действий, отказавшись от совместного с США и Великобританией патрулирования территории Ирака еще в 1998 г. Из всей многочисленной антииракской коалиции, которая поддерживала операцию «Буря в пустыне», только Канада и Кувейт выразили открытую поддержку американо-английской бомбардировке Ирака в феврале 2001 г.

Еще одной кампанией, которую Вашингтон развернул против Багдада, заключалась в попытках обвинить Ирак в разработке и хранении оружия массового поражения (ОМУ). Вашингтон опирался на резолюции СБ ООН и утверждал, что Ирак их нарушает, что по логике США означало, что потребуется силовое решение проблемы.

С нашей точки зрения, США, разумеется, блефовали. Ирак не смог бы разработать такой масштабный и дорогостоящий проект, как производство своего ядерного оружия без поддержки извне, а также после двух опустошительных для него войн. Однако, с 1998 г. комиссия МАГАТЭ тщетно искала это оружие в Ираке.

Еще в апреле 1991 г., после принятия резолюции СБ ООН № 687 [\[4\]](#) была создана Специальная комиссия Организации Объединенных Наций (ЮНСКОМ) для контроля над соблюдением Ираком требований об уничтожении объектов химического, биологического и ракетного оружия. Но вновь, несмотря на то, что комиссия формально должна была

представлять мировое сообщество и быть непредвзятой, она зачастую действовала в интересах американской правящей элиты. Во-первых, в своих отчетах Совету Безопасности Спецкомиссия нередко отправляла искаженную, а порой и неверную информацию. Это выглядело так, что Ирак не желает сотрудничать с ЮНСКОМ, на что СБ ООН отвечал новыми резолюциями, которые накладывали на Ирак еще больше ограничений. США же отвечали силовым способом, прибегая к бомбовым ударам. Во-вторых, когда все запасы запрещенного оружия в Ираке были уничтожены, и Спецкомиссия должна была только проводить мониторинг, вопрос о частичной отмене санкций был намеренно затянут.

Иракский парламент в ответ на это 27 октября 1997 г. принял решение прекратить сотрудничество с инспекторами ЮНСКОМ. Кроме того, видимо личная обида С. Хусейна, да, и всего баасистского руководства, на США была так сильна, что 29 октября парламент отказал американским гражданам быть инспекторами в Спецкомиссии. СБ ООН вынес единогласное решение, что Ирак должен сотрудничать с ЮНСКОМ без всяких условий и ограничений.

Что касается США, то администрация начала подготовку военного удара против Ирака, а президент Клинтон заявил, что поскольку Ирак нарушил резолюции, администрация не исключает применения «любых мер» [\[39, р. 1879\]](#).

В Персидский залив, который и без того был средоточием американских военных сил, были направлены дополнительные корабли, в том числе, авианосец «Вашингтон». В это же время, 17 ноября 1997 г. между Россией, США и Ираком шли напряженные консультации по предотвращению силового решения кризиса. Только после переговоров в Женеве, 20 ноября, между министрами иностранных дел США, России, Франции, Германии и Китая кризис удалось предотвратить. Было принято решение, что ЮНСКОМ следует провести работу по повышению эффективности своей деятельности.

Несмотря на то, что Ирак допустил возобновление деятельности комиссии на своей территории, США продолжали полным ходом военные приготовления. Клинтон одобрил план военной операции против Ирака «Гром в пустыне», «который предусматривал четырехдневные круглосуточные бомбардировки иракских военных объектов с использованием самолетов и крылатых ракет» [\[10, с. 248\]](#).

Глава Спецкомиссии Р. Батлер дал интервью газете «New York Times», в котором сообщил, что Ирак может стереть с лица земли Тель-Авив, поскольку у него есть бактериологическое оружие и средства его доставки [\[24\]](#). Эта информация готовила общественное мнение страны к силовой акции против Ирака, хотя надо отметить, что общественность страны и так воспринимала Ирак как «всемирное зло».

Очередной кризис вокруг деятельности ЮНСКОМ начался в 1998 г., когда в марте руководство Ирака ограничило деятельность инспекторов, а позже, в августе отказалось с ними сотрудничать. Несмотря на то, что это была односторонняя акция со стороны Ирака, она сопровождалась скандалом, связанным с деятельность Спецкомиссии. Можно сказать, что руководство этой комиссии специально провоцировало С. Хусейна на такие агрессивные действия. Это подтверждается свидетельством бывшего главы ЮНСКОМ С. Риттера: он «обвинил американскую администрацию и лично нового руководителя Р. Батлера в том, что они выбирали объекты для проведения проверок не для обнаружения ОМУ, а из желания спровоцировать С. Хусейна на резкую реакцию и создать условия для вторжения в Ирак» [\[8, с. 112\]](#). Кроме того, по свидетельству Риттера, агенты ЦРУ в 1996-1997 гг. с помощью инспекторов ЮНСКОМ пытались разузнать подробности о

личной охране Хусейна, внутренние планы его резиденций и пр., чтобы осуществить переворот [\[32, р. 5-8\]](#).

Еще об одном свидетельстве, что администрация США оказывала давление на инспекторов Спецкомиссии, пишет Е.М. Примаков. На его вопрос, почему не обладая доказательствами о наличии в Ираке ОМУ, комиссия все еще продолжает инспекции, Батлер ответил: "Все зависит от того, договоритесь ли вы с Соединенными Штатами" [\[14, с. 311\]](#).

Администрация пыталась опровергнуть обвинения Риттера. Так, заместитель госсекретаря М. Индик, выступая перед подкомиссией Сената, пытался обелить Р. Батлера и настаивал на том, что главной задачей США в Ираке было всемерное сотрудничество с ЮНСКОМ, а в срыве его работы был виноват исключительно Ирак [\[33, р. 4-9\]](#).

Несмотря на попытки администрации оправдаться, в ведущих американских газетах появились материалы, в которых расследовались факты превышения чиновниками внешнеполитических ведомств своих полномочий. Обозреватели делали вывод, что администрация Клинтона преследует свои корыстные цели в отношении Ирака [\[29; 36\]](#). В Конгрессе также слышались голоса, обвинявшие администрацию в превышении своих полномочий [\[33, р. 12, р. 16\]](#).

Как известно, в это время разразился и другой политический скандал, в котором был замешан лично Б. Клинтон. Голосование по импичменту было запланировано на ноябрь 1998 г. Таким образом, положение администрации президента было очень сложным, и перед ней всталла необходимость выйти из кризиса как можно быстрее. Разумеется, в такой ситуации США предпочли силовую акцию против Ирака.

15 ноября 1998 г. США согласились провести дополнительные консультации с СБ ООН по вопросу восстановления деятельности Спецкомиссии. Однако, как нам видится, все это являлось лишь ширмой подготовки к военной операции. Клинтон заявил, что США были готовы нанести удар по Ираку еще накануне, и что это снизило бы возможность последнего производить ОМУ [\[40, р. 1978\]](#).

Совершенно не ясно, зачем Соединенным Штатам потребовалась консультации с ООН, когда они уже решили провести военную операцию. СБ ООН не дал Соединенным Штатам «добро» на ее проведение, на что последовала целая цепочка обвинений и комментариев со стороны американского истеблишмента, судя по которым ООН вовсе не является каким-либо руководящим органом, а только препятствует США в осуществлении их глобальной и праведной цели. Так, представитель США в ООН Б. Ричардсон сказал, что запрет ООН не является препятствием для США применить силу против Ирака, представитель госдепартамента Дж. Рубин заявил, что не видит смысла в том, чтобы еще раз спрашивать разрешения СБ на проведение операции. Б. Клинтон же констатировал, что поскольку Ирак нарушает резолюции ООН, то США не нужны никакие дополнительные резолюции, чтобы его наказать [\[35; 27; 28\]](#). Конгресс в большинстве своем также одобрил позицию администрации: было высказано мнение, что поскольку США являются законопослушным государством, то им не нужно подчиняться ООН; а поскольку С. Хусейн представляет угрозу всему человечеству, то силовая акция против Ирака будет «законной» [\[25; 26\]](#).

Таким образом, с 16 по 19 декабря 1998 г. вооруженные силы США и Великобритании

проводили операцию с еще одним красивым названием «Лис в пустыне», которая заключалась в нанесении по Ираку ракетно-бомбовых ударов. Целью налетов было уничтожение военно-промышленного потенциала и правительственный инфраструктуры страны.

Результаты военной акции нельзя назвать положительными для США. Хотя администрация президента заявила, что операция нанесла Ираку огромный ущерб, особенно по его способностям создавать ОМУ [\[41, р. 2134\]](#). не было возможности подтвердить результаты американской военной акции, поскольку деятельность Спецкомиссии ООН в Ираке была прекращена. Таким образом при президенте Б. Клинтоне иракский вопрос не был решен, а сам кризис перешел в затяжную fazu.

По мнению отечественного исследователя А.А. Киреева, итоги политики «двойного сдерживания» не были успешными для США: «Режим Саддама Хусейна в Ираке, хотя и зажатый в тиски экономических санкций, продолжал существовать и одним этим создавал нестабильность в зоне Персидского залива. Иран не отказался ни от одной части своего антиамериканского курса» [\[10, с. 262\]](#).

Преемственность политики администрации Дж. Буша-младшего (2001 – 2008) с администрацией Б. Клинтона заключалась в продолжении «распространения демократии» по всему миру, а особо на Ближнем Востоке. Буш-младший также призывал Хусейна допустить в страну ЮНСКОМ и предупреждал о негативных последствиях для Ирака в случае его отказа. Американские и британские военные продолжали контролировать беспилотные зоны и совершать налеты на территорию суверенного Ирака.

Ужесточение политики Дж. Буша-младшего к Ираку произошло после терактов в Америке 11 сентября 2001 г. Надо отметить, что и до этих страшных событий США были озабочены ростом террористических организаций, обвиняя, в частности, руководство Ирака в их поддержке, в том числе Аль-Каиды, однако, когда это коснулось их непосредственно, Вашингтон начал настоящую вендетту против стран, которые, с его точки зрения, являлись пособниками мирового терроризма. Причем в новой внешнеполитической доктрине основной упор делался не столько на борьбу с самими террористическими организациями, сколько на те страны, которые с их точки зрения прикрывали эти террористические группы.

Позже в доктрину был включен элемент превентивной войны, построенный на принципе односторонних действий и заключавшийся в том, что США могут смешать режимы в других странах, представляющих потенциальную или предполагаемую угрозу для безопасности США, даже если она не является непосредственной. Парадоксальность доктрины заключается в том, что хотя Соединенные Штаты являются инициатором интервенции, потенциальным агрессором является объект интервенции.

Надо отметить, что иракское руководство осудило теракты 11 сентября. В своем обращении к народам США и Западной Европы 15 сентября 2001 г. С. Хусейн [\[12\]](#) указал, и весьма справедливо, на возможные причины этого трагического события и призывал критически оценить действия США, которые могли вызвать этот теракт. На самом деле, слова С. Хусейна вскрыли порочность западной, в частности, американской политики, ее сущность. Так откровенно против Запада мало кто высказывался со времен краха СССР. Это был очень смелый шаг Хусейна, и он, разумеется, за него поплатился.

Однако США не сразу обрушились на Хусейна. Первой их целью стал Афганистан,

вторжение в который началось в октябре 2001 г. Когда, в начале 2002 г. талибы были отстранены от власти, США «вспомнили» об Ираке и вновь потребовали от него возвращения экспертов ООН. Летом и осенью 2002 г. ситуация о возвращении Спецкомиссии ООН напоминала предыдущие: США угрожали Ираку вторжением, а С. Хусейн отказывался принимать экспертов. В итоге под давлением США 8 ноября 2002 г. СБ ООН принял резолюцию № 1441, в которой Ираку вменялось принять экспертов ООН [5]. Баасистское руководство согласилось принять эту резолюцию, и вновь Спецкомиссия прибыла в Ирак с целью обнаружения производства ОМУ. При этом Вашингтон прилагал все усилия – через СМИ и международные площадки – чтобы доказать, что власть С. Хусейна представляет угрозу для всего мирового сообщества, поскольку, с его точки зрения, Ирак продолжал разрабатывать ОМУ, а также был связан с международными террористическими организациями, прежде всего с Аль-Каидой. Спецкомиссия вновь не обнаружила следов ОМУ, а данные ЦРУ говорили, что у баасистского правительства нет связей с Аль-Каидой [31]. На самом деле в этот период было отмечено столько фальсификаций США по отношению к Ираку, что этому можно посвятить отдельную статью. Мы не видим смысла останавливаться на этих подробностях, потому как, с нашей точки зрения, нечистоплотное поведение США по отношению к своим «недругам» не вызывает сомнений. Не вызывает сомнений также и то, что все эти фальсификации и провокации преследовали только одну цель: свергнуть режим С. Хусейна, а затем установить в стране удобную власть.

Незадолго до вторжения в Ирак США и Великобритания разработали проект резолюции, основной идеей которой было применение силы против Ирака. Эту резолюцию они планировали провести в Совете Безопасности, но еще на этапе решения этого вопроса представители России, Китая и Франции дали понять, что «наложат вето на любую резолюцию, содержащую ультиматум, позволяющий использовать силу против Ирака» [8, c. 116], поскольку причастность Багдада как к антиамериканскому террору, так и к хранению ОМУ, не было доказано.

Проигнорировав ООН, Соединенные Штаты и Великобритания начали военную операцию под названием «Иракская свобода» утром 20 марта 2003 г. Когда, в ходе этой долгой операции американцам не удалось обнаружить ОМУ в Ираке, упор был сделан на необходимость демократизации, причем, непременно, по американскому образцу. И самым, что ни на есть, демократическим путем, они свергают и казнят Саддама Хусейна. Хотя, на самом деле, результаты проведенного еще в ноябре 1995 г. общенародного референдума о доверии президенту С. Хусейну, показали, что большинство иракцев поддерживают существующую власть.

Деятельность США по поддержке оппозиции в Ираке велась еще в период президентства Клинтона, с января 1999 г., когда М. Олбрайт создала в госдепартаменте новую должность: координатор иракской оппозиции. После ввода войск в Ирак главой Временной коалиционной администрации Ирака был назначен П. Бремер. Он одобрил резолюцию СБ ООН № 1483 от 22 мая 2003 г. [6], которая снимала санкции с Ирака, наложенные не него после вторжения в Кувейт в 1990 г. за исключением военного эмбарго.

Впоследствии главные должности государства заняли люди, которые занимали проамериканские позиции.

«Сюжет» Югославии, когда страна была раздроблена на несколько независимых государств, не подходил с точки зрения США к Ираку. Если образование независимого

Курдистана было еще приемлемым, хотя и касалось болевых точек правительства Турции и Ирана, то независимость шиитского Ирака привело бы не только к усилению Ирана, но и позиций шиитов во всех арабских государствах, прежде всего, в дружественной США Саудовской Аравии. Таким образом, американская администрация рассматривала, прежде всего, вариант федерализации государства. Ирак нужно было разделить на три региона - шиитский, суннитский и курдский – каждый из которых обладал бы не только автономией, но и имел собственную конституцию, армию и полицию. Центральное правительство должно было отвечать за нефтяную промышленность и сферу внешней политики. «Этот проект можно было подать как предоставление права на самоопределение, а, следовательно, победу демократии» [\[8, с. 118\]](#).

Во время войны в Ираке, которую скорее следовало бы назвать интервенцией, существовала одна доктрина или, скорее, концепция под названием «Шок и трепет», разработанная еще в 1996 г. В ее основу была положена пропаганда американских ценностей, рассчитанная не столько на военных, а скорее на население Ирака в целом. Сценарии войны, срежессированные как в кинофильмах, были рассчитаны на три «аудитории»: собственно, жителей США, Ирака, и третьих стран [\[7\]](#). Хорошо продуманная операция «Шок и трепет» явила одновременно частью военных действий в Ираке, а также информационно-психологической войной.

Что касается углеводородного сырья, то резолюция СБ ООН № 1483 от 22 мая 2003 г. [\[6\]](#) предоставила США и Великобритании широкие полномочия по контролю над нефтяной отраслью Ирака вплоть до формирования «представительного и международно-признанного правительства».

В своей статье К.В. Бутба пишет, что «согласно свидетельствам очевидцев, во время военных операций в Ираке, американские вооруженные силы защищали нефтяную промышленность, в то время, как медицинские учреждения, музеи и другие отрасли промышленности подвергались разграблению и уничтожению» [\[8, с. 117\]](#). Более того, контракты на восстановление всех важнейших отраслей промышленности Ирака получили преимущественно американские компании.

Партия Баас и ее лидер С. Хусейн боролись за целостность своей страны насколько могли, но противостоять США было объективно невозможно. Война США в Ираке 2003 г. привела к дезинтеграции страны и образованию квазигосударств в Ираке. В своей статье А.В. Кива пишет, что по свидетельству неангажированных западных и российских журналистов, которые посещали Ирак, «в ходе бесед с иракцами те едва ли не в один голос говорят: при диктатуре Хусейна им жилось несравненно лучше, чем при нынешней демократии» [\[9, с. 82\]](#).

Современное состояние дел в стране демонстрирует, что политика США в течении 1990-х гг. и агрессия 2003 г. только углубила противоречия, не только не демократизировала, но и «откатила назад» ранее процветающее государство.

Библиография

1. Устав ООН (полный текст) [Электронный ресурс]. – URL:
<https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 12.04.2023).
2. Резолюция СБ ООН № 661 от 6 августа 1990 г. [Электронный ресурс]. – URL:
<https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/575/85/PDF/NR057585.pdf?OpenElement> (дата обращения: 12.04.2023).

3. Резолюция СБ ООН № 670 от 25 сентября 1990 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/575/94/PDF/NR057594.pdf?OpenElement> (дата обращения: 12.04.2023).
4. Резолюция СБ ООН № 687 от 3 апреля 1991 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/597/07/PDF/NR059707.pdf?OpenElement>
5. Резолюция СБ ООН № 1441 от 8 ноября 2002 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/682/28/PDF/N0268228.pdf?OpenElement> (дата обращения: 12.04.2023).
6. Резолюция СБ ООН № 1483 от 22 мая 2003 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.un.org/Depts/unmovic/new/documents/resolutions/s-res-1483.pdf> (дата обращения: 12.04.2023).
7. Бедрань В.В. Механизмы информационной войны США против Ирака в начале ХХI в. // Вестник РГГУ. 2012. № 7. – С. 186-195.
8. Бутба К.В. Черты колониализма в политике США в Ираке. Современная политика США в Ираке в конце XX – начале ХХI в. // Orients Восток. 2012. № 1. – С. 109-119.
9. Кива А.В. «Арабская весна»: свет и тени // Новая и новейшая история. 2015. № 4. – С. 73-87.
10. Киреев А.А. Политика США на Ближнем Востоке в 1990-е гг. (стратегия администрации Б. Клинтона). – М.: Прометей, 2007. – 336 с.
11. Млечин Л.М. Путин, Буш и война в Ираке. – М.: Эксмо, 2005. – 638 с.
12. Хусейн сочувствует США, но просит не спешить с бомбардировками. Обращение Президента Ирака С. Хусейна к народам США, Западной Европы и их правительствам. Багдад, 15.09.2001 [Электронный ресурс]. – URL <https://lenta.ru/news/2001/09/15/hussein/> (дата обращения: 12.04.2023).
13. Олбрайт М. Госпожа госсекретарь. Мемуары. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – 688 с.
14. Примаков Е.М. Годы в большой политике. – М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999. – 448 с.
15. Республика Ирак в системе международных отношений (80-е годы ХХ в. – начало ХХI в.). – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2002. – 261 с.
16. Clinton W. Confronting the Challenges of a Broader World // U.S. Department of State Dispatch. Sept. 1993. Vol. 4. № 39.
17. Cordesman A., Hashim A., Iraq. Sanctions and Beyond, N.Y., 1997. – 415 p.
18. Country profile / EIU (The Economist intelligence unit). Iraq. – London: Economist intelligence unit, 2001.
19. Facing Saddam's Iraq: Disarray in the International Community. Hearings before the Committee on Foreign Relations United States Senate [Электронный ресурс]. September 28. 1999. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-106shrg61363/html/CHRG-106shrg61363.htm> (дата обращения: 12.04.2023).
20. From Globalism to Regionalism: New Perspectives of US Foreign and Defense Policies. Ed. by P.M. Cronin. – Washington, D.C.: National Defense University Press, 1993. – 260 p.
21. Goodman A., Interview with Bill Clinton // Democracy Now. November 9. 2000.
22. Iraq under siege. The deadly impact of Sanctions and War. Ed. by A. Arnove. Cambridge SouthEnd Pres, 2000. – 192 p.

23. Kaplan L., Kristol W. The war over Iraq: Saddam's tyranny and America's mission. – San Francisco (Cal.): Encounter Books, 2003. – 256 p.
24. New York Times. December 7. 1997.
25. New York Times. February 23. 1998.
26. New York Times. February 24. 1998.
27. New York Times. March 3. 1998.
28. New York Times, March 4, 1998.
29. New York Times. September 9. 1998.
30. The future of US foreign policy: Regional issues: Hearing before the Comm. on foreign affairs, House of rep., 103d Congress, 1st sess., Pt. 1, February 2, 3, 17, 23, 24. March 18, 1993. – Wash.: GPO, 1993.
31. The Secret Downing Street Memo [Электронный ресурс] // Times online, May 1, 2005. – URL:
<https://web.archive.org/web/20090212110902/http://www.timesonline.co.uk/tol/news/politics/election2005/article387390.ece> (дата обращения: 12.04.2023).
32. The US policy regarding United Nations inspections of Iraqi chemical sites: Joint hearing before the Comm. on foreign relations a. Comm. an armed services, US Senate, 105th Congress, 2d sess. September 3. 1998. – Wash.: GPO, 1999.
33. United States policy in Iraq: Public diplomacy a. private policy: Hearing before the Subcomm. on Near Eastern a. South Asian affairs of the Comm. on foreign relations, US Senate, 105th Congress, 2d sess. September 9. 1998. – P. 4-9.
34. US policy toward Iraq: Hearing before the Comm. on intern. relations, House of rep., 104th Congress, 2nd sess., March 28, 1996. – Wash.: GPO, 1996. – P. 3.
35. Wall Street Journal. March 3. 1998.
36. Washington Post. August 26.1998.
37. Weekly Compilation of Presidential Documents. Wash., May 24, 1993. Vol. 29. № 20.
38. Weekly Compilation of Presidential Documents. Wash., September 27, 1993. Vol. 29. № 38.
39. Weekly Compilation of Presidential Documents. Wash., November 12, 1997. Vol. 33. № 46.
40. Weekly Compilation of Presidential Documents. Wash., November 20, 1998. Vol. 34. № 47.
41. Weekly Compilation of Presidential Documents. Wash., December 22, 1998. Vol. 34. № 51

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Когда в начале 1990-х гг. распался социалистический лагерь, а затем произошло крушение Советского Союза (Президент России В.В. Путин охарактеризовал это событие как величайшую геополитическую катастрофу XX в.), то многие исследователи – политологи, социологи, экономисты (в том числе и приснопамятный Ф. Фукуяма) – расценили это событие не только как торжество либеральной доктрины, но и как становление монополярного мира во главе с Вашингтоном. События последних лет показали неоправданность не только мнений экспертов, но и позиций

североамериканского колосса: современный переход к многополярному миру хотя и проходит в тяжелой борьбе, как геополитической, так и экономической, тем не менее отвечает насущным требованиям мирового сообщества. Примечательно, что именно Ирак оказался в центре внимания Запада, в целом, и США, в частности, как в 1991 г., когда операция «Буря в пустыне» фактически ознаменовала собой переход к многополярности, так и в начале 2000-х гг., когда стали намечаться первые серьезные трещины в гегемонии США.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является политика США в Ираке в 1990-х – начале 2000-х гг. Автор ставит своими задачами проследить позицию США к Ираку как до 1991 г., так и после, определить причины вмешательства западной коалиции во внутренние дела Ирака, а также выявить последствия разгрома режима С. Хусейна.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать позиции Вашингтона и Багдада в 1990-е гг., а также определить причины решения западного блока о насилийственной «демократизации» Ирака.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 40 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме работы, который проделал ее автор. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском языке. Из привлекаемых автором источников отметим нормативно-правовые акты, опубликованные документы из коллекции президента США, материалы периодической печати, воспоминания государственных деятелей и т.д. Из используемых исследований укажем на труды К.В. Бутбы и А.А. Киреева, в центре внимания которых различные аспекты политики США на Ближнем Востоке в 1990-е гг. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как ближневосточным регионом, в целом, так и политикой США, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что после 1991 г. концепция США предполагала «новый раскол мира, но уже не на капиталистический и социалистический, а на западный, как единственный центр цивилизации, и «стран-изгоев», которые отказывались следовать принципам демократии западного образца». В работе показано, что «преемственность политики администрации Дж. Буша-младшего (2001 – 2008) с администрацией Б. Клинтона заключалась в продолжении «распространения демократии» по всему миру, а особо на Ближнем Востоке». Раскрывая причины американской агрессии, автор обращает внимание прежде всего на заинтересованность Вашингтона в контроле над нефтяной промышленностью Ирака.

Главным выводом статьи является то, что политика США по отношению к Ираку «в

течении 1990-х гг. и агрессия 2003 г. только углубила противоречия, не только не демократизировала, но и «откатила назад» ранее процветающее государство».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках стратегий взаимоотношений России и стран Запада.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Тузова О.В., Ерохина К.С. — Информационный потенциал региональной периодической печати по истории отечественной музыкальной культуры во второй половине 1960-х гг. // Genesis: исторические исследования. — 2023. — № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.6.38338 EDN: IEZWWL URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38338

Информационный потенциал региональной периодической печати по истории отечественной музыкальной культуры во второй половине 1960-х гг.

Тузова Ольга Владимировна

ORCID: 0000-0001-8774-0674

доктор исторических наук

профессор, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО "Самарский государственный технический университет"

443100, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244

✉ ovtuzova@mail.ru

Ерохина Карина Сергеевна

ORCID: 0000-0002-2834-1005

студентка, кафедра автоматизации технологических процессов и производств, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»

443100, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244

✉ karinaerozhina561@gmail.com

[Статья из рубрики "Культура и культуры в историческом контексте"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.6.38338

EDN:

IEZWWL

Дата направления статьи в редакцию:

27-06-2022

Аннотация: Объект исследования – отечественная музыкальная культура, предмет – информационный потенциал газеты «Волжская коммуна» в ракурсе реконструкции музыкальной культуры во второй половине 1960-х гг. Актуальность темы связана с необходимостью воссоздания культурных процессов в эпоху правления Л. И. Брежнева, в том числе в выходящие за рамки понятия «застой» годы восьмой пятилетки, поиска,

формирования и анализа комплексной источниковой базы по музыкально-исторической проблематике в общегосударственной и местных версиях. Подробно рассматриваются такие аспекты, как количественные, видовые и содержательные характеристики газетных публикаций официального печатного СМИ Куйбышевской области. Впервые предпринята попытка определения возможностей периодической печати для изучения музыкальной культуры в годы «золотой пятилетки». С применением хронологического, компаративного метода и контент-анализа выявлены особенности «Волжской коммуны» как исторического источника, осуществлена выборка 967 тематических информационных единиц (очерки, статьи, объявления, фельетоны, песенные тексты и ноты, фото). Констатируется наличие лакун в указаниях на авторство большинства публикаций. Выделены освещаемые в газете сюжеты советско-болгарского содружества в музыкальной сфере, пропаганда искусства народов СССР, ленинские фестивали, деятельность местных музыкальных учреждений, в том числе образовательных, самодеятельных исполнителей. Акцентировано внимание на ставшие традиционными культурные инициативы и мероприятия — Грушинский фестиваль, студенческие весны и др. Сделан вывод о том, что материалы «Волжской коммуны» позволяют воссоздать сеть музыкальных институтов, важные музыкальные события в хронологическом порядке, некоторые достижения и направления деятельности профессиональных и самодеятельных музыкантов и учреждений. Отмечается, что областная газета являлась важнейшим информационным ресурсом функционирования куйбышевской музыкально-культурной модели. Подчеркивается, что ее данные обладают несомненной ценностью и составляют один из неотъемлемых сегментов эмпирической базы для дальнейшего изучения музыкальной жизни России в советский период.

Ключевые слова:

музыкальная культура, периодическая печать, контент-анализ, Леонид Ильич Брежnev, восьмая пятилетка, Куйбышевская область, Волжская коммуна, Грушинский фестиваль, Волжский народный хор, лениниана

Музыкальная культура — феномен, обладающий звукоинтоационной семантикой, абстрактностью, национальными и наднациональными чертами. В совокупности с устойчивым интересом к богатому советскому прошлому, осмыслению его позитивных и негативных аспектов для страны и конкретных людей раскрытие роли музыкальной составляющей представляется актуальным научным вектором. К наиболее показательным в плане экономического развития и практически не изученным в историко-культурном ракурсе относится восьмая пятилетка 1966–1970 гг. Комплексных трудов по истории отечественной музыкальной культуры и ее региональных версий в годы правления Л. И. Брежнева и в частности во второй половине 1960-х гг. в историографии не обнаружено. Среди обозначенных в публикациях историографических фокусов — некоторые вопросы государственного управления искусством [1, 2], подготовки творческих кадров, культурного обмена с другими странами [3–5], развитие музыказнания, музыкальной социологии [6–9]. Отдельные проблемы региональной культуры, в том числе музыкальной, отражены в статьях С. А. Заельской [10–15] и Ю. К. Трояковой [16, 17]. В связи с этим одна из первоочередных задач при выстраивании стратегии воссоздания панорамы отечественной культуры середины 1960-х – начала 1980-х гг. — поиск, источниковедческая обработка, систематизация и комплектование эмпирического корпуса, неотъемлемый компонентом которого является периодическая печать.

Цель настоящего исследования — установить информационный потенциал региональной газеты «Волжская коммуна» для реконструкции музыкальной жизни Куйбышевской области во второй половине 1960-х гг. Для ее достижения необходимо провести выборку информационных единиц, выделить социально значимые процессы и события музыкальной жизни, особенности и перспективы использования материалов периодической печати как исторического источника по проблеме. Методологический арсенал сформирован из традиционных принципов объективности и историзма, общенаучных методов (анализ, синтез, индукция, дедукция). В качестве основных инструментов использованы хронологический и компаративный методы, а также контент-анализ, позволяющий совместить квализитативные и квантитативные процедуры в работе с текстовыми материалами.

«Волжская коммуна» — орган Куйбышевского обкома и горкома ВКП (б), облисполкома и горсовета. Периодичность выхода — 6 раз в неделю, объем — 4 полосы. Для источниковедческого анализа использовались электронные копии газеты, размещенные на сайте Самарской областной универсальной научной библиотеки и хранящиеся в ее фондах подшивки. Следует отметить важную роль коллектива библиотеки в обеспечении доступности для самой широкой аудитории электронных вариантов номеров периодической печати.

В эмпирическую базу включен 1541 выпуск «Волжской коммуны» за 1966–1970 гг. Отобрано более 967 информационных единиц: статьи (502), объявления (203), фотографии (119), заметки (101), ноты и песни (40), 1 фельетон, 1 стихотворение, многочисленные анонсы.

Несмотря на анонимность доминирующей части газетных материалов удалось выделить персоналии авторов — М. Викторова (25 ед.), Н. Доронина (21 ед.), К. Червоненко (11 ед.), М. Блюмина, Ю. Вечкапина, Е. Цветовой (по 9 ед.), И. Подорожанского (8 ед.), С. Лисецкого (7 ед.) и др. В некоторых случаях материалы дополняли фотографиями. Наиболее часто встречаются снимки Б. Ананьева (27 ед.), А. Кукушкиной (13 ед.), Л. Щербаковой (12 ед.), Н. Конякиной (8 ед.), З. Брайниной (6 ед.), Н. Куликовой (5 ед.) и др. К уникальным для «Волжской коммуны» следует отнести напечатанное 26 мая 1967 г. фото В. Высоцкого, выполненное Г. Гутманом и краткую информацию о прошедших с большим успехом концертах Владимира Семеновича в филармонии и в клубе им. Дзержинского, на которых он исполнял свои песни к кинофильмам и спектаклям. Объемный массив текстовых данных требует их распределения по тематическим блокам: деятельность местных и гастрольных музыкальных коллективов и артистов; празднование знаменательных дат и юбилеев, музыкальные учебные заведения; конкурсы и смотры; музыкальная самодеятельность.

Почерпнутые сведения позволяют в общем виде восстановить структуру региональной музыкально-культурной системы в 1966–1970 гг. Местные учреждения подчинялись Управлению культуры Куйбышевского областного исполкома Совета депутатов трудящихся. В газете имеются указания на фамилии заместителей начальника Управления — Л. Грачева, И. Рамзайцева, С. Хумарьян [18–19].

В области действовали Куйбышевский театр оперы и балета, Куйбышевская государственная филармония и симфонический оркестр при ней [20–21], Ансамбль песни и пляски ПриВО [22], Волжский народный хор. В «Волжской коммуне» сообщали о творческих успехах, концертах и спектаклях местных и иногородних коллективов и артистов [23–28]. Среди именитых мастеров, посетивших область во второй половине 1960-х гг. — С. Рихтер, Э. Рознер, Н. Петров, Ансамбль песни и танца Краснознаменного

Тихоокеанского флота, скрипичный ансамбль Большого театра, хор им. Пятницкого [29–34] и др.

Вопросы самодеятельности курировал Дом народного творчества, Дом художественной самодеятельности [35–36]. Кроме того, на страницах газеты упоминается Куйбышевское отделение Всероссийского хорового общества, выполнявшие просветительскую функцию народные университеты культуры (Отрадный, Сызрань, Похвистнево, Чапаевск), дворцы пионеров и школьников в Куйбышеве и Сызрани [37–43].

Контент-анализ дает возможность уточнить детали музыкально-культурного ландшафта, географии концертных и театральных площадок. Кроме сцен музыкальных учреждений мероприятия разного рода проводили в Куйбышеве в городском молодежном клубе, Центральном парке культуры и отдыха, Окружном доме офицеров, Доме культуры «Современник», Дворце культуры Кировского района, в Доме культуры кинельских железнодорожников, районных домах культуры (например, в Богатом, Похвистнево) и др. [44–51] Появлялись и новые площадки на возводившихся в период «золотой пятилетки» заводах. Например, в 1968 г. указывалось, что коллектив Куйбышевского театра оперы и балета стал частым гостем у строителей автомобильного гиганта (ВАЗ) в Тольятти [\[52\]](#).

Музыкальное образование реализовывалось на трех уровнях: высшем (музыкально-педагогический факультет Куйбышевского педагогического института, среднем (Куйбышевское музыкальное училище, Куйбышевское культурно-просветительское училище), начальном (сеть музыкальных школ — 11 школ в Куйбышеве, по одной ДМШ в Сызрани, Отрадном, Большой Глушице, Кинель-Черкассах) [\[38, 53–58\]](#).

Обеспечение инструментами осуществлялось в Куйбышеве фабрикой пианино, Домом грампластинок, музыкальным салоном в ателье. Из упоминаемых в «Волжской коммуне» информационных ресурсов следует отметить фонды музыкально-нотного отдела областной библиотеки, музыкальную редакцию Куйбышевского радио, Куйбышевскую студию телевидения и др. [\[59–63\]](#)

Немало публикаций посвящалось разностороннему развитию профессиональной и любительской вокальной-хоровой культуры. Волжский народный хор, лауреат международного и всесоюзных конкурсов, созданный в 1952 г., стал имиджевым для региона. Различные стороны его деятельности находили отзвук в печати (не менее 10 единиц). Заслуженный артист (далее — з. а.) РСФСР, художественный руководитель М. Чумаков неоднократно знакомил читателей с творчеством хора, с солистами, репертуаром и проч. Гастрольная география только в юбилейный 1967 г. была весьма обширной: Москва (фестиваль искусств «Русская зима»), Приамурье, Сахалин, Приморский край, Якутия, Камчатка, Украина, Крым, Средняя Азия, Прибалтика, Молдавия (фестиваль «Дружба народов»), малые города и колхозы Куйбышевской и Ульяновской областей [\[64, 65\]](#). Признание заслуг Волжского народного хора проявилось и в факте передачи ему в дар партии известных бронзовых колокольчиков с Валдая [\[66\]](#).

Одним из сложившихся и заметных коллективов был академический хор Куйбышевского авиационного института (основан в 1961 г. при поддержке ректора В. П. Лукачева) под руководством В. М. Ощепкова, декана музыкально-педагогического факультета Куйбышевского педагогического института. Из небольшой группы любителей вырос в получавший восторженные отзывы в Куйбышеве, Казани, крупных городах Прибалтики, отмеченный званием народного, имевшего успехи на всероссийском и всесоюзном смотрах художественной самодеятельности коллектив. Так, «Волжская коммуна» писала

о реакции на его десятидневные гастроли в Киеве: в Софийском соборе, политехническом институте, институте народного хозяйства, Киевском университете, в аэропорту Борисполь, на заводе «Большевик» [67].

С Куйбышевским авиационным институтом связано имя, давшее старт корнями уходящей в студенческую инициативу 1960-х гг. традиции. В 1968 г. инструктор по туризму спортивклуба «Металл» Д. Бакк опубликовал статью о первом областном фестивале самодеятельной туристской песни им. В. Грушина, студента, организовавшего маленький ансамбль «Поющие бобры» (в статье — «Бобры») и трагически погибшего на реке Уде при спасении утопающих в августе 1967 г. Первый фестиваль собрал около 800 человек в Жигулях на кордове «Колоды». Напротив палаток установили стенд с фотографиями «Бобров», В. Грушина, места его гибели с высеченным из скалы барельефом и текстом баллады студента Б. Есипова: «Я не знаю, где веселья полюс, Я не знаю, полюс скуки где, Только знаю, полюс мужества Ты открыл, Валерка, на реке Уде». Ребята услышали записанный на магнитофонную ленту голос Валерия, долго не отпускали со «сцены» А. Головина, В. Кривсанова, В. Лунева, художника речного порта В. Маркевича, получивших первые призы. Дипломы вручили за песни в исполнении туристов «Вымпела», «Меридиана-50», сольные номера А. Баркаря (политехнический институт) и В. Юхневича («Металл») [68].

Состояние музыкальной самодеятельности часто находилось в центре внимания прессы: творчество солистов и коллективов, фестивальные, смотровые, праздничные мероприятия [69].

Еще одна традиция, пережившая советский период и получившая развитие в современной России — областной фестиваль художественной самодеятельности высших учебных заведений «Студвесна». Например, по данным за 1969 г. на заключительном концерте в окружном Доме офицеров выступали камерный оркестр авиационного института, танцевальные коллективы педагогического и Тольяттинского политехнического институтов, ансамбль пантомимы куйбышевских инженерно-строительного и политехнического институтов, многочисленные вокально-инструментальные и вокальные коллективы из электротехнического института связи, педагогического и медицинского институтов (ансамбль «Вита») [70].

Пропаганда музыки разных народов мира и страны уделялось серьезное внимание. Среди направлений внешней политики СССР во второй половине 1960-х гг. — укрепление связей с социалистическими и развивающимися государствами. В этом контексте уведомление читателей о профильных музыкальных событиях объяснимо с идеологических позиций. Так, в 1968 г. разместили данные о получении Куйбышевским Домом грампластинок большой партии записей кубинских мастеров джаза и эстрады «с далекого острова Свободы» и реализации их через ЦУМ «Самара» и другие магазины [71]. К подобным акциям относится, например, и вечер-концерт на тему дружбы советского и вьетнамского народов, о котором написана заметка учительницы Куйбышевской средней школы № 92 М. Васильевой [48].

Особое место занимает актуальная в современном контексте международной политики информация о культурных связях между СССР и Болгарией. Заслуженный деятель искусств РСФСР, основатель Волжского народного хора П. Милославов, посвятил статью концерту песенного искусства с участием оркестра народных инструментов под управлением Л. Ангелова и других гостей. Приезд Народного ансамбля песни и танца Старозагорского округа охарактеризован как большое событие в жизни

Новокуйбышевска. В «Волжской коммуне» поместили фото лауреата одного из республиканских смотров самодеятельности П. Иванова — мастера игры на гъдулке [72]. Весной 1967 г. в Куйбышев находились главный дирижер Старозагорской народной оперы Д. Димитров и солистка Л. Цанкова со спектаклем «Тоска» Дж. Пуччини и концертом с участием солистов Куйбышевского театра оперы и балета [73–74]. Символично размещение текстов двух статей, визуально переплетенных на полосе — Л. Бахирева и Д. Димитрова (перевод с болгарского С. Лисецкого) [75–76].

Важным шагом в русле интенсификации международных культурных связей стал десятидневный визит болгарской делегации под руководством Г. Кутева, приуроченный к празднованию 50-летия Октябрьской революции в октябре 1967 г., в составе крупного молодого творческого коллектива из г. Казаилыка Старозагорского округа — академического хора промышленного объединения им. Ф. Энгельса и танцевальной группы. Программа пребывания отличалась насыщенностью: приветственный митинг с участием партийного руководства области и других представителей, концерты болгарских артистов на промышленных предприятиях, в том числе на заводе им. Масленникова (ЗИМ), поездка на родину В. И. Ленина в Ульяновск на теплоходе и проч. Доброжелательность и теплота отношения отражены в подписи под фото, выполненном А. Кукушкиной: «на снимке: наши гости — посланцы солнечной Болгарии на куйбышевской земле», «на снимке: выступление дорогих гостей». В гастрольном репертуаре — кантата о дружбе, народные болгарские и русские песни, классические произведения [77–78]. В конце ноября 1967 г. Куйбышевский театр оперы и балета готовил комическую оперу народного артиста Болгарии, лауреата Димитровской премии П. Хаджиева «Пять миллионов с хвостиком» (Пет миллиона и нечто от горе (1965, София)) [79–80]. 4 января 1968 г. Н. Яковлев, профессор, доктор исторических наук, председатель Куйбышевского отделения общества советско-болгарской дружбы «Болгария — СССР» [81] опубликовал статью-отзыв на премьеру в декабре 1967 г., определяя ее как «значительное явление в музыкальной жизни города», «плодотворное творческое содружество театральных деятелей двух братских стран» [82]. Кроме того, в «Волжской коммуне» размещали ноты и стихи болгарской народной песни «Хей, Балканы!» (русский текст В. Суслова), «Болгария — Россия» (ст. И. Дремова, муз. М. Блюминой) [83–84].

Музыка народов Советского Союза также пользовалась успехом у куйбышевцев. Активно гастролировали украинские музыканты из Ровенского государственного украинского музыкально-драматического театра им. Н. Островского, Одесского театра оперы и балета, Киевского Государственного академического театра оперы и балета им. Т. Г. Шевченко, Донецкого музыкально-драматического театра им. Артема, Государственного украинского народного хора им. Веревки и др. [85–94]

Белорусский компонент проявлялся в разных формах. Так, в череде творческих вечеров известных советских композиторов одно из мероприятий предполагало участие ведущих белорусских авторов (Н. И. Аладов, Д. Р. Каминский, музыкoved Л. Я. Ракова). Состоялись концерты Государственного симфонического оркестра Белорусской ССР (дирижер В. Катаев), к которым привлекли лауреата международного конкурса пианистов В. Шацкого и з. а. БССР скрипача Л. Горелика [95]. В Куйбышев в 1968 г. приезжал н. а. БССР, солист Белорусского театра оперы и балета И. Сорокин [96]. С братской республикой связь поддерживал и ансамбль песни и пляски ПриВО. Так, в апреле 1966 г. солист Е. Прусаков оповестил читателей о скорой премьере песни, присланной в адрес коллектива белорусским композитором Д. Б. Смольским на слова

поэта М. Ясения «Обелиски», посвященную «тем, кто насмерть стоял, кто нам жизнь отстоял, кто нам мир на земле завещал» [22].

Куйбышевских зрителей знакомили с творчеством Государственных эстрадных оркестров Армении и Азербайджана, Осетинского музыкально-драматического театра, Грузинского эстрадного ансамбля «Ингурис» и мюзик-холла «Рэро», Государственного оркестра казахских народных инструментов им. Курмангаза, детей и артистов из Узбекистана (солист Ю. Тураев) [97–114].. К традиционно востребованным относились театр «Ромэн», Московский цыганский театр, ансамбль молдавских цыган [115–117].

Важной частью официальной праздничной культуры была лениниана. Не менее 13 публикаций связано с музыкальной ее формой: тематические концерты, ежегодные апрельские фестивали [118]. Памятные ленинские концерты становились яркими событиями, так как для участия в них приглашали ведущих солистов и коллективы страны: например, Государственный русский академический хор под руководством н. а. СССР О. Свешникова, Государственный симфонический оркестр Московской филармонии (дирижер з. а. РСФСР К. Кондрашин, солист — н. а. СССР Э. Гилельс), Государственный ансамбль танца «Березка», Ленинградская академическая капелла им. М. И. Глинки, Ленинградский симфонический оркестр, Ленинградский камерный балет, Куйбышевский симфонический оркестр, н. а. СССР композитор В. Соловьев-Седой, з. а. РСФСР Б. Бенцианов, Э. Пьеха, Э. Хиль, композитор С. Пожлаков и др. [119–128]. Куйбышевская филармония организовывала фестивали, праздники на стадионах, поезда искусств по районам области, творческие отчеты крупнейших музыкантов страны, конкурсы на лучшее исполнение музыкальных и литературных произведений [129]. В «Волжской коммуне» размещали ноты и слова песен (например, «Мы с Лениным» муз. Н. Шахматова, слова А. Чуркина, «О нашем родном Ильиче» музыка Л. Другова, слова В. Алферова), публикации («Ленин и музыка», «Это любил слушать Ильич» И. Алюшиной, «Ильич и народная песня» П. Лебедева) [118, 130–133].

Таким образом, газета «Волжская коммуна» являлась важнейшим информационным ресурсом куйбышевской музыкально-культурной модели. Она была полноправным членом идеологической системы, адаптировала исходящие из центра пропагандистские установки к местным социокультурным условиям. «Волжская коммуна» — репрезентативное СМИ, отражающее в хронологической последовательности важнейшие события в мире, стране, области и населенных пунктах, в том числе музыкальные, содержащим спектрально богатый фактаж. Данные региональной печати позволяют преодолевать мозаичность и редуцированность получаемых из архивных и иных видов источников представлений.

В целом исследовательский потенциал «Волжской коммуны» заключается в следующем: возможность реконструировать структуру региональной музыкально-культурной системы (управление, театральные, концертные, образовательные институты, материально-технические и информационные ресурсы), восстановить значимые с официальной позиции события музыкальной жизни в хронологической последовательности (летописный формат) и направления деятельности профессиональных и самодеятельных музыкантов и коллективов. Материалы периодической печати — неотъемлемая и важная часть источников базы по проблемам истории отечественной культуры, в том числе официальной праздничной, истории советской повседневности в эпоху «развитого социализма», музыкальному краеведению и др.

Библиография

1. Богданова А. В. Музыка и власть: (Постсталинский период). М.: Наследие, 1995. 432 с.
2. Богданова А. В. Музыкальная культура в советской политической системе 1950-х – 1980-х гг.: Историко-культурологический аспект исследования: автореф. дисс. ... доктора культурол. наук: 24.00.02. М., 1999. 36 с.
3. Белошапка Н. В. Государственное управление культурой в СССР: механизм, методы, политика // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2009. № 2. С. 87–103.
4. Белошапка Н. В. Проблемы подготовки творческих кадров в СССР во второй половине 1960 – первой половине 1980-х гг. // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2017. Т. 27. № 1. С. 53–61.
5. Белошапка Н. В. Политика культурного обмена с социалистическими странами: особенности определения и сложности реализации // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2012. № 1. С. 67–74.
6. Букина Т. В. Между наукой и идеологией: институализация социологии музыки в советской культуре конца 1960 — начала 1980-х гг. // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2011. № 4 (39). С. 69–76.
7. Букина Т. В. Идея музыкальной культуры и способы ее концептуализации в отечественной научной традиции советской и постсоветской эпох. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2012. 47 с.
8. Букина Т. В. Музыкально-коммуникативные и семиотические исследования в научном поле брежневской эпохи: методология и идеология// Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2014. № 6 (35). С 72–84.
9. Букина Т. В. Научное мифотворчество брежневской эпохи: социология музыки конца 1960-х-начала 1980-х гг. // Человек и культура. 2013. № 2. С. 1–41.
10. Заельская С.А. Тема народного подвига в репертуарной политике театральных коллективов Урала в 1960–1980-е гг. // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России. Международная научно-практическая конференция к 75-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией. Оренбург, 23–25 апреля 2020 г. Сб. ст. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2020. С. 113–116.
11. Заельская С. А. Основные направления деятельности профессиональных театров Урала по культурному обслуживанию сельского зрителя в 1970-е гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI в. VI Международная научно-практическая конференция. Коломна, 26–28 октября 2017 г. Сб. ст. Коломна: ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет», 2020. С. 303–308.
12. Заельская С. А. Достижения и проблемы в развитии художественной самодеятельности Оренбургской области в 1960-е — 1970-е гг. // Десятие Большенаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Сборник статей международной научно-практической конференции. В 2-х тт. Науч. редактор С. В. Любичанковский. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2020. С. 127–130.
13. Заельская С.А. Музыкальные фестивали и их воздействие на развитие музыкальной культуры Урала в поздний советский период 1964–1984 гг. // Пятые Моисеевские

- чтения: историко-культурный и лингвистический ландшафт региона. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию Оренбургского государственного педагогического университета, 275-летию Оренбургской губернии и 285-летию образования Оренбургской комиссии. Сост. и науч. ред. П.А. Якимов. Оренбург: ООО «Издательство "Оренбургская книга"», 2019. С. 58–62.
14. Заельская С.А. Периодическая печать Оренбургской области в советском культурно-информационном пространстве эпохи «общественного застоя»: достижения и проблемы // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Сборник статей международной научно-практической конференции к 275-летию со дня основания г. Оренбурга, 200-летию со дня рождения Оренбургского генерал-губернатора, почетного гражданина г. Оренбурга Н. А. Крыжановского, 100-летию организации государственной архивной службы. Науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2018. С. 307–310.
15. Заельская С.А. Воздействие художественного радиовещания на развитие культурной жизни населения Урала в 1960–1980-е гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. № 2 (30). С. 179–189.
16. Троякова Ю. К. Периодическая печать второй половины 60-х–начала 90-х гг. ХХ в. как источник изучения культурного развития Сибирской провинции (на примере национальных районов Сибири) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 2–1 (47). С. 39–42.
17. Троякова Ю. К. Музыкальное образование в истории сибирской провинции в 1960–1970-е гг. (на примере Хакасии) // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. 2018. № 23. С. 85–87.
18. Волжская коммуна. 1966. 15 декабря.
19. Волжская коммуна. 1966. 18 декабря.
20. Столбов П. Открывается симфонический сезон // Волжская коммуна. 1968. 5 октября.
21. Столбов П. Последний концерт сезона // Волжская коммуна. 1966. 26 мая.
22. Волжская коммуна. 1966. 12 апреля.
23. Фере А. «Царская невеста» // Волжская коммуна. 1969. 12 ноября.
24. Щербакова Л. Дневник искусств // Волжская коммуна. 1969. 25 октября.
25. «Веселая вдова» Оперетта в 3-х действиях // Волжская коммуна. 1969. 13 октября.
26. «Дон Паскуале». Премьера в оперном театре // Волжская коммуна. 1969. 7 октября.
27. Дольский А. Снова в родном городе // Волжская коммуна. 1969. 27 сентября.
28. Блюмин М. Приглашение к музыке // Волжская коммуна. 1969. 25 сентября.
29. Антонов А. Пианист века // Волжская коммуна. 1969. 21 ноября.
30. Карев В. Оркестр Эдди Рознера// Волжская коммуна. 1966. 19 марта.
31. Карев В. Концерты Н. Петрова // Волжская коммуна. 1966. 29 марта.
32. Яркая Л. «Раскинулось море широко...» // Волжская коммуна. 1969. 21 августа.
33. Васильев Н. Ансамбль скрипачей // Волжская коммуна. 1966. 25 марта.
34. Голубев О. Жемчужина русской народной песни // Волжская коммуна. 1966. 13 апреля.
35. Волжская коммуна. 1967. 26 марта.
36. Волжская коммуна. 1967. 3 февраля.

37. Волжская коммуна. 1967. 25 января.
38. Волжская коммуна. 1966. 4 марта.
39. Иванов В. Великий октябрь в искусстве // Волжская коммуна. 1966. 30 октября.
40. Савельев Д. Музыка для всех // Волжская коммуна. 1966. 21 декабря.
41. Волжская коммуна. 1966. 2 марта.
42. Чибизов Е. Десятая весна // Волжская коммуна. 1966. 6 мая.
43. Андреев В. День рождения // Волжская коммуна. 1966. 26 мая.
44. Волжская коммуна. 1967. 15 февраля.
45. Волжская коммуна. 1966. 7 июня.
46. Волжская коммуна. 1966. 29 сентября.
47. Волжская коммуна. 1966. 21 января.
48. Волжская коммуна. 1966. 23 февраля.
49. Волжская коммуна. 1966. 3 декабря.
50. Волжская коммуна. 1966. 11 декабря.
51. Волжская коммуна. 1966. 15 июля.
52. Волжская коммуна. 1968. 24 февраля.
53. Волжская коммуна. 1966. 16 июня.
54. Волжская коммуна. 1966. 15 июня.
55. Волжская коммуна. 1967. 2 апреля.
56. Беркутова А. Окрыленные мечтой // Волжская коммуна. 1968. 11 мая.
57. Русяев П. Детская музыкальная // Волжская коммуна. 1966. 20 ноября.
58. Волжская коммуна. 1966. 12 февраля.
59. Волжская коммуна. 1966. 20 августа.
60. Вечкапин Ю. Мелодии Кубы // Волжская коммуна. 1968. 3 января.
61. Волжская коммуна. 1967. 12 апреля.
62. Лобода А. Вечер советской музыки // Волжская коммуна. 1967. 7 декабря.
63. Владимиров Л. Путешествие в королевство музыки // Волжская коммуна. 1968. 27 декабря.
64. Волжская коммуна. 1967. 16 августа.
65. Лисецкий С. Слушайте песню // Волжская коммуна. 1968. 27 октября.
66. Волжская коммуна. 1967. 9 сентября.
67. Панаско Е. Выступает хор студентов // Волжская коммуна. 1968. 30 марта.
68. Бакк Д. Песню возьми в попутчики... // Волжская коммуна. 1968. 4 октября.
69. Здравствуй, праздник молодежный // Волжская коммуна. 1966. 26 июня.
70. Концерт лауреатов // Волжская коммуна. 1969. 22 апреля.
71. Вечкапин Ю. Мелодии Кубы // Волжская коммуна. 1968. 3 января.
72. Волжская коммуна. 1966. 23 октября.
73. Волжская коммуна. 1967. 9 апреля.
74. Волжская коммуна. 1967. 15 апреля.
75. Бахирев Л. Артистичность, мастерство // Волжская коммуна. 1967. 21 апреля.
76. Димитров Д. Границы дружбы // Волжская коммуна. 1967. 21 апреля.
77. Волжская коммуна. 1967. 18 октября.
78. Волжская коммуна. 1967. 21 октября.
79. Волжская коммуна. 25 ноября.

80. Волжская коммуна. 1 декабря.
81. Храмкова Н. П. Самарский историк и педагог Н. Н. Яковлев // Самарский научный вестник. 2013. № 4 (5). С. 149–151.
82. Яковлев Н. Плодотворное содружество // Волжская коммуна. 1968. 4 января.
83. Волжская коммуна. 1968. 8 сентября.
84. Волжская коммуна. 1969. 9 сентября.
85. Волжская коммуна. 1968. 21 июля.
86. Волжская коммуна. 1968. 3 августа.
87. Волжская коммуна. 1968. 30 августа.
88. Волжская коммуна. 1968. 23 ноября.
89. Волжская коммуна. 1968. 12 ноября.
90. Волжская коммуна. 1967. 21 апреля.
91. Волжская коммуна. 1969. 17 мая.
92. Волжская коммуна. 1970. 27 июня.
93. Волжская коммуна. 1970. 16 июля.
94. Успех хора // Волжская коммуна. 1969. 22 мая.
95. Столбов П. Гости из Белоруссии // Волжская коммуна. 1966. 30 января.
96. Волжская коммуна. 1968. 26 апреля.
97. Волжская коммуна. 1968. 16 января.
98. Волжская коммуна. 1968. 24 марта.
99. Волжская коммуна. 1969. 18 июля.
100. Волжская коммуна. 1970. 5 февраля.
101. Константинов С. Искусство Осетии // Волжская коммуна. 1969. 16 мая.
102. Волжская коммуна. 1967. 7 декабря.
103. Волжская коммуна. 1967. 15 декабря.
104. Волжская коммуна. 1967. 20 декабря.
105. Волжская коммуна. 1969. 14 февраля.
106. Волжская коммуна. 1969. 20 февраля.
107. Волжская коммуна. 1969. 6 марта.
108. Волжская коммуна. 1969. 29 ноября.
109. Волжская коммуна. 1969. 9 декабря.
110. Волжская коммуна. 1970. 5 мая.
111. Волжская коммуна. 1970. 15 мая.
112. Волжская коммуна. 1966. 12 августа.
113. Волжская коммуна. 1970. 14 мая.
114. Конякина Н. Выступают гости из Узбекистана. Поет Юсуп Тураев // Волжская коммуна. 1969. 14 мая.
115. Столбов П. Театр «Ромэн» // Волжская коммуна. 1970. 30 января.
116. Волжская коммуна. 1967. 28 октября.
117. Волжская коммуна. 1968. 28 мая.
118. Волжская коммуна. 1966. 22 апреля.
119. Волжская коммуна. 1969. 3 апреля.
120. Волжская коммуна. 1969. 10 апреля.

121. Волжская коммуна. 1968. 20 марта.
122. Волжская коммуна. 1968. 14 апреля.
123. Волжская коммуна. 1968. 17 апреля.
124. Волжская коммуна. 1968. 18 апреля.
125. Волжская коммуна. 1968. 19 апреля.
126. Волжская коммуна. 1968. 20 апреля.
127. Волжская коммуна. 1968. 23 апреля.
128. Волжская коммуна. 1968. 24 апреля.
129. Столбов П. Музыкальный фестиваль // Волжская коммуна. 1968. 24 ноября.
130. Волжская коммуна. 1967. 16 августа.
131. Волжская коммуна. 1969. 23 апреля.
132. Волжская коммуна. 1966. 20 апреля.
133. Волжская коммуна. 1969. 9 января.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью "Информационный потенциал региональной периодической печати по истории отечественной музыкальной культуры во второй половине 1960-х гг."

Периодическая печать является одним из наиболее интересных и объективных источников для изучения истории конкретного периода, социальной, культурной жизни, идеологии, быта и культурных запросов населения. Она же дает широкий спектр материалов для изучения деятельности радио, телевидения, культурных мероприятий и деятельности государственных музыкальных, театральных, танцевальных и самодеятельных коллективов, в полной мере показывает культурную жизнь региона. Предмет исследования рецензируемой статьи газета «Волжская коммуна». Автор ставит цель изучить информационный потенциал данного печатного органа и выявить ее информационный потенциал для реконструкции музыкальной жизни Куйбышевской области во второй половине 1960-х гг. Методология исследования традиционна для работ такого плана и базируется на традиционных принципах объективности, историзма, общенаучных методах (анализ, синтез, индукция и дедукция). Также использованы хронологический и компаративный методы, а также контент-анализ. Контент анализ дает возможность сделать количественное и смысловое описание материала, его смыслового и символического содержания, фиксировать его объективных признаков и т.д. Автор также отмечает важность контент анализа и пишет, что этот метод "дает возможность уточнить детали музыкально-культурного ландшафта, географии концертных и театральных площадок" и достаточно подробно показывает этот ландшафт и исследует географию выступлений музыкальных коллективов.

Актуальность рецензируемой диссертации определяется тем, что в последние годы есть запрос в обществе на изучение советского прошлого, осмыслению и анализу его позитивных и негативных аспектов, в том числе и в сфере музыкальной культуры особенно в 1960-ые годы, которые занимают особое место в истории нашей страны с экономической, идеологической, духовной и социальной точки зрения.

Научная новизна исследования заключается в самой постановке вопроса, цели и задач исследования. Новизна исследования видится также в выделении в рамках системного видения музыкальной культуры региона газеты «Волжская коммуна» - орган Куйбышевского обкома и горкома ВКП (б), облисполкома и горсовета. Автор рецензируемой статьи провел большую работу по систематизации огромного числа публикаций в газете по таким тематическим блокам: деятельность местных и гастрольных музыкальных коллективов и артистов; празднование знаменательных дат и юбилеев, музыкальные учебные заведения; конкурсы и смотры; музыкальная самодеятельность. Это дает возможность читателю увидеть всю палитру культурной жизни того периода не только г. Куйбышева, но и других областных центров. Автор также выделил персоналии авторов, которые освещали и анализировали музыкальные события в регионе (большинство же материалов, как отмечает автор, были анонимны). Стиль написания статьи в целом научный, вместе с тем доступный для понимания специалистами, но широкой читательской аудитории. Статья хорошо структурирована и логична выстроена, название статьи соответствует содержанию.

Несомненным достоинством статьи является то, что автор сделал небольшой (но информативный и содержательный) историографический обзор темы, выделил основные аспекты темы, которые получили освещение в трудах исследователей и четко обозначил, что не получило до настоящего времени должного освещения в научной литературе. Библиография обширная и в полной мере отражает поднятые в статье темы и свидетельствует о прекрасном владении автором рецензируемой статьи материалом. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи и библиографии. Представляется, что исследователи, которые изучали тот или иной аспект музыкальной культуры 1960-х годов отметят, что автор рецензируемой работы владеет материалом и не оставил без внимания ни одну серьезную работы по теме. Статья без сомнения будет интересна специалистам по истории, социологии, культурологии, искусствоведам, музыкovedам и другим специалистам, так как в ней достаточно глубоко и всесторонне проведена реконструкция музыкальной жизни в Куйбышеве в 60-ые годы прошлого столетия. В целом же эта статья представляется положит начало изучению и реконструкции музыкальной жизни и в других регионах страны. Статья будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей, которые интересуются историей нашей страны, историей музыкальной жизни, деятельностью государственных музыкальных и иных творческих коллективов, самодеятельным музыкальным и песенным творчеством. Следует отметить, что вывод автора о том, что газета «Волжская коммуна» являлась «важнейшим информационным ресурсом куйбышевской музыкально-культурной модели. Она была полноправным членом идеологической системы, адаптировала исходящие из центра пропагандистские установки к местным социокультурным условиям» представляется точным и верным. И несомненно стоит согласится с автором в том, что материалы периодической печати – это важная часть источниковой базы по истории, в том числе «по проблемам истории отечественной культуры».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Лахтионова Е.С. — Секция памятников науки и техники ВООПИК: история и основные направления деятельности (на примере Свердловской и Челябинской областей) // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.6.41012 EDN: IFAUXU URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=41012

Секция памятников науки и техники ВООПИК: история и основные направления деятельности (на примере Свердловской и Челябинской областей)

Лахтионова Елизавета Сергеевна

ORCID: 0000-0002-8414-4540

кандидат исторических наук

доцент кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина

620034, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Опалихинская, 16, кв. 109

✉ elza1982@yandex.ru

[Статья из рубрики "Культурное наследие - памятники истории и культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.6.41012

EDN:

IFAUUXU

Дата направления статьи в редакцию:

16-06-2023

Аннотация: Объектом исследования является секция памятников науки и техники ВООПИК. Предметом – деятельность секции памятников науки и техники по выявлению, изучению, учету, сохранению и актуализации соответствующей категории памятников. Целью исследования является реконструкция истории возникновения и функционирования данного структурного подразделения в 1960-1980-е гг. Территориальные рамки ограничены Свердловской и Челябинской областями, ведущими промышленными регионами Урала, на территории которых имелось большое количество памятников науки и техники, памятников промышленного наследия. В статье изучается история становления секции памятников науки и техники, а также дается характеристика различных видов ее деятельности на материалах Свердловской и Челябинской областей. Поставленная проблема до сих пор не становилась предметом специального изучения, и лишь затрагивалась в контексте изучения истории в целом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и его региональных отделений, в частности. Это

определяет научную новизну статьи. Источниковый материал представлен архивными материалами, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, например, уникальная информация о проекте создания Музея истории науки и техники в Челябинске. Автор приходит к выводу, что в деятельности этих секций имелись как схожие направления, так и существенные различия. Это определялось несколькими причинами. Большое значение имел личностный фактор, также повлиявший на эффективность функционирования секции памятников науки и техники.

Ключевые слова:

ВООПИК, памятник, музей, Свердловская область, Челябинская область, актуализация, каталог, музеификация, индустриальное наследие, заводы

Актуальность предложенной темы обусловлена потребностью в настоящее время активизировать деятельность по сохранению памятников науки и техники, среди которых важное значение имеют памятники индустриального наследия. В советский период сохранением такой категории памятников занималась соответствующая секция, появление которой было вызвано рядом факторов.

Выбор автором темы данного исследования определяется не только ее актуальностью, но и научной новизной: до настоящего времени история возникновения и функционирования секции памятников науки и техники в составе Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее – ВООПИК) специально не изучалась. Нужно отметить, что деятельности ВООПИК в стране и разных ее регионах посвящено немало научных трудов. Самый значительный научный труд, посвященный истории ВООПИК с самого его основания, был написан учеными В. А. Ливцовым и Г. И. Маланичевой, которые одновременно являлись членами ВООПИК^[1]. История и деятельность региональных отделений Общества также хорошо изучена. Прежде всего нужно отметить работы Д. Н. Филатова^[2], А. В. Слабухи^[3], д. А. Белозерова и В. В. Коровина^[4], М. А. Малиш^[5]. История Свердловского областного отделения ВООПИК также неплохо изучена уральскими исследователями: Е. С. Лахтионовой^[6; 7], С. В. Соколовым^[8]. Однако история создания секции памятников науки и техники в составе ВООПИК почти не затрагивалась, что определяет теоретическую ценность данной статьи.

Объектом исследования является секция памятников науки и техники ВООПИК. Предметом – деятельность секции памятников науки и техники по выявлению, изучению, учету, сохранению и актуализации соответствующей категории памятников.

Цель статьи – изучить историю становления и функционирования секции памятников науки и техники ВООПИК. Хронологические рамки – 1960-1980-е гг. ТERRITORIALНЫЕ рамки ограничены Свердловской и Челябинской областями, которые являются одними из ведущих промышленных регионов Урала, насыщенных памятниками науки и техники.

Источниковой базой для данного исследования послужили архивные материалы, хранящиеся в Центре документации общественных организаций Свердловской области (Екатеринбург) и в Государственном учреждении «Объединенный государственный архив Челябинской области» (Челябинск). Многие материалы впервые вводятся в научный оборот. Также были использованы опубликованные источники в виде информационных материалов из региональной периодической печати 1970-1990-х гг. («Уральский рабочий», «Вечерний Челябинск», «Челябинский рабочий»).

В основу исследования положен ряд методических принципов, например, принцип, предполагающий изучение фактов, явлений и событий в неразрывной связи с конкретной исторической обстановкой. Среди традиционных методов исторического исследования, использованных в данном исследовании, нужно назвать следующие: историко-сравнительный (позволяет выявить особенности возникновения и функционирования секций памятников науки и техники в Свердловске и Челябинске); историко-генетический метод (помогает изучить этапы эволюции охранной деятельности ВООПИК в отношении памятников науки и техники от его зарождения в 1960-е гг. до организационного оформления в 1980-е гг.), а также некоторые другие (историко-генеалогический, историко-системный).

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (далее – ВООПИК) было образовано согласно Постановлению Совета министров РСФСР от 23 июля 1965 г. № 882 [9, с. 154] и являлось массовой общественной организацией. Главными ее задачами были активное содействие государству в деятельности по охране памятников истории и культуры, привлечение к этому широких слоев населения, а также пропаганда среди них знаний о памятниках и необходимости их сохранения.

История повсеместного создания секций памятников науки и техники при ВООПИК начинается во второй половине 1970-х гг. Тогда в 1977 г. в Институте истории естествознания и техники АН СССР была создана Проблемная группа по выявлению и изучению памятников науки и техники, главными задачами которой были выявление, изучение, классификация таких памятников, создание теоретико-методологических основ их охраны и использования [10, с. 37]. Для активизации этого процесса в 1979 г. Президиум Центрального совета ВООПИК утвердил «Положение о секциях памятников науки и техники Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры», в соответствии с которым была образована такая секция при Центральном совете [11, с. 12]. Председателем ее стал член-корреспондент АН СССР В. И. Сифоров.

После этого на рубеже 1970-1980-х гг. подобные секции массово стали появляться во многих местных городских, областных и краевых советах ВООПИК: Ленинградском, Саратовском, Пермском, Оренбургском, Удмуртском и др.

При Свердловском областном отделении ВООПИК такая секция была создана еще в 1966 г. Она называлась «Секция памятников истории науки и техники, промышленной, гражданской и культовой архитектуры». Возглавил ее архитектор К. А. Узких. Также в нее входили В. Г. Федоров и Т. К. Гуськова [12, л. 14]. В начале 1980-х гг. эту секцию переименовали в секцию памятников науки и техники, а во главе ее встал историк А. Г. Козлов.

В Челябинском областном отделении ВООПИК секция науки и техники появилась в 1977 г. Председателем стал кандидат писатель, краевед К. А. Шишов [13, л. 40].

Основные направления деятельности данных секций были достаточно разнообразны, но подчинены достижению одной цели: выявить и сохранить памятники науки и техники, а также объекты, связанные с промышленным развитием страны.

В марте-апреле 1980 г. Свердловским областным отделением ВООПИК была разработана и принята к исполнению Программа, напрямую касавшаяся вопросов охраны памятников науки и техники. Ведущая роль здесь отводилась соответствующей секции. В первой части данного документа были сформулированы ряд требований к городским и районным

отделениям общества, среди которых нужно назвать следующие. Во-первых, усилить деятельность по выявлению, учету, охране, изучению и использованию в научных и культурно-просветительных целях памятников науки и техники. Во-вторых, секции науки и техники необходимо было разработать и провести научно-методические мероприятия, направленные на изучение данной категории памятников и формулирование теоретико-методологических основ их сохранения и использования. В данном случае предполагалась коллaborация секции с ведущими отраслевыми, научными и образовательными учреждениями Свердловска. В-третьих, осуществлять регулярную деятельность по пропаганде и популяризации знаний о памятниках науки и техники через проведение лекций, докладов, бесед, организацию выставок, экспедиций, встреч с учеными, инженерами, краеведами на темы, связанные с освещением достижений в области охраны памятников на отечественном и зарубежном материале [\[14, л. 11\]](#).

Во второй части Программы секции памятников науки и техники при Свердловском областном отделении ВООПИК предписывалось провести ряд мероприятий в 1980-1985 гг., среди которых нужно назвать следующие. Во-первых, принять участие в создании музея сельского хозяйства в с. Краснополье (Пригородный район, Нижний Тагил), где предполагалось сосредоточить систематические коллекции ручных орудий труда, тракторов, жаток, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. Во-вторых, участвовать в совместных с научными и образовательными учреждениями экспедициях по обследованию заброшенных приисков и старых заводов с целью выявления объектов, подлежащих учету и сохранению. В-третьих, принять участие в создании Музея горного дела в Свердловске. (Не путать с Уральским геологическим музеем, созданным ранее). В-четвертых, оказать помощь в подготовке Сводного каталога памятников науки и техники, хранящихся в музеях области [\[15, л. 11-12\]](#). Нужно отметить, что первая часть Программы была реализована, о чем будет сказано ниже. А из пунктов второй части будут выполнены только второй и четвертый.

Очень тесно с проблемой охраны памятников связана проблема научного их изучения и квалифицированного учета. Поэтому одно из первоочередных направлений деятельности ВООПИК – выявление и изучение памятников – было характерно и для интересующей нас секции. Так, целенаправленная деятельность по выявлению памятников науки и техники и определению степени их ценности проводилась ВООПИК регулярно. Особенно она усилилась в 1980-е гг., в соответствии с генеральной линией Центрального совета общества в Москве. Но и до этого, в 1970-х гг. был организован ряд экспедиций по выявлению на Урале памятников истории горнодобывающей и металлургической промышленности XVIII-XIX вв. [\[16, с. 97\]](#) Участие принимали преподаватели и студенты Свердловского архитектурного института, собравшие значительный материал в виде фотографий, зарисовок, планов, чертежей.

Целенаправленное изучение памятников по архивным материалам и в рамках натурного обследования регулярно проводились членами секции памятников науки и техники. Ведь, как правило, в ее состав входили ученые, преподаватели, инженеры. Так, очень многое в этом плане было сделано архитектором Ю. А. Владимирским, состоявшем в Свердловском областном отделении ВООПИК почти с самого его основания. По запросу общества он обследовал ряд промышленных предприятий, на основании чего были сделаны выводы и предложения о постановке на учет и необходимости сохранения ряда старых уральских заводов, например, Нижнесалдинского металлургического [\[17, л. 63-76\]](#), Артинского механического [\[18, л. 1-10\]](#) и др.

В Челябинском областном отделении ВООПИК этим также занимались члены секции

памятников науки и техники, особенно ее руководитель, кандидат технических наук, доцент кафедры металлоконструкций Челябинского политехнического института К. А. Шишов. На основании проведенных им натурных обследований памятников, изучения архивных материалов и исторических публикаций, появился «Список памятников науки и техники на территории Челябинской области», который включал в себя 6 крупных металлургических комплексов, 5 комплексов музейных объектов, связанных с именами выдающихся ученых, а также отдельные образцы технических памятников [\[19, с. 108-121\]](#).

Выявлением памятников науки и техники занимались члены ВООПИК не только целенаправленно, но и случайно. Один из ярких примеров, когда Ф. Ф. Васильев, краевед, ответственный секретарь Сысертского отделения ВООПИК, изучая историю Сысертских заводов по литературе, совершенно случайно обнаружил фотографию продольно-строгального станка 1849 года выпуска. И проведя впоследствии натурное обследование одного из данных заводов, обнаружил именно этот станок. Специальная комиссия установила, что возраст станка 130 лет. После на данном объекте техники, взятом на учет, была размещена памятная доска [\[20\]](#).

Результат этой кропотливой деятельности был воплощен в виде каталога или списка памятников науки и техники.

Так, в 1980 г. С. И. Загребиным (заместитель председателя Челябинского областного отделения ВООПИК (1969-1994)) был оформлен «Каталог памятников науки и техники на территории Челябинской области». Он состоял из двух частей. Первая часть представляла собой простой перечень 46 объектов, классифицированных по 4 категориям. В первый раздел [\[21, л. 1-6\]](#) были включены объекты металлургии и строительного искусства, во второй – памятные места и объекты, связанные с именами ученых, в третий – образцы технических изделий XVIII – начала XX в., в четвертый – памятники техники советского периода. Подробное их описание и комментарии к перечисленным памятникам даны во второй части Каталога [\[22, л. 7-34\]](#).

Что касается Свердловской области, то здесь специальный каталог так и не был создан, хоть и имелся в планах работы секции памятников науки и техники [\[23, л. 12\]](#). Однако список памятников данной категории все же был составлен. Он состоял из 21 памятника, пять из которых относились к объектам индустриального наследия [\[24, л. 5-6\]](#).

Нужно отметить, что в общесоюзном масштабе в начале 1980-х гг. была создана карта памятников науки и техники, размещенная на страницах журнала «Техника- Молодежи», и представляла собой отображение на карте СССР географического размещения 125 объектов, относящихся к научно-технической деятельности советского народа, истории и развитии различных отраслей промышленности [\[25\]](#). При ее публикации редакция журнала специально предупредила, что карта не отличалась полнотой охвата и нуждалась в дополнении. Однако сам факт создания такой карты говорит о возросшем интересе части населения к проблеме сохранения памятников науки и техники. Об этом свидетельствует и целый ряд статей, опубликованных в данном журнале, посвященных охране памятников, относящихся к научно-техническому и индустриальному прошлому нашей страны [\[26\]](#).

Кроме участия в выявлении, изучении и учете памятников науки и техники, соответствующая секция ВООПИК способствовала реальному сохранению некоторых объектов науки и техники. Так, член секции Ю. А. Владимирский (Свердловск) одним из первых поднял в 1982 г. вопрос о необходимости прекратить разрушения уникального

памятника индустриального наследия – Северской домны (Северский трубный завод). В результате резонанса, вызванного письмами свердловского архитектора и публикациями в областной печати, было проведено расследование, по итогам которого дирекции завода предписывалось восстановить памятник и превратить его в музей, что было выполнено к 1989 г. [27, л. 1-54].

Еще одно значимое направление деятельности, которое успешно осуществляла секция памятников науки и техники, заключалось в организации научно-методических мероприятий, посвященных изучению данной категории памятников. Так, на общероссийском уровне важным событием стала конференция «Охрана памятников науки и техники», проведенная в 1979 г. при активном участии ВООПИК. На конференции присутствовали ученые, музейные работники, представители государственных органов и члены ВООПИК. Кроме столичных специалистов приехали делегаты из других городов: Свердловска, Нижнего Тагила, Перми, Челябинска, Ижевска, Уфы [28, с. 37]. Было заслушано более 40 докладов, по итогам рассмотрения которых конференция вынесла ряд решений, в частности о создании в Москве Центрального музея истории науки и техники и о разработке проекта положения об охране и использовании памятников истории и культуры применительно к научно-техническим памятникам [29, с. 30]. Как отмечали современники, данная конференция дала мощный стимул для организации в составе местных отделений ВООПИК секций памятников науки и техники и дальнейшему углублению научно-методических разработок в отношении этой категории памятников [30, с. 38; 31, с. 95-96].

На региональном уровне также проводились мероприятия, способствующие изучению и актуализации памятников науки и техники. Так, в июне 1981 г. в Свердловске была проведена конференция «Изучение и сохранение памятников науки и техники на Урале», организованная при активном содействии соответствующей секции Свердловского областного отделения ВООПИК [32]. Тематика предложенных сообщений касалась проблем изучения, сохранения и музеефикации памятников истории горной науки и техники, что являлось достаточно востребованным направлением в то время в сфере сохранения достижений в области горного дела на Урале.

Дело в том, что в начале 1980-х гг. остро встал вопрос о необходимости консервации и музеефикации некоторых объектов открытых горных разработок Урала: Богословского месторождения, Бакальского железорудного месторождения и др. В обсуждении и решении этого вопроса принимала активное участие секция памятников науки и техники. Например, по ее рекомендации Свердловское областное отделение ВООПИК ходатайствовало в 1983 г. перед Центральным советом общества о преобразовании Высокогорского рудника (г. Нижний Тагил) в музей под открытым небом. По мнению местных специалистов, «главный карьер горы Высокой, это подлинный памятник истории техники горного дела в России» и он нуждается в музеефикации [33, л. 64-65]. Однако хоть какого-то существенного результата это письмо не имело, но сам факт проявления инициативы в этом направлении заслуживает внимания.

В мае 1983 г. Совет Челябинского областного отделения ВООПИК подготовил и провел научно-методический семинар «Проблемы охраны памятников науки и техники». В его работе приняли участие 120 человек [34, л. 79]. Среди них были ведущие ученые из Москвы, Свердловска, Челябинска и других городов. В рамках работы семинара было представлено 11 докладов, которые можно разделить по следующим группам: 1) Теоретико-методологические основы изучения и сохранения памятников науки и техники

(«Проблемы охраны рукописных памятников науки и техники», «Классификация памятников науки и техники»); 2) Конкретные примеры памятников науки и техники и предложения по их сохранению («Памятники металлургии на территории нашей страны», «Творцы науки и техники на Урале», «История транспортной техники и вопросы ее сохранения», «Программа “Каменный пояс” и ее реализация»); 3) Вопросы пропаганды и популяризации знания о памятниках науки и техники («Роль молодежной печати в пропаганде памятников науки и техники», «Проблемы пропаганды памятников науки и техники»); 4) Создание и функционирование музеев («Проблемы создания уральского музея науки и техники», «О создании музея кузнечной техники», «Технические музеи за рубежом») [35, л. 1-2]. Активную роль в организации этого научного мероприятия, естественно, принимала секция памятников науки и техники, а ее руководитель К. А. Шишов выступил с докладом о необходимости создания Политехнического музея на Урале.

Данные научные мероприятия имели большое значение для развития памятникования науки и техники в СССР, а также для формулирования и воплощения на практике теоретико-методологических основ сохранения и использования данной категории памятников.

Научно-методическая деятельность секции подкреплялась публикаторской активностью. Так, члены челябинской секции регулярно печатали статьи в региональной прессе («Вечерний Челябинск», «Челябинский рабочий», «Комсомолец») [36; 37; 38; 39]. Публикации были посвящены вопросам охраны и бережного отношения к памятникам науки и техники, памятникам промышленного наследия, необходимости создания в Челябинске уральского музея истории науки и техники. Значительная часть статей была опубликована К. А. Шишовым, который считал, что «памятники науки и техники на Южном Урале – это воплощенная и драматическая судьба нашего народа, летопись его напряженных исканий». Поэтому «сохранить их, понять их глубинный смысл и уроки – наш долг сегодня» [40].

Большое внимание в деятельности секции науки и техники уделялось просветительскому и пропагандистскому направлению. Для этого использовались разные методы. Так, например, в 1979-1981 гг. по Челябинскому телевидению было показано 10 передач в рамках рубрики «Край родной». Ведущим был руководитель секции памятников науки и техники Челябинского областного отделения ВООПИК К. А. Шишов, который рассказывал зрителям о памятниках истории, науки и техники городов Златоуст, Кыштым, Касли и др. [41, л. 41, 59]

В Свердловском отделении ВООПИК члены секции памятников науки и техники регулярно читали лекции сами и привлекали для этого ученых и преподавателей Свердловска. Темы касались различных достижений, имеющихся в деле охраны памятников науки и техники. Не упускались из виду и проблемы, которые нужно было решить в этой сфере. Для этого, по мнению лекторов, нужно уделять больше вниманию просвещению населения о необходимости сохранения памятников данной категории [42, л. 10].

В рамках просветительского направления деятельности секции большое значение имел проект Музея истории науки и техники, разработанный в 1976 г. под руководством К. А. Шишова [43, л. 1-5]. Этот ученый очень многое сделал для популяризации знаний о памятниках науки и техники, но самой важной его идеей было создание в Челябинске подобного музея. В начале 1980-х гг. проект был одобрен и поддержан местными

властями, специалистами из Челябинска, Свердловска, Москвы, руководством Центрального совета ВООПИК^[44]. Было определено место для размещения Музея и найдены экспонаты, разработаны тематические экспозиции [\[45, л. 1-14\]](#). К сожалению, данный проект так и не был реализован.

Таким образом, направления деятельности секции памятников науки и техники были следующие. Во-первых, выявление, изучение, содействие в постановке на государственный учет памятников данной категории. Во-вторых, осуществление реальных действий, способствующих сохранению и музеефикации памятников науки и техники. В-третьих, активная помощь и участие в научно-методических мероприятиях, посвященных памятникам науки и техники. В-четвертых, популяризация знаний о данных памятниках среди населения.

Сравнивая историю функционирования и результаты деятельности секций памятников науки и техники в Свердловском и Челябинском областных отделениях ВООПИК, нужно отметить следующие отличия. Во-первых, в Свердловске секция, которая целенаправленно занималась памятниками данной категории, возникает значительно раньше, что было обусловлено, на наш взгляд, спецификой Свердловской области как одного из старейших промышленных регионов страны, насыщенном различными объектами истории науки и техники. Во-вторых, в Челябинском областном отделении в результате целенаправленной деятельности членов секции памятников науки и техники уже в 1980 г. был создан полноценный Каталог памятников данной категории, с подробным их описанием, тогда как в Свердловске, несмотря на планы, имелся лишь простой перечень-список таких памятников. Это свидетельствует о недостаточно активной деятельности свердловской секции в плане выявления и описания потенциальных памятников, ведь подобный каталог был бы чрезвычайно полезен для постановки выявленных объектов на государственный учет и их дальнейшей охраны. В-третьих, в Челябинске была практически полностью доведена до реализации идея создания Уральского музея науки и техники, тогда как в Свердловске мысль о необходимости создания Музея горной техники осталась лишь на бумаге. Однако несмотря на это, в Свердловской области к началу 1990-х гг. был восстановлен и музеефицирован ряд памятников промышленного прошлого: здания и сооружения Екатеринбургского железоделательного завода «Монетка» (Свердловск) [\[46\]](#), Северская домна (г. Полевской) [\[47, с. 12-13\]](#), Невьянская наклонная башня и сооружения старого Невьянского завода (г. Невьянск) [\[48\]](#).

Несмотря на отмеченные различия в истории создания и функционирования секций памятников науки и техники при областных отделениях ВООПИК, необходимо подчеркнуть важность результатов деятельности в 1960-1980-е гг. этих структурных подразделений Общества, особенно их отдельных представителей. Однако в 1990-е гг. общественная организация ВООПИК испытывает трудности с финансированием, оказавшимися критическими для ее дальнейшего успешного существования [\[49, с. 336\]](#).

Библиография

1. Маланичева Г.И., Ливцов В.А. Этапы истории ВООПИиК. К 50-летию образования Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Орел: Орловский филиал РАНХиГС, 2016.
2. Филатов Д.Н. Вклад Волгоградского отделения ВООПИК в сохранение культурного наследия Волгоградской области во второй половине XX века // Новая наука: Современное состояние и пути развития. 2016. № 4-4. С. 208-211.

3. Слабуха А.В. Полвека Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры: опыт общественно-государственного партнерства (на примере отделения ВООПИиК в Красноярском крае) // Культурное наследие России. 2016. № 4. С. 94–102.
4. Коровин В.В., Белозёров Д.А. Становление Курской областной организации всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в 70-е – начале 80-х годов XX столетия // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 6 (45). С. 263–268.
5. Малиш М.А. Деятельность областного отделения Всероссийского добровольческого общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) на территории Адыгеи // Политеатральный сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 121. С. 969–980.
6. Лахтионова Е. С. Деятельность Свердловского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в 1960–1980е гг. в сфере сохранения индустриального наследия // Индустриальное наследие как ресурс для развития. Варианты стратегий. 300+: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 3–4 декабря 2020 г. / Ред. Э. Р. Меркушева, И. Ю. Матвеева, Л. В. Кокшарова, И. Г. Гулякина. Нижний Тагил: Нижнетагильский музей заповедник «Горнозаводской Урал», 2020. С. 128–133.
7. Лахтионова Е. С. Роль Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в выявлении, изучении и сохранении памятников индустриального наследия в 1960–1990-е гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2020. Т. 41. № 2. С. 334–345. DOI: 10.31857/S020596060009439-4
8. Соколов С. В. Документы Свердловского отделения ВООПИК как источник по интеллектуальной жизни Свердловска в 1960–1980-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. 2021. № 21. С. 222–228.
9. Систематическое собрание действующего законодательства РСФСР. Т. 17. М.: Советская Россия, 1977. 480 с.
10. Боярский П. В. Пути создания науки о памятниках // Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. № 2 (8). 1983. С. 37–41.
11. Перхавко В. Б. Возникновение и развитие промышленной археологии // Памятники науки и техники. 1989 / Отв. ред. Н. К. Гаврюшин. М.: Наука, 1990. С. 3–15.
12. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 250. Оп. 1. Д. 165.
13. Государственное учреждение «Объединенный государственный архив Челябинской области» (ГУ ОГАЧО). Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 117.
14. ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 165.
15. ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 165.
16. Захарченко В. Д. Дорогами Урала // Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1981. № 1 (3). С. 95–101.
17. ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 63.
18. ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 74.
19. Шишов К. А. Наследие отчего дома. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1985. С. 108–121.
20. Курашова Т. Когда завод становится музеем // Уральский рабочий. 1980. 24

- апреля. С. 3.
21. ГУ ОГАЧО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 122.
 22. ГУ ОГАЧО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 122.
 23. ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 165.
 24. ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 165.
 25. Судьба реликвий – в наших руках // Техника - молодежи. 1980. № 1. С. 30–33.
 26. Лахтионова Е. С. Вопросы изучения и сохранения памятников индустриального наследия в 1980-е гг. (по материалам журнала «Техника – молодежи») // Многообразие культур в условиях глобализированного мира и проблемы сохранения культурно-исторического наследия (XVII Колосницынские чтения): материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 18–19 ноября 2022 г.) / Ред. Н. Б. Кириллова, Н. А. Симбирцева. Екатеринбург: УрГПУ, 2022. С. 55–60.
 27. ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 204.
 28. Орлов В. Каменному поясу – быть! // Техника – молодежи. 1980. № 1. С. 37–38.
 29. Судьба реликвий – в наших руках // Техника - молодежи. 1980. № 1. С. 30–33.
 30. Боярский П. В. Пути создания науки о памятниках // Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. № 2 (8). 1983. С. 37–41.
 31. Захарченко В. Д. Дорогами Урала // Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1981. № 1 (3). С. 95–101.
 32. Лахтионова Е. С. Научные конференции как способ привлечь внимание к проблеме изучения и сохранения индустриального наследия в СССР (1970–1980-е гг.) // Индустриальное наследие России: междисциплинарные исследования, опыт сохранения, стратегии реновации : сборник тезисов II Всероссийской научной конференции / Отв. ред. О. В. Власова. Сургут: РИО СурГПУ, 2023. С. 49–50.
 33. ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 239.
 34. ГУ ОГАЧО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 101.
 35. ГУ ОГАЧО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 274.
 36. Шишов К. Не памятник – память... // Комсомолец. 1976. 3 апреля С. 2–3.
 37. Шишов К. Письма об отчём доме // Вечерний Челябинск. 1980. 05 апреля. С. 3.
 38. Шишов К. Сберечь техническую историю края // Челябинский рабочий. 1979. 23 мая. С. 2.
 39. Шишов К., Патрушин С., Баньковский Л. Сохранить для потомков // Челябинский рабочий. 1988. 1 сентября. С. 3.
 40. Шишов К. Памятники науки и техники // Технополис. 1994. № 19. С. 3.
 41. ГУ ОГАЧО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 101.
 42. ЦДООСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 231.
 43. ГУ ОГАЧО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 113.
 44. Шишов К. Музею техники Урала быть в Челябинске // Вечерний Челябинск. 1982. 11 января. С. 4.
 45. ГУ ОГАЧО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 184.
 46. Стариakov А. А. Ленина, центральная часть города // Свод памятников истории и культуры Свердловской области / Ред. Е. В. Звагельская. Екатеринбург: Сократ, 2007. Т. 1. С. 284–289.
 47. Алексеева Е. В. Ревалоризация индустриального наследия в России и странах

Западной Европы: подходы, объекты, ландшафты, акторы // Экономическая история. 2017. № 1. С. 9–23.

48. Иванова И. В Сохранение памятников промышленной архитектуры Свердловской области (история реконструкции Невьянской наклонной башни) // Природное и культурное наследие Урала: материалы VII региональной научно-практ. конф. (Челябинск, 2 июня 2016 г.) / Науч. ред. К. Б. Лаврова, Ю. В. Гушул, Н. Н. Новикова. Челябинск: ЧГИК, 2016. С. 110–115.
49. Ливцов В. А. Участие Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) в сохранении культурного наследия народов Российской Федерации // 75 лет пакту Рериха: материалы международной общественно-научной конференции. 2010 / Гл. ред. Т. О. Книжник. М.: Международный Центр Рерихов; Мастер-Банк, 2011. С. 317–336.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Два раза в ХХ в. Россия переживала трагические моменты распада государственности, что не могло не отразиться на культурных ценностях и приоритетах. Вспомним, что как после революции, так и начиная с 1991 года по нашей стране прокатилась волна сноса памятников персоналиям, ассоциировавшимся с прежней эпохой, но и сегодня отдельные памятники минувших десятилетий зачастую находятся далеко не в самом лучшем состоянии. В этой связи вызывает интерес изучение различных инициатив Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, возникшее в середине 1960-х гг.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является деятельность секции памятников науки и техники ВООПИК по выявлению, изучению, учету, сохранению и актуализации соответствующей категории памятников. Автор ставит своими задачами определить особенности возникновения и функционирования секций памятников науки и техники в Свердловске и Челябинске, а также изучить этапы эволюции охранной деятельности ВООПИК в отношении памятников науки и техники от его зарождения в 1960-е гг. до организационного оформления в 1980-е гг.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи определяется самой постановкой темы: как отмечает сам автор, «история создания секции памятников науки и техники в составе ВООПИК почти не затрагивалась, что определяет теоретическую ценность данной статьи». Научная новизна определяется также привлечением архивных документов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 50 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, который проделал ее автор. Источниковая база статьи представлена прежде всего документами из фондов Центра документации общественных организаций Свердловской области и Государственного учреждения «Объединенный государственный архив Челябинской области». Из привлекаемых автором исследований отметим работы Д. Н. Филатова, А. В. Слабухи, Д. А. Белозерова и В. В. Коровина, М. А.

Малиш, в центре внимания которых различных аспекты деятельности региональных отделений ВООПИК. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем кто интересуется как ВООПИК, в целом, так и секциями памятников науки и техники ВООПИК, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что задачами ВООПИК «были активное содействие государству в деятельности по охране памятников истории и культуры, привлечение к этому широких слоев населения, а также пропаганда среди них знаний о памятниках и необходимости их сохранения». Анализируя направления направления деятельности секции памятников науки и техники, автор обращает внимание на содействие в постановке на государственный учет памятников данной категории, осуществление реальных действий, способствующих сохранению и музеефикации памятников науки и техники, активную помощь и участие в научно-методических мероприятиях, посвященных памятникам науки и техники, популяризация знаний о данных памятниках среди населения. Первоочередное внимание автор уделяет Свердловскому и Челябинскому отделениям ВООПИК, так как Свердловская и Челябинская области являются одними из ведущих промышленных регионов Урала, насыщенных памятниками науки и техники.

Главным выводом статьи является то, что несмотря «на отмеченные различия в истории создания и функционирования секций памятников науки и техники при областных отделениях ВООПИК, необходимо подчеркнуть важность результатов деятельности в 1960-1980-е гг. этих структурных подразделений Общества, особенно их отдельных представителей».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Пашкова А.Ю. — К истории религиозных культов Писидии: скальные вотивные рельефы // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 6. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.6.40643 EDN: IIIVITL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40643

К истории религиозных культов Писидии: скальные вотивные рельефы

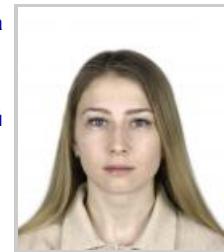
Пашкова Анастасия Юрьевна

ORCID: 0000-0002-8556-2162

преподаватель, кафедра общекультурных дисциплин, Белгородский государственный аграрный университет имени В. Я. Горина

308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Вавилова, 26, оф. 202

✉ pashkova_ay@bsaa.edu.ru

[Статья из рубрики "Археология"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.6.40643

EDN:

IIIVITL

Дата направления статьи в редакцию:

03-05-2023

Аннотация: В данной статье рассматривается группа религиозных изображений, а именно, высеченные в скалах вотивные рельефы, обнаруженные в ходе полевых исследований в Писидии, через призму коллективной памяти религиозных культов. Наша цель состоит, с одной стороны, в том, чтобы лучше понять их значение в местном культе, а с другой стороны, в рассмотрении некоторых способов восприятия и изучения таких рельефов с течением времени. Объектом рассмотрения в настоящей статье станут скальные вотивные рельефы Писидии, которые позволяют уточнить некоторые аспекты эволюции религиозных культов Писидии в связи с ее историей, начиная с эллинистического и заканчивая римским временем. Религиозные культуры — тема, обладающая большим значением для исследователей, которые изучают древнюю религию и историю, а также занимаются археологическими раскопками. Каждая из составляющих этой проблемы выступает в качестве полезной основы для проведения исследования, но в процессе их совместного рассмотрения они становятся мощным инструментом для понимания человеческой взаимосвязи с божественным началом. На основании изучения скальных вотивных рельефов можно сделать вывод о том, что функции, которыми обладали культ и ритуальные практики римской Писидии, были

напрямую связаны с аудиторией. Эти функции неизбежно менялись с течением времени и могли по-разному интерпретироваться разными людьми или даже одними и теми же людьми в различных случаях.

Ключевые слова:

религиозные культуры, религия, Писидия, традиция, Малая Азия, рельеф, Средиземноморье, Диоскуры, римский период, эволюция религиозных культов

Интересным памятником религиозной жизни Писидии являются вотивные рельефы. В последние годы они были обнаружены на многочисленных скалах в высокогорьях на границе северной Ликии и юго-западной Писидии (Милиада), в городах и сельской местности близ Кириры [10, с. 63].

Эти вотивы посвящены местному богу-всаднику (всего их 9), иногда называемому Какасбом, и Диоскурам с фронтальной женской фигурой, возможно, выступающей в качестве культовой статуи (хоапон) богини (всего их 3).

Хотя мы, возможно, никогда не сможем восстановить древний пейзаж и рассмотреть, кем были благотворители, заказчики или скульпторы — авторы вотивных рельефов, следует предпринять анализ и реконструкцию для понимания места и роли этих памятников в религиозной жизни региона.

Сравнивая эти вотивы с другими памятниками (как вырезанными из камня, так изображенные на специально поставленных стелах), мы сосредоточимся на нескольких положениях:

- 1) понимание роли вотивных рельефов в античном мире;
- 2) их расположение на ландшафте;
- 3) уместность и важность как объектов поклонения.

Хотя такой подход направлен на дальнейшее изучение вотивных рельефов, которые были найдены в районе Писидии, важно также отметить их тесную связь с аналогичными образцами, которые были найдены в северной Ликии, в контексте аналогичных памятников эллинистического и римского времени. Также следует помнить об их культовой значимости и роли в ритуальных практиках.

Идентификация и изучение скальных вотивных рельефов, а также изображений на стелах, найденных в юго-западной Малой Азии (Писидия), интересовали ученых в течение достаточно долгого времени. Первыми здесь следует назвать отчеты о путешествиях и заметки Джорджа Бина.

Большое внимание уделялось скульптурным изображениям богов, богинь и героев [2; 3]. Некоторые из представленных божественных фигур знакомы из греческой традиции, например, сыновья-близнецы Зевса, Диоскуры (рис. 1), в то время как другие, такие как местный бог-всадник Какасб, или двенадцать ликийских богов, являются представителями местных малоазийских культов [23, с. 116].

Рис. 1. Рельеф Диоскуров и богини, вооруженная фигура, Калтилар Инташи

Ученые, которые изучали эти изображения в середине XIX в., выходили далеко за рамки территории Писидии (рис. 2), приводя сравнения с другими регионами.

Рис. 2. Карта района исследования Писидии

Сегодня любой дальнейший анализ наскальных или других вотивных рельефов из этих регионов Малой Азии обязательно должны учесть множественные публикации исследователей, чтобы получить всеобъемлющую картину об исследуемом объекте. Состояние сохранности рельефов может быть очень плохим, а информация, которой владеют современные исследователи, может быть не такой полной, как требуется.

Имеются также и другие исследования вотивных рельефов, которые были связаны с работами ученых, которые изучали древнюю Ликию и Писидию в более общем археологическом контексте. В период с 1982 по 1996 г. в издании Pisidian Survey, выпускающемся под редакцией Стивена Митчелла и Марка Велкенса и поддержке Британского института археологии в Анкаре (BIAA) было издано и идентифицировано 14 скальных вотивных рельефов.

Большая группа скальных рельефов, как высеченных, так и переносных стел (всего 75), была собрана в ходе проекта BIAA — исследования Бальбуры (1985–1994), которое проводилось под руководством Дж. Дж. Коултона из Оксфордского университета. Рельефы с надписями из Бальбуры были опубликованы Н.П. Милнером, который

занимался эпиграфикой [\[24; 25\]](#).

Некоторые из прочих рельефов были также обнаружены и опубликованы другими археологами [\[10, с. 14\]](#).

Имеющиеся публикации значительно расширили наше понимание как переносных, так и скальных вотивных рельефов в различных регионах юго-западной Малой Азии.

Малоазийские боги-всадники представлены рядом памятников, полученных из Ликии, Писидии и Карии, и сконцентрированы на памятниках периода Римской империи.

В состав корпуса включаются не только наскальные рельефы, но и стелы, алтари и статуэтки. Все без исключения рассматриваемые предметы являются произведениями местного творчества и отличаются чисто сельским характером исполнения [\[12, с. 1\]](#).

Греческо-латинская надпись, помещенная в Археологический музей Бурдара в 2007 г., вносит заметный вклад в иконографический анализ изучаемых памятников, а также в понимание места и роли греческих божеств в Писидии [\[17, с. 4\]](#). В каталог Хорсли также включены посвящения Диоскурам и различным богам-всадникам.

С этими публикациями связаны и другие, посвященные конкретным культовым фигурам в связи с их связью с эллинистической и римской визуальной культурой [\[25\]](#). Основные вопросы для анализа можно сформулировать следующим образом,

- находятся ли рельефы в непосредственной близости от гробниц, могил или домов, родников, рек или озер?
- как они расположены по сторонам света, группой или поодиночке?
- имеются ли на изображениях посвятительные надписи? Если да, то можно ли их прочесть?
- в каком состоянии находятся рельефы в целом, имеются ли на них отдельные части, которые были повреждены или в которые вносились изменения?
- имеются ли какие-либо материальные доказательства по переносным рельефам, об их первоначальном расположении?

В связи с тем, что информации по всем этим вопросам недостаточно, можно сказать, что мы пока не имеем исчерпывающего анализа места и роли данных памятников.

Уникальной чертой скальных вотивных рельефов из Писидии и соседних областей является их связь с ландшафтом. В отличие от различных иных сооружений, вырубленных в скале гробниц, рельефы были вырезаны прямо в скале. Несмотря на сложности с их обнаружением (и даже перемещением) на сегодняшний день, эти барельефы всегда были «на виду».

Их постоянство в ландшафте ставит их в особое положение с точки зрения исторической памяти [\[8; 11\]](#). Такие термины, как «индивидуальная» и «коллективная» (или «социальная») память, «вписанная» и «воплощенная» память нашли широкое применение со стороны западных исследователей данного круга проблем [\[11\]](#), а также археологов [\[7; 18\]](#).

Находки таких памятников проводились в разное время в одних и тех же регионах [\[21\]](#).

[\[15\]](#). В каждом отдельном случае исследователи столкнулись со сложностями, которые были связаны с труднодоступностью проходимостью мест, в которых находились наскальные изображения.

Проект Pisidian Survey под руководством Лутгарда Вандепута, с самого начала претендовал на роль обобщающего исследования региона. Оно было сосредоточено на комплексном изучении городских поселений [\[10, с. 15\]](#).

При этом исследование Бальбуры было наиболее широкомасштабным. Оно было направлено на изучение одного городского поселения и его прилегающей территории.

Вотивные рельефы Писидии, изучавшиеся разными учеными, а также работы в Бальбуре включают скальные и переносные рельефы (стелы). Некоторые рельефы последнего типа были направлены в музеи [\[17, с. 11\]](#), в то время как другие рельефы остались на месте, так как были встроены как в общественные, так и в частные более поздние постройки (рис. 3).

Рис. 3. Рельеф бога-всадника (Какасб?) встроенный в стену жилого дома, деревня Чалтилар

Обнаружение вотивных рельефов при разного рода обстоятельствах неизбежно приводит к тому, что возникают вопросы о том, как взаимосвязаны друг с другом разные их типы.

Рельефы Писидии являются основным компонентом религиозной жизни местного населения. Они представляют собой иконографические изображения, предназначенные для созерцания. Поскольку рельефы небольшой подборки из Писидии высечены в скалах, их невозможно перенести в музеи. Поэтому они «привязаны» к конкретным местам.

Наскальные изображения могут быть культовыми, а могут изображать мифологические события в данной местности [\[9; 14\]](#).

Далее возникает ряд новых вопросов: почему памятники в этом регионе выполнены из местных материалов? [\[18, с. 198\]](#). Почему для них было выбрано то или иное конкретное место? Было ли это связано с близостью к определенным природным или искусственным объектам?

По мере того, как мы получаем все большее количество информации о наскальных рельефах в Писидии и других местах Средиземноморья, становится проще анализировать их возможный процесс создания. Значение культовых изображений на рельефах должно было со временем меняться, старые смыслы заменялись на более новые, а именно языческие на христианские. Внешний облик некоторых рельефов был целенаправленно

изменен или испорчены [\[27\]](#).

Подобных изображений культа не так много, как можно было бы предположить. Примеры из эллинистического святилища Кибелы на Сицилии или большое количество рельефов Артемиды Охотницы над театром в Филиппах в северной Греции [\[20, с. 55\]](#) дают очевидные, хотя и редкие сравнения.

В то же время переносные рельефы из этих регионов, такие как стела бога-всадника, возможно, Какасба, встроенная в стену домика в деревне Чалтелар [\[25, с. 8\]](#), пусть и изображают похожие образы, но сохранились лучше. Нахождение того или иного изображения в том или ином месте является свидетельством большой роли культов в жизни их создателей.

Наскальные рельефы, найденные во время исследования Писидии, расположены на нескольких участках. Это говорит о том, что человек в прошлом представлял свое прошлое в материальном выражении, через которые и передавались ритуалы, действия, поведение и т.д. [\[1; 6\]](#). Культурную память можно определить как «взаимодействие настоящего и прошлого в социокультурных контекстах» [\[13, с. 2\]](#). Мифология, религиозная память, память поколений и семьи — все это обладает важной ролью в изучении памяти, а материальные объекты являются частью более широкого контекста [\[13, с. 7\]](#).

Наскальные рельефы из Писидии и другие, найденные на юго-западе Малой Азии, представляют собой необычайно богатые археологические свидетельства. Они могут (из-за их неподвижности, местоположения и содержания) затронуть такие важнейшие стороны как миф, религия и родство.

Рассматривая категории социальной памяти в связи со скальными вотивами, можно понять, что рельефы в некоторых отношениях уникальны. В силу своей функции и нашего понимания эллинистических и римских религиозных практик рельефы воплощают ритуальное поведение в материальной форме.

Взаимодействие культа и памяти выступает в качестве еще одного взгляда на скальные вотивные рельефы в Писидии и показывают, как проводились древние религиозные обряды в прошлом на этой местности.

Тот факт, что некоторые рельефы сгруппированы и могут принадлежать более чем одному культу, имеет большое значение. Появление небольших вотивных ниш и углублений, вырезанных рядом с несколькими богами-наездниками в Кечили, дает еще один намек на проведение ритуальных обрядов в сельской местности [\[12, с. 35\]](#).

Вотивные рельефы, изображающие Диоскуров, сыновей-близнецов Зевса Кастора и Полидевка, были обнаружены во время Писидийской экспедиции. Рельефы принадлежат к традиционной иконографии, полностью соответствуя размерам и пропорциям аналогов, которые были найдены в северной Ликии, в городе Бальбура и в его окрестностях [\[25, с. 32\]](#).

Во всех известных примерах близнецы помещаются внутри прямоугольной панели, где они сидят верхом на лошадях и одеты в военную или дорожную одежду. На головах у них надеты конические пилосы. Как и у лошадей, головные уборы являются обычным явлением в таких памятниках. Стивен Митчелл описал вотивы к северо-западу от

деревни Кечили. Именно здесь ранее находились многочисленные поселения [\[24\]](#). Самое главное, он описал положение рельефов. Рельефы были вырезаны в нижней части скальных выходов и обращены либо на юг, либо на юго-восток. Другая группа археологов зафиксировала нахождение поблизости дополнительных рельефов, связанные с другими культурами [\[12, с. 24\]](#).

Три рельефа из Кайнар-Алани (близ Кольбасы), один с Диоскуром и богиней, были найдены рядом с источником воды, а рельеф всадника — около озера. Важно отметить, что эти рельефы были расположены вне города [\[23, с. 17\]](#). Это не означает, что рельефы того времени и типа никогда не встречались в городской черте. Есть примеры как из Бальбуры, так и из Ойноанды [\[10, с. 150\]](#), или многочисленные вотивные посвящения Мену в его святилище в Писидийской Антиохии.

Рельефы вне городов первоначально располагались вблизи источников воды (озера и родника) и были обращены на юг. Каждая из их деталей делает отсылку на большой корпус наскальных рельефов из Бальбуры. Наблюдается их прочная связь друг с другом, а также с религиозной жизнью создателей памятников [\[15, с. 106\]](#). Ввиду отсутствия дошедших до нас надписей на каждом из этих рельефов невозможно точно установить, кто их создал, из каких городов или районов прибыли люди, которые создали рельефы. Были ли они местными писидийцами или солимами, более удаленными миляйцами или кабалийцами, неизвестно [\[10, с. 148\]](#).

В связи с тем, что эта группа рельефов наиболее плохо сохранилась, невозможно сравнивать их отдельные части с иными образцами рельефов, которые лучше сохранились.

Вотивные рельефы, найденные в юго-западной Малой Азии, служили в качестве посвящений. Об этом свидетельствуют формульные надписи, сопровождающие некоторые образцы [\[19, с. 4\]](#). Хотя на некоторых барельефах не сохранилось надписей (на одном рельефе она неразборчива), есть основания полагать, исходя из сходства их внешнего вида, размеров, их расположения в ландшафте и их культовых фигур, что они были вотивными посвящениями, сделанными отдельными людьми богам и героям местного значения (рис. 4).

Два типа, представленные на наскальных рельефах Писидии, хорошо изучены, и каждый из них ранее был засвидетельствован в Писидии и за ее пределами.

Особо важна функция рельефов как религиозных объектов и их важность как документов [\[22\]](#).

Рис. 4. Высеченный в скале рельеф бога-всадника, Кечили

Боги, богини и герои могут изображаться изливающими или принимающими подношения, жарящими жертвенное мясо, держащими подношения по обету или почитающими культовую статую. На рельефах божественные близнецы почитают богиню, а сами одновременно служат объектами поклонения для смертных поклонников; наблюдение о том, что они «неоднозначно расположены между богами и людьми», соответствует их собственному культовому характеру полубогов [\[26, с. 133\]](#).

Интересно, что одна и та же фигура богини сопровождает безымянную мужскую Триаду на нескольких рельефах из Бальбуры и из Ойноанды. Это еще более укрепляет идею о том, что она является объектом местного культового значения [\[25, с. 15\]](#).

Фактически, единственным иным городом с культом Триады в Писидии был Термесс. Это писидийский город, имеющий известные связи с кибириотами [\[10, с. 63\]](#). Рельефы бога-наездника из Писидии сильно истерлись, но их общий вид вполне различим. Каждая мужская фигура верхом на лошади доминирует над пространством, будучи аккуратно вырезанной на почти квадратной панели. Само панно имеет архитектурную форму – это сооружение с остроконечной крышей или фронтоном. Данная черта является типичной для подобных рельефов [\[17, с. 4\]](#).

Несмотря на то, что они не очень хорошо сохранились, многочисленные свидетельства существования этого типа фигур не только в Писидии, но и в других местах на юго-западе Малой Азии позволяют предположить, что каждый всадник держит дубинку или какое-либо другое оружие. Кроме того, человек и лошадь были изображены в анфас.

Фигура была выполнена в том же стиле. Ее украшала надпись, которую интерпретировали как Какасб. Он выступал в качестве местного малоазийского героя, которого можно ассоциировать с греческим богом Гераклом, и даже иногда обозначали именем Геракл [\[17, с. 262\]](#).

Однако есть и другие боги-всадники из окрестностей, известные под другими именами, среди них Масеис, Созон, Кирас и Мен. При отсутствии надписи, сопровождающей рельеф, соотнести имя и изображение становится практически невозможным. Стандартная иконография вооруженного всадника использовалась для представления целого ряда местных божеств, даже если художники или благотворители выбирали небольшие вариации их внешнего вида [\[24, с. 141\]](#).

В недавнем исследовании было отмечено, что «географическое распространение

рельефов предполагает наличие одного божества, которое имело местное имя Какасб, уже засвидетельствованное в IV веке до н.э., и которое сохранилось в районе Ойноанды-Бальбуры, в то время как греческое имя (Геракл) предпочитают в районах на севере и востоке» [\[17, с. 188\]](#).

Подобно рельефам Диоскуров (с богиней или без нее), боги-всадники представляют региональную религиозную специфику. Среди атрибутов близнецов можно назвать наличие у них петаса (головного убора с полями), характерного для античного путника [\[16, с. 592\]](#).

Обычным дополнением к рельефам Диоскуров из этих регионов, которое можно увидеть на скульптурных рельефах из Спарты (места их рождения), является богиня, стоящая между двумя всадниками. Можно рассмотреть задрапированную женскую фигуру, которая полностью фронтальна. Иногда она стоит на постаменте или внутри ниши (наиск), а иногда над головой у нее изображен полумесяц. Все это может указывать на то, что, весьма вероятно, что она является культовой статуей [\[16, с. 598\]](#).

Кроме того, близнецы, хотя обычно их изображают в профиль верхом на лошадях, также имеют лица, которые можно внимательно рассмотреть. В некоторых случаях лошади выглядят довольно статными, поскольку они неестественно шагают к скульптурной женской фигуре в центре.

Идентификация богини занимала ученых на протяжении поколений. Лишь на одном рельефе она названа Артемидой [\[10, с. 147\]](#). Шапутье в 1935 г. собрал известные свидетельства о близнецах с богиней, сгруппировав примеры со II века до н.э. до III в. н.э., полученные из различных мест, и интерпретировал женскую фигуру как Елену [\[16, с. 189\]](#). Другие же исследователи утверждали, что данная фигура принадлежала Артемиде или местной богине — Селене, Кибеле или Писидийской богине, которая была изображена на местных монетах [\[10, с. 249\]](#).

Свидетельства показывают, что Диоскуры были известны и им поклонялись по всей Писидии. Вероятно, их иконография очень мало изменилась за длительный период времени.

Таким образом, на основании изучения скальных вотивных рельефов можно сделать вывод о том, что функции, которыми обладали культ и ритуальные практики римской Писидии, были напрямую связаны с аудиторией. Эти функции неизбежно менялись с течением времени и могли по-разному интерпретироваться разными людьми или даже одними и теми же людьми в различных случаях.

Библиография

1. Alcock S.E. Archaeologies of the Greek Past: Landscape, Monuments, and Memories. Cambridge, Cambridge University Press, 2002, 222 p. (In English).
2. Bean G.E. Notes and inscriptions from Pisidia. Part II. In: Anatolian Studies. Published online by Cambridge University Press, 1960, no. 10, pp. 43-82. (In English).
3. Bean G.E. Lycian Turkey: An Archaeological Guide. London, Ernest Benn, 1980, 197 p. (In English).
4. Beard M.; North J., Price S. Religions of Rome. Vol. 1: A History. Cambridge, Cambridge University Press 1998, 454 p. (In English).
5. Berlin A.M. The archaeology of ritual: the sanctuary of Pan at Banias. Bulletin of the

- American Schools of Oriental Research, 1999, no. 315, pp. 27-45. (In English).
6. Boardman J. The Archaeology of Nostalgia: How the Greeks Re-created their Mythical Past. London, Thames and Hudson, 2002, 240 p. (In English).
 7. Borić D. Archaeology and Memory. Oxford, Oakville, 2010, 215 p. (In English).
 8. Bouzek J. Lieux de mémoire in history and archaeology: a field of possible collaborations. Eirene, 2014, no. 50, pp. 285-297. (In English).
 9. Bradley R. Rock Art and the Prehistory of Atlantic Europe: Signing the Land. London, Routledge, 1997, 296 p. (In English).
 10. Coulton J.J. The Balboura Survey and Settlement in Highland Southwest Anatolia. London, Mediterranean Journal of Humanities, 2012, no. 3, pp.248-265. (In English).
 11. Crawford C.L. Collecting, defacing, reinscribing (and otherwise performing) memory in the ancient world. Negotiating the Past in the Past: Identity, Memory, and Landscape in Archaeological Research, Tucson, 2007, no. 11, 10-42. (In English).
 12. Delemen I. Anatolian Rider Gods: A Study on Stone Finds from the Regions of Lycia, Pisidia, Isauria, Lycaonia, Phrygia, Lydia and Caria in the Late Roman Period. Bonn, British Institute at Ankara, 1999, no. 61, 228 p. (In English).
 13. Erll A. Cultural memory studies: an introduction. In: A Companion to Cultural Memory Studies. Berlin, de Gruyter, 2010, pp. 1-15. (In English).
 14. Gillette D.L., Greer M., Hayward M.H., Murray W.B. (eds.). 2013. Rock Art and Sacred Landscapes. New York, Springer, 2014, 292 p. (In English).
 15. Harmanşah Ö. Place, Memory and Healing: An Archaeology of Anatolian Rock Monuments. New York, Routledge, 2015, 220 p. (In English).
 16. Hermary A. Dioskouroi. Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae, 1986, vol., 3, pp. 567-593.
 17. Horsley G.H.R. The Greek and Latin Inscriptions in the Burdur Archaeological Museum. London, Hardback, 2007, 321 p. (In English).
 18. Jones A. Memory and Material Culture. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, 272 p.
 19. Keesling C.M. The Votive Statues of the Athenian Acropolis. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, 272 p. (In English).
 20. Lamoreaux J.T. Ritual, Women, and Philippi: Reimagining the Early Philippian Community. Eugene, OR, Cascade Books, 2013, 160 p. (In English).
 21. Milner N.P., Smith M.F. New votive reliefs from Oinoanda. Anatolian Studies, 1994, no. 44, pp. 65-75. (In English).
 22. Patton K. Religion of the Gods: Ritual, Paradox, and Reflexivity. Oxford, Oxford University Press, 2009, 512 p. (In English).
 23. Renberg G.H. Unexplored aspects of the Lycian "Twelve Gods Reliefs". Epigraphica Anatolica, 2007, no. 47, pp. 107-132. (In English).
 24. Smith T.J. Highland gods: rock-cut votive reliefs from the Pisidian Survey. Anatolian Studies, 2011, no. 61, pp. 133-150. (In English).
 25. Smith, T.J., Milner N.P. Votive reliefs from Balboura and its environs. Anatolian Studies, 1997, no. 47, pp. 3-49. (In English).
 26. Walker H. The Twin Horse Gods: The Dioskouroi in Mythologies of the Ancient World. London, I.B.Tauris, 2015, 272 p. (In English).
 27. Wells K. Life on the Rocks: One Woman's Adventures in Petroglyph Preservation, Albuquerque, University of New Mexico Press, 2009, 211 p. (In English).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Современный мир невозможно представить без фундамента, обеспеченнего античной цивилизацией. И действительно, демократия в политической жизни, Олимпиады в спортивной, театр в культурной, наконец. Алфавит, – все это было создано в древнегреческом мире. Важно заметить, что древнегреческий мир в эллинистическую эпоху после походов Александра Македонского расширил свои границы далеко на восток, вплоть до Центральной Азии и Северо-Западной Индии. Однако, та же Малая Азия заметно раньше имела тесные контакты с Элладой, войдя помимо прочего и в ее мифологическое мировоззрение, вместе с тем вбирая и ее собственные культурные корни. Все это вызывает интерес к изучению различных аспектов культурной, в том числе религиозной жизни областей Малой Азии.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются религиозные культуры Писидии. Автор ставит своими задачами предпринять анализ и реконструкцию вотивных рельефов для понимания их места и роли в религиозной жизни региона.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать различные аспекты религиозных культов древней Писидии.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 27 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том большом объеме подготовительной работы, который проделал ее автор. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является масштабное привлечение зарубежной англоязычной литературы, что помимо прочего определяет и научную новизну темы. С. Эллок, Д. Бин, Р. Брэдли, К. Паттон – вот далеко не полный перечень авторов, труды которых включены в список литературы. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей античности, в целом, так и религиозными культурами античности, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «сегодня любой дальнейший анализ наскальных или других вотивных рельефов из этих регионов Малой Азии обязательно должны учесть множественные публикации исследователей, чтобы получить всеобъемлющую картину об исследуемом объекте». В работе показано, что «уникальной чертой скальных вотивных рельефов из Писидии и соседних областей является их связь с ландшафтом. В отличие от различных иных сооружений, вырубленных в скале гробниц, рельефы были вырезаны прямо в скале. Несмотря на сложности с их обнаружением (и даже перемещением) на

сегодняшний день, эти барельефы всегда были «на виду». Фактически автор уже в начале статьи определяет свои намерения, сосредоточившись на следующих положениях: 1) понимание роли вотивных рельефов в античном мире; 2) их расположение на ландшафте; 3) уместность и важность как объектов поклонения.

Главным выводом статьи является то, что функции вотивных рельефов «неизбежно менялись с течением времени и могли по-разному интерпретироваться разными людьми или даже одними и теми же людьми в различных случаях».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена 4 рисунками, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории древнего мира, так и в различных спецкурсах.

К статье есть отдельные замечания: так, читателю было бы интересно узнать хотя бы самую общую информацию о Писидии, ее политическом развитии и т.д.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Англоязычные метаданные

The idea of social progress in the work of historians of the "Russian School"

Fedin Aleksandr Nikolaevich

PhD in Philosophy

Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Saransk Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation

430027, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Transportnaya str., 17

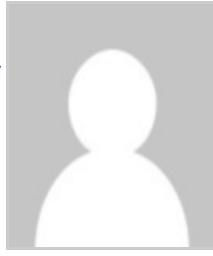
alexfed@yandex.ru

Pechatkin Aleksandr Sergeevich

PhD in Philosophy

Lecturer, Department of State and Legal Disciplines, Saransk Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation

430027, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Transportnaya str., 17

a.s.pechatkin@ruc.su

Abstract. The object of the authors' research is the theory of social progress in the works of such prominent historians as N.I. Kareev, M.M. Kovalevsky and I.V. Luchitsky. To analyze the problem, the comparative method, a systematic approach and the principle of individuality of B. Russell are used in the work. The authors pay special attention to the methodological prerequisites for the rejection by Russian historians of the positions of G.V.F. Hegel for the development of theories of social dynamics and the transition to the foundations of positivism. The article highlights the main theoretical differences between historians of the "Russian School" and other domestic concepts of social progress at the end of the XIX century.

The novelty of the research lies in the fact that the authors of the article clearly show the contradictions in the theories of social progress of representatives of the "Russian School". The article demonstrates that despite the denial of the scientific nature of empirical and metaphysical concepts of historians such as M.N. Petrov and V.I. Guerrier, prominent representatives of the "Russian School" could not refuse the criteria of social development proposed by them. In conclusion, the authors emphasize the importance of the dispute between N.I. Kareev, M.M. Kovalevsky and I.V. Luchitsky about the role of the statistical method, the Marxist approach to history, the relationship between history and sociology for understanding the general and special in their interpretations of social progress.

Keywords: historicism, subjectivism, marxism, theoretical and methodological basis, positivism, progress, Russian school, historiology, eurocentrism, idealism

References (transliterated)

1. Arkhipov S.I. Teori sotsial'no-pravovogo progressa B.N. Chicherina i M.M. Kovalevskogo // Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskому zhurnalu». 2020. № 5. S. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-5-5-15>
2. Ger'e V.I. Ocherk razvitiya istoricheskoi nauki. M., 1865.
3. Vasil'ev Yu.I. Fenomen «Ecole Russe»: istoriologiya N.I. Kareeva // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. №1.

4. Dyga M. Maksim Maksimovich Kovalevskii kak istorik ekonomiki srednikh vekov i rannego novogo vremeni // Srednie veka // 2020. №2. T. 81. S. 10-45. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0131878020020014>
5. Kareev N.I. Istorilogiya (teoriya istoricheskogo progressa). Pg., 1915. 323 c.
6. Kareev N.I. Kritika ekonomiceskogo materializma. Starye i novye etyudy. SPb, 1896. 304 c.
7. Kareev N.I. Osnovnye voprosy filosofii istorii. M., 1883. T. 1. 456 c.
8. Kareev N. I. Sud nad istoriei. Nechto o filosofii istorii // Russkaya mysli'. 1884. № 2. S. 1-30.
9. Kareev N.I. Filosofiya istorii i teoriya progressa // Znanie. 1876. №2.
10. Kareev N.I. Ekonomiceskii materializm v istorii // Vestnik Evropy. 1894. №7. S. 5-35.
11. Kovalevskii M.M. Progress // Vestnik Evropy. 1912. №2. S. 232-235.
12. Kovalevskii M.M. Sotsiologiya. SPb., 1910. T. 1. 302 c.
13. Kovalevskii M.M. Sovremennye sotsiologi. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2008.
14. Kovalevskii M.M. Sovremennye frantsuzskie sotsiologi // Vestnik Evropy. 1913. №7. C. 339-369.
15. Kovalevskii M. M. Uchenie o lichenykh pravakh. M.: Izd. V. M. Sablina, 1905. 42 s.
16. Kondrat'eva M.K. Ideya progressa v kontekste sovremennoego diskursa // Idei i idealy. 2021. T. 13. №3. S.176-187. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-176-187
17. Koren' E.V. Istoriosofskie problemy russkoi mysli novogo vremeni // Vestnik Sankt-Peterburgskogo. Iстория. 2023. №1. T. 68. S. 242-258.
DOI: 10.21638/spbu02.2023.114
18. Luchitskii I.V. Otnoshenie istorii k nauke ob obshchestve // Znanie, 1875. №1. C. 1-43
19. Luchitskii I.V. Obzor literatury po filosofii istorii za 1872 g. // Znanie, 1873. №9.
20. Petrov M.N. Evangelie, kak obrazovatel'naya sila v istorii novogo vremeni // Dukhovnyi vestnik [Khar'kov]. – 1863. № 6. S. 397-415 s.
21. Pogodin S.N. «Russkaya shkola» istorikov: N.I. Kareev, I.V.Luchitskii, M.M. Kovalevskii. SpB, 1997. 380 s.
22. Popov A. S. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya sotsial'no-istoricheskikh vzglyadov N. I. Kareeva // Nauka i Obrazovanie. 2018. № 1. S. 26-35.
23. Prokazin V.V. Russkaya konservativnaya sotsiologiya o progresse // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2022. № 9. S. 69-72.
<https://doi.org/10.24158/tipor.2022.9.8>.
24. Rodicheva I. S., Sukhanova N. P. Genezis idei obshchestvennogo progressa v istoriko-filosofskoi mysli // Problemy sovremennoego obrazovaniya. 2020. №1. S. 9-15. DOI: 10.31862/2218-8711-2020-1-9-15
25. Safronov B. G. N. I. Kareev o strukture istoricheskogo znaniya. – M. : Izd-vo MGU, 1995. – 272 s.
26. Teslya A. A. Osnovopolozheniya teorii N. K. Mikhailovskogo : formirovanie «sub"ektivnoi sotsiologii», konets 1860-kh – seredina 1870-kh godov // Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2021. – T. 5, №2. – S. 55-78.
https://doi.org/10.17323/2587-8719_2021-2-55-78
27. James D. White, Marx and Russia: The Fate of a Doctrine. London; New York: Bloomsbury, 2018.
28. Sidnenko T.A., Repar P., Polevoy S.A., Shamalova E.V., Kryukova N.I. Russian liberal

historiography and European philosophical thought in the late 19th century and early 20th century: Man in the space of culture // XLinguae, 2020 (13). Pp. 216-215. DOI: 10.18355/XL.2020.13.03.17

Stages of Anglo-American cooperation in the framework of the first atomic projects

Ripak Ilia Alexandrovich

Postgraduate student, American Studies Department, Saint Petersburg University

199034, Russia, Saint Petersburg, nab. University, 7-9

✉ ilka-95@mail.ru

Abstract. Nuclear weapons, which have largely defined the landscape of international relations since the mid-20th century and have turned conflicts between great powers into proxy wars and local clashes, were first developed through the collective efforts of the United States and Great Britain during World War II. Although the allies eventually completed their work on nuclear weapons together, their contributions were not equal. This was reflected in the dividends received by each side in the end. In addition, the nuclear projects were not initially conducted separately, experiencing periods of growth and decline in cooperation with each other that did not coincide with the overall trend of allied relations. The purpose of the study is to identify and capture the specific stages of Anglo-American cooperation within the framework of the first atomic projects of Great Britain and the United States. US and UK historiography has studied various aspects of both the American Manhattan Project and the British "Tube Alloys", including the role of diplomacy and the influence of allied cooperation on the development of nuclear weapons. Soviet and Russian historiography, despite a significantly smaller volume of works on this topic, also addressed these issues. However, neither Russian nor American and British researchers have established any clear periodization of allied nuclear projects cooperation. The study demonstrates the dynamics of relations between Great Britain and the United States in the atomic sphere, identifies the main contradictions between allies that led to the stagnation and cessation of atomic cooperation, and indicates the causes of the resumption and intensification of such cooperation. The conclusion separates Anglo-American cooperation into seven stages. Each stage is determined and characterized by the comparative level of project development at a particular moment, as well as constantly changing interests of the both sides.

Keywords: atomic diplomacy, nuclear weapons, atomic bomb, anglo-american relations, nuclear cooperation, World War II, Tube Alloys Project, First Quebec Conference, Manhattan Project, atomic project

References (transliterated)

1. Alperovitz G. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. New York: Simon and Schuster, 1965. 317 p.
2. Alperovitz G. The Decision to Use the Atomic Bomb and the Architecture of an American Myth. New York: Knopf, 1996. 864 p.
3. Fussell P. Thank God for the Atom Bomb and Other Essays. New York: Summit Books, 1988. 298 p.
4. Giangreco D.M. Hell to Pay: Operation Downfall and the Invasion of Japan, 1945-1947.

- Annapolis, MD: Naval Institute Press, 2009. 362 p.
5. Campbell S., Radchenko S. The Atomic Bomb and the Origins of the Cold War. New Haven, CT: Yale University Press, 2008. 201 p.
 6. Feis H. Between War and Peace: The Potsdam Conference. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1960. 367 p.
 7. Hewlett R.G. Atomic Shield, 1947–1952. A History of the United States Atomic Energy Commission. University Park: Pennsylvania State University Press, 1969. 718 p.
 8. Sherwin, M.J. A World Destroyed: Hiroshima and the Origins of the Arms Race. New York, Vintage Books, 1987. 375 p.
 9. Jones V.C. Manhattan: The Army and the Atomic Bomb. Washington, D.C.: U. S. Government Printing Office, 1985. 680 p.
 10. Hoddeson L. Critical Assembly: A Technical History of Los Alamos during the Oppenheimer Years, 1943-1945. Cambridge University Press, 1993. 528 p.
 11. Rhodes R. The Making of the Atomic Bomb. New York: Simon & Schuster, 1986. 896 p.
 12. Del'gado D. P. Atomnaya bomba: Mankhettenskii proekt: nachalo novogo otscheta istorii chelovechestva. M.: Eksmo, 2011. 208 p.
 13. Gosling F.G. The Manhattan Project: Making the Atomic Bomb. Washington, DC: United States Department of Energy, History Division, 1994. 66 p.
 14. Howes R.H. Their Day in the Sun: Women of the Manhattan Project. Philadelphia: Temple University Press, 1999. 264 p.
 15. Clark R.W. The Birth of the Bomb: Britain's part in the weapon that changed the World. London: Phoenix House, 1961. 209 p.
 16. Gowing M. Britain and Atomic Energy 1939–1945. London: Macmillan, 1964. 480 p.
 17. Zimmerman D. The Tizard Mission and the Development of the Atomic Bomb // War in History. 1995. Vol. 2, No. 3, Special Issue on Allied Scientific Collaboration in the Second World War. Pp. 259-273. DOI: <https://doi.org/10.1177/096834459500200302>
 18. Farmelo G. Churchill's Bomb: How the United States Overtook Britain in the First Nuclear Arms Race. New York: Basic Books. 2013. 576 p.
 19. Cathcart B. Test of Greatness: Britain's Struggle for the Atom Bomb. London: John Murray, 1995. 302 p.
 20. Gott R. The Evolution of the Independent British Deterrent // International Affairs. 1963. Vol. 39, No. 2. Pp. 238-252. DOI: <https://doi.org/10.2307/2611300>
 21. Gowing M., Arnold L. Independence and Deterrence: Britain and Atomic Energy, 1945–1952, Volume 1, Policy Making. London: Macmillan, 1974. 516 p.
 22. Baylis J. Anglo-American Defence Relations, 1939-1984: The Special Relationship. London: Macmillan, 1984. 290 p.
 23. Madzoevskii S. Kvebekskoe soglashenie. Anglo-amerikanskie protivorechiya v oblasti atomnogo oruzhiya // Mezhdunarodnaya zhizn', 1958, № 5.
 24. Vorontsov V.B. Tragediya sorok pyatogo. M., 1969. 136 s.
 25. Ioirysh A.I., Morokhov I.D., Ivanov S.K. A-bomba. M., 1980. 424 s.
 26. Novikova Tat'yana Aleksandrovna: Obshchie i osobennye cherty initisiatsii Mankhettenskogo i Sovetskogo uranovogo proektov. // Problemy novoi i noveishei istorii zarubezhnykh stran: Sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 3. M.: MGOU, 2004. S. 58-74.
 27. Sevryuk N.A. Rukovoditeli atomnykh proektor SSSR // Ural'skii nauchnyi forum «Voina. Kul'tura. Pobeda». Rol' Urala kak arsenala pobedy (k 60-letiyu Velikoi Pobedy). Materialy III regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Chelyabinsk, 2005. S.

123-128.

28. Sevryuk N.A. Zakrytye goroda atomnykh proektor SShA i SSSR // Tyl-frontu. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennye 60-letiyu Velikoi pobedy. Chelyabinsk 2005. S. 90-94.
29. Sevryuk N.A. Razrabotka i realizatsiya atomnykh proektor SShA i SSSR. Chelyabinsk, 2005. 250 s.
30. Novikova T.A. Sozdanie yadernogo oruzhiya v SShA i SSSR. Obshchie i osobennye cherty. 1939-1949 gg. M., 2006. 332 s.
31. Trukhanovskii V. G. Problema yadernogo oruzhiya v angliiskoi politike v gody vtoroi mirovoi voiny // Voprosy istorii. 1984. № 5.
32. Sevost'yanov G.N. Kvebekskaya konferentsiya 1943 g. // Novaya i noveishaya istoriya, 1996. № 2. S. 148.
33. Rodin A.M. Sozdanie atomnogo oruzhiya i usiliya SShA po vtyagivaniyu SSSR v gonku yadernykh vooruzhenii v period Vtoroi Mirovoi voiny // Konferentsium ASOU: sbornik nauchnykh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferentsii. 2015. № 4. S. 1351-1364.
34. Mal'kov V.L. Termoyadernaya bomba i menyayushchiisa balans sil v sovetsko-amerikanskikh otnosheniyakh. «Super» protiv «Sloiki // Novaya i noveishaya istoriya. 2015. № 6. S. 53-69. [Elektronnyi resurs] URL: https://www.elibrary.az/docs/jurnal/jrn2015_1024.htm
35. Sazonov D.R., Mikhailova T.L. Mankhettenskii i Kurchatovskii proekty kak granitsa formirovaniya bipolyarnogo mira // Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. 2016. № 3. S. 28-31.
36. Zimonin V.P. Nachalo «Atomnoi ery». Atomnye bombardirovki Khirosimy i Nagasaki: voennoe znachenie i politicheskie posledstviya // Izvestiya Rossiiskoi akademii raketykh i artilleriiskikh nauk. 2011. № 3. C. 84-90. [Elektronnyi resurs] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16920198>
37. Borkov A.V., Vasil'ev I.V. Atomnaya tematika v deyatel'nosti sovetskoi razvedki v 1941-1950 gg. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2012. № 3-1. S. 312-317. [Elektronnyi resurs] URL: http://elib.biblioatom.ru/text/borkov_atomnaya-tematika_2012/go,0/
38. Rodin A.M. Atomnye sekrety, ili «Troyanskii kon'» Kholodnoi voiny // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2013. № 2. S. 59-68. [Elektronnyi resurs] URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/View/4736>
39. Mal'kov V.L. Mankhettenskii proekt: Razvedka i diplomatiya. M., 1995. 272 s.
40. Mal'kov V.L. Vkhozhdenie v yadernuyu eru. Atomnaya diplomatiya: ot nachala k paritetu. M., 2018. 648 s.
41. Grovs L. Teper' ob etom mozhno rasskazat' / Sokrashchennyi perevod s angliiskogo O.P. Begucheva. M., 1964. 304 s.
42. Wheeler-Bennett J. John Anderson, Viscount Waverley. London: Macmillan, 1962. 430 p.
43. Dewaters D. The World War II Conferences in Washington, D.C. and Quebec City: Franklin D. Roosevelt and Winston S. Churchill. The University of Texas at Arlington, 2008. 159 p.

The ethnic factor in international relations in the Middle East: a historical retrospective and the current state

Dubinin Aleksandr Igorevich

National Research Lobachevsky State University Nizhny Novgorod

603022, Russia, Nizhny Novgorod, Gagarina str., 23

✉ adubinin40rus@mail.ru

Abstract. The Middle East is one of the most hot spots of our time. The close interweaving of peoples, linguistic groups, and religions makes this region one of the most "explosive". Studying the problem of ethnic conflicts in the Middle East, special attention should be paid to the history of the emergence of statehood in the countries of the region. For several centuries, the Middle East region has been a European colony. It was only by the twentieth century that most of the peoples living in the Middle East gained independence. An important role in this was played by armed groups, often professing radical Islam and claiming not only their own country, but also the territory of their "neighbors". This article is also focused on the situation of ethnic minorities who have failed to establish their own State. The most striking example is the Kurds, separated by four borders at once and living in Turkey, Iraq, Iran and Syria. The object of this study is the relationship between the peoples of the Middle East. The research is based on the historical and systematic method. Within its framework, the development of the states of the Middle East in the XX and XXI centuries was considered, the relationship between historical prerequisites and the current situation in the region was assessed. Along with historical methods, general scientific methods (analysis and generalization) will be involved. When writing the article, the following tasks were set:

- 1) To analyze the historical component of international relations in the Middle East
- 2) To assess the current state of interactions between countries and peoples in the region
- 3) To assess the degree of influence on the policy of the Middle East countries by armed groups
- 4) To analyze the degree of involvement of Western states in the regional agenda.

The novelty of this work lies in the analysis and study of the historical prerequisites for the formation of statehood of individual countries of the Middle East, dividing them into groups to identify signs that affect the ethnic factor in international relations in the Middle East.

Keywords: Hezbollah, Sunnism, kurds, Syria, Iran, Lebanon, Turkey, Iraq, Middle East, Shiism

References (transliterated)

1. Blizhnii Vostok v menyayushchemsy global'nom kontekste: (Kollektivnaya monografiya) / pod red. V.G. Baranovskogo, V.V. Naumkina. – M.: IV RAN, 2018.
2. Boichenko Yu.S. Vozrastanie roli etnokonfessional'nogo faktora v mirovoi politike i ego konfliktogennyi potentsial. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozrastanie-roli-etnokonfessionalnogo-faktora-v-mirovoy-politike-i-ego-konfliktogennyi-potentsial/viewer> (data obrashcheniya 04.06.2023)
3. Duyun V.V. Liviiskaya grazhdanskaya voyna kak tsentr stolknoveniya mezhdunarodnykh interesov. // Khronoekonomika. – M.: MGU im. Lomonosova, 2020.-S. 25-32
4. Zvyagel'skaya I.D. Konflikty na Blizhnem i Sredнем Vostoke: tendentsii i igroki // Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: Istoriya i sovremennost'. M.: Integratsiya: obrazovanie i nauka. 2017. №3. S. 16-24
5. Zvyagel'skaya I.D. Kuznetsov V.A. Musul'manskii mir: teoreticheskie i filosofskie problemy. // Svobodnaya mysl'. – M.: Politizdat, 2015. №4. S. 18-31
6. Kirillova M.P. Evolyutsiya vnesheini politiki sovremennoi Turtsii. // Gumanitarnyi

- aktsent. – M.: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 2018. №4. S.14-20
7. Konflikty i voiny XXI veka (Blizhnii Vostok i Severnaya Afrika) / M.: IV RAN, 2015. – 504 s.
8. Mirgorod D.A. Voennye elity v politicheskem protsesse stran Blizhnego Vostoka i Severnoi Afriki // VE. № 2. Sevastopol', 2022. S.41-50
9. Nadein-Raevskii V.A. Politika Turtsii na Blizhnem Vostoke // M.: IMEMO RAN. 2020. №1 (58). S. 139-156
10. Ryzhov I.V. Borodina M.Yu. Savicheva M.I. Osnovnye problemy regional'noi bezopasnosti na Blizhnem Vostoke // Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ioshkar Ola: 2021. №1 S.48-56
11. Ryzhov I. V. Borodina M. Yu. Dorofeev F.A. Sunnitsko-shiitskoe protivostoyanie. Iran i saudovskaya Araviya v bor'be za regional'noe liderstvo. // M.:Politizdat. 2019. №1. S.169-180
12. Surkov N.Yu. Arabskii mir v poiskakh otvetov na vyzovy 2022 goda. Novye regional'nye konfiguratsii i al'yansy dlya menyayushchegosya mirovogo ustroistva. // M.: Svobodnaya Mysl', 2023. №1 (1697). S.116-125.
13. Filippova A.A. Demograficheskie aspekty kurdskogo voprosa v Turtsii // Kazanskii vestnik molodykh uchenykh. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-aspekty-kurdskogo-voprosa-v-turtsii> (data obrashcheniya: 04.06.2023).
14. Abdulmajid A. Religious Diversity and Conflict in the Middle East // International Journal of Social Science and Humanities Research Vol. 6, No. 3, 2018, R 1-7
15. Barbato M. Postsecular Plurality in the Middle East: Expanding the Postsecular Approach to a Power Politics of Becoming. Center for Religion and Modernity, Münster. 2020

Switzerland's good offices in light of the American hostage-taking in Iran (1979-1981)

Khasanov Azat

Postgraduate, the Department of Theory and History of International Relations, the School of International Relations, Saint-Petersburg State University

191124, Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg, Smolny str., 1/3, Smolny str., 1/3, office 150

✉ st027367@student.spbu.ru

Abstract. Switzerland's neutrality during the Cold War allowed it, without joining any of the opposing blocs, to take an active part in international politics. This, in particular, was reflected in the so-called good offices and a series of protective mandates of Switzerland in Iran. The article presents a brief historical digression into the process of development of diplomatic relations between Switzerland and Iran. The purpose of the article is to determine the role of Swiss diplomacy in negotiations on the release of American hostages in Iran (1979-1981). The study was carried out on the basis of declassified archival documents, a significant part of which is being introduced into scientific circulation for the first time (documents of the US State Department and the Swiss Federal Department of Foreign Affairs devoted to the settlement of the crisis with American hostages). This determined the scientific novelty of the study. The use of the historical-genetic method allowed us to study the genesis of bilateral relations between Switzerland and Iran before the 1979 Islamic Revolution. A narrative (descriptive-narrative) method was used to describe Switzerland's diplomatic services to the

United States in Iran after the 1979 Islamic Revolution. Through the structural and functional method, it was possible to identify the mechanisms of Swiss diplomacy during secret meetings between the American and Iranian sides and the execution of the protective mandate to represent the interests of the United States in Iran. The historical-retrospective method helped to evaluate the results of Switzerland's "good offices" in Iran from the perspective of time distance.

Keywords: Switzerland's good offices, Swiss diplomacy, American hostages crisis, Erik-Roger Lang, Edouard Brunner, Abolhassan Banisadr, Iranian Islamic revolution, Switzerland, Iran, USA

References (transliterated)

1. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1973.-T.11. 608 c.
2. Khasanov A. Istorya «zashchitnogo mandata» Shveitsarii po obespecheniyu interesov SShA na Kube (1961-2015gg.) // Latinskaya Amerika.-2017.-№ 5.-S.35-48.
3. Shveitser V.Ya., Zhiryakov I.G. Bruno Kraiskii: politik i vremya.-M.: RITs «Al'fa» MGOPU, 2001. 310 c.
4. The Algiers Accords [Electronic resource] // Pars Times. URL: http://www.parstimes.com/history/algiers_accords.pdf
5. Bilaterale Beziehungen Schweiz-Iran [Elektronische Quelle] // Das Eidgenössische Departement für auswärtige Angelegenheiten der Schweizerischen Eidgenossenschaft. (24.02.2021). URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/de/home/vertretungen-und-reisehinweise/iran/bilatereale-beziehungenschweiziran.html>
6. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8253*. B.22.52.Iran.(Am.). No 457. Telegram (08.11.1979). URL: <https://dodis.ch/56340>
7. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8253*. B.22.52.Iran.(Am.). No 888. Iran. (13.11.1979). URL:<https://dodis.ch/56341>
8. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8253*. B.22.52.Iran. (Am.). Sitzung der Arbeitsgruppe Iran v. 14.11.1979, 14.30 Uhr. (19.11.1979). URL: <https://dodis.ch/54843>
9. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8253*. B.22.52.Iran.(Am.). Telegram Nr. 932 (23.11.1979). URL: <https://dodis.ch/54844>
10. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8253*. B.22.52.Iran. (Am.). Télégramme No 544. URL: <https://dodis.ch/54845>; CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8253*.
11. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8253*. B.22.52.Iran.(Am.). Télégramme №941 (28.11.1979). URL: <https://dodis.ch/54846>
12. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8253*. B.22.52.Iran.(Am.). № 1989. Evénements d'Iran; éventualité d'un mandate (14.11.1979). URL: <https://dodis.ch/54840>
13. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8255*. B.22.52.Iran. (Am.). Télégramme № 130 (08.02.1980). URL: <https://dodis.ch/56354>
14. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8255*. B.22.52.Iran. (Am.). Télégramme № 5043 (11.02.1980). URL: <https://dodis.ch/56356>
15. CH-BAR [Elektronische Quelle] CH-BAR#E2001E-01#1991/17#8256* B.22.52.Iran. (Am.). Télégramme No 177. Divers concernant Iran. (29.02.1980). URL:

- <https://dodis.ch/54550>
16. CH-BAR [Elektronische Quelle] CH-BAR#E2001E-01#1991/17#8256*. B.22.52.Iran. (Am.). Télégramme Nr. 218. Euer 180. Menaces contre Ambassadeur Lang. (03.03.1980). URL: <https://dodis.ch/56357>
 17. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8256*. B.22.52.Iran. (Am.). Télégramme № 5099 (14.03.1980). URL: <https://dodis.ch/56359>
 18. CH-BAR [Elektronische Quelle] CH-BAR#E2001E-01#1991/17#8257* B.22.52.Iran. (Am.). Nr. 596. Frage der Übernahme der amerikanischen Interessen im Iran (Zwischenbericht) (16.04.1980). URL: <https://dodis.ch/56364>
 19. CH-BAR [Elektronische Quelle] CH-BAR#E2001E-01#1991/17#8257* B.22.52.Iran. (Am.). Telegram Nr. 5133 (09.04.1980). URL: <https://dodis.ch/56363>
 20. CH-BAR [Elektronische Quelle] CH-BAR#E2001E-01#1991/17#8258*. B.22.52.Iran. (Am.). Télégramme No 447. La Suisse et le différend irano-américain (05.05.1980). URL: <https://dodis.ch/56365>
 21. CH-BAR [Elektronische Quelle] E2001E-01#1991/17#8360*. B.73.Iran.0. Perspectives iraniennes (13.11.1979). URL: <https://dodis.ch/54842>
 22. Fischer T. Die Rolle der Schweiz in der Iran-Geiselkrise 1979–1981 // Forschungsstelle für Sicherheitspolitik der ETH Zürich. Eine Studie zur Politik der Guten Dienste im Kalten Krieg. – 2004.-№73. 204 S.
 23. Iran (Islamic Republic of) [Electronic resource] // Department of Foreign Affairs of Republic of South Africa: official website. URL: <http://www.dfa.gov.za/foreign/bilateral/iran.html>
 24. Iran agrees to release GIs' bodies in a few days // The Chicago Tribune. – 1980.-4th May.-P. 3.
 25. Jordan H. Crisis: The last year of the Carter presidency.-NY: G. P. Putnam's Sonsb 1982. 431 p.
 26. Lang E. Le rôle d'Edouard Brunner dans la crise des otages américains en Iran (1979–1981) / Zürcher Beiträge zur Sicherheitspolitik (ETH Zürich).-2010.-№82 (Edouard Brunner ou la diplomatie du possible: actes du colloque en son souvenir). S.115-120.
 27. Liste des intérêts étrangers représentés par la Suisse depuis la fin de la Seconde Guerre mondiale // Politorbis. – 2006.-№40. – S. 53-56.
 28. Meier D. Helvetias guter Draht zum Pfauenthron. Die Beziehungen der Schweiz zu Iran (1946-1978).-Zürich: Orell Füssli Verlag, 2002. 322 S.
 29. Muheim F. Le rôle d'Edouard Brunner dans la crise des otages américains en Iran (novembre 1979 – janvier 1981) / Zürcher Beiträge zur Sicherheitspolitik (ETH Zürich).-2010.-№82 (Edouard Brunner ou la diplomatie du possible: actes du colloque en son souvenir). S.111-114.
 30. Perrenoud M. Iran // Historisches Lexikon der Schweiz. (13.05.2008). URL: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/003410/2008-05-13/>
 31. The U.S. Department of State: Office of the Historian (dalee-USDS: OH) [Electronic resource] Foreign Relations of the United States(dalee-FRUS), 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc.19. Summary of Conclusions of a Special Coordination Committee Meeting (10.11.1979). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d19>
 32. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 27. Memorandum for the Files (13.11.1979). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d27>

33. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc.35. Summary of Conclusions of a Special Coordination Committee Meeting (17.11.1979). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d35>
34. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 92. Telegram From the Executive Assistant to the Deputy Secretary of State (Oxman) to the Executive Secretary of the Department of State (Tarnoff) (10.12.1979). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d92>
35. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 99. Memorandum From the Assistant Secretary of State for Near Eastern and South Asian Affairs (Saunders) and the Director of the Bureau of Intelligence and Research (Bowdler) to Secretary of State Vance (15.12.1979). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d99>
36. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 101. Memorandum From the Assistant Secretary of State for Near Eastern and South Asian Affairs (Saunders) to Secretary of State Vance (16.12.1979). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d101>
37. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 126. Memorandum for the Record (29.12.1979). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d126>
38. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 131. Minutes of a National Security Council Meeting (02.01.1980). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d131>
39. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 132. Telegram From the U.S. Mission to the United Nations to the Department of State (06.01.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d132>
40. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 157. Telegram From the Embassy in the United Kingdom to the Department of State and the White House (20.01.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d157>
41. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 162. Memorandum From Gary Sick of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Brzezinski) (24.01.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d162>
42. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 163. Summary of a Special Meeting (24.01.1980). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d163>
43. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 164. Memorandum of Conversation. URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d164>
44. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 168. Memorandum From Secretary of State

- Vance to President Carter. URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d168>
45. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 180. Telegram From the Embassy in Switzerland to the Department of State (10.02.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d180>
46. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 184. Handwritten Memorandum From the White House Chief of Staff (Jordan) to President Carter. URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d184>
47. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 189. Editorial Note. URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d189>
48. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 203. Editorial Note. URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d203>
49. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 207. Telegram From the Embassy in Switzerland to the Department of State (13.03.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d207>
50. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 208 Telegram From the Embassy in Switzerland to the Department of State (14.03.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d208>
51. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 220. Message From the U.S. Government to Iranian President Bani-Sadr (24.03.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d220>
52. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 225. Message From the Swiss Chargé d’Affaires in Iran (Kaiser) to the Department of State (27.03.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d225>
53. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 227. Message From the U.S. Government to Iranian President Bani-Sadr (29.03.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d227>
54. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 226. Message From the Swiss Chargé d’Affaires in Iran (Kaiser) to the Department of State (27.03.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d226>
55. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 228. Message From the Swiss Ambassador to Iran (Lang) to the Department of State (30.03.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d228>
56. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 230. Paper Prepared by the Swiss Ambassador to Iran (Lang) (31.03.1980). URL:
<https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d230>

57. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 231. Record of a National Security Council Meeting (31.03.1980). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d231>
58. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 233. Record of an Oval Office Meeting (01.04.1980). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d233>
59. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 238. Draft Message From the U.S. Government to Iranian President Bani-Sadr and Iranian Foreign Minister Ghotbzadeh (03.04.1980). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d238>
60. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 243. Memorandum of Conversation (05.04.1980). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d243>
61. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 245. Minutes of a National Security Council Meeting (07.04.1980). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d245>
62. USDS: OH [Electronic resource] FRUS, 1977–1980, Vol. XI, Part 1, Iran: Hostage Crisis, November 1979–September 1980. Doc. 268. Telegram From the Department of State to the Embassy in Switzerland (25.04.1980). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v11p1/d268>
63. Waldburger A. Missionare und Moslems: die Basler Mission in Persien, 1833–1837. – Basel: Basileia-Verlag, 1983. 259 s.

Discussion of the Japanese intervention in the Far East and Siberia in the House of Commons of Great Britain on March 14, 1918 as an event of the British policy of intervention in Russia

Mironiuk Sergei

PhD in History

Assistant Lecturer, Department of History, Institute of Economics and Management in Agribusiness, Russian Timiryazev State Agrarian University

127550, Russia, Moscow, ul. Timiryazevskaya, 49

✉ privetsergey95@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the discussion on March 14, 1918 in the House of Commons of Great Britain of the Japanese intervention in the Far East and Siberia as the events of the British intervention in Russia. In this regard, the speeches of deputies from various political forces and a high-ranking official of the Military Cabinet of the United Kingdom in the lower house of parliament are disclosed and analyzed. Thanks to the content analysis method and the system method, not only the positions and arguments of the participants in the discussion are presented in detail, but also the connection of their speeches with the military-political and international situation that developed in March 1918 and which influenced the dynamics of the discussion is revealed. The scientific novelty is that for the first time in the historiography of the Civil War and foreign intervention in Russia, a

meeting of the lower house of Great Britain on the Japanese intervention in the Far East and Siberia is considered in the context of the history of British intervention policy in Russia and the significance of this event for this policy. The main conclusions of the study are that, despite the lack of a unified position in the House of Commons on the issue of Japanese intervention in the Far East and Siberia, the War Cabinet has caught the trend in favor of Japanese intervention in these Russian regions. As a result, he cautiously began to build a policy of intervention against Russia and to determine the place of Japanese intervention in it. Only large-scale events could force the House of Commons to adopt the policy that the Cabinet considered necessary to pursue in the current circumstances.

Keywords: Lloyd George, House of Commons, War Cabinet, Great Britain, Japan, Soviet Russia, Far East, Siberia, intervention, Civil War

References (transliterated)

1. Anishev A. I. Ocherki istorii grazhdanskoi voiny 1917-1920. L.: Gos. izd-vo, 1925. 288 s.
2. Pavlovich M. P. Sovetskaya Rossiya i kapitalisticheskaya Angliya (ot epokhi tsarizma do pravitel'stva Chemberlena-Bolduina 1925 g.). M.: Gosizdat, 1925. 85 s.
3. Pokrovskii M. N. Vneshnyaya politika Rossii v XX veke. M.: Izdatel'stvo kommun. un-ta im. Ya. M. Sverdlova, 1926. 97 s.
4. Yakovlev N. N., Polunin S. Angliiskaya interentsiya v 1918-1920 gg. M.-L.: Gosizdat, 1928. 104 s.
5. Mints I. I. Angliiskaya interentsiya i severnaya kontrrevolyutsiya. M.-L.: Gosizdat, 1931. 255 s.
6. Myrrin G. E. Anglo-amerikanskaya voennaya interentsiya na Severe i ee razgrom. Arkhangel'sk, Arkhang. kn. izd-vo, 1953. 227 s.
7. Solov'ev O. F. Podgotovka i nachalo interentsii protiv Sovetskoi Rossii // Voprosy istorii. 1967. № 7. S. 38-53.
8. Kuz'min G. V. Razgrom interentov i belogvardeitsev v 1917-1922 gg. M.: Voenizdat, 1977. 411 s.
9. Livshits S. G. Imperialisticheskaya interentsiya v Sibiri v 1918-1920 gg. Barnaul: Knigoizdat, 1979. 177 s.
10. Volkov F. D. Tainy Uaitkholla i Dauning-strit. M.: Mysl', 1980. 462 s.
11. Svetachev M. I. Imperialisticheskaya interentsiya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1918-1922 gg.). Novosibirsk: Nauka, 1983. 336 s.
12. Dumova N. G., Trukhanovskii V. G. Cherchill' i Milyukov protiv Sovetskoi Rossii. M.: Nauka, 1989. 202 s.
13. Utkin A. I. Pervaya mirovaya voina. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2013. 560 s.
14. Bystrova N. E. "Russkii vopros" v 1917 - nachale 1920 g.: Sovetskaya Rossiya i velikie derzhavy. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 368 s.
15. Sergeev E. Yu. Bol'sheviki i anglichane: sovetsko-britanskie otnosheniya, 1918-1924 gg.: ot interentsii k priznaniyu. Sankt-Peterburg: Nauka, 2019. 830 s.
16. Coates W. P., Coates Z. K. Armed Intervention in Russia, 1918-1922. London: Victor Gollancz Ltd, 1935. 400 p.
17. White J. The Siberian Intervention. Princeton: Princeton University Press, 1950. 269 p.
18. Albert J. The Siberian Intervention. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1950.

455 p.

19. Kennan J. F. The Soviet-American relations, 1917-1920: in 2 vol. Vol. 1: Russia leaves the war. Princeton (N. J.): Princeton Univ. Press, 1956. XIII, 544 p.
20. Kennan J. F. The Soviet-American relations, 1917-1920: in 2 vol. Vol. 2: The decision to intervene. Princeton (N. J.): Princeton Univ. Press, 1958. XII, 513 p.
21. Sellen R. W. The British Intervention in Russia, 1917-1920: I // The Dalhousie Review. 1960. Vol. 40. P. 360-361.
22. Sellen R. W. The British Intervention in Russia, 1917-1920: II // The Dalhousie Review, 1961. Vol. 40. P. 520-531.
23. Swettenham J. Allied Intervention in Russia and Part Played by Canada. London: George Allen & Unwin, 1966. 326 p.
24. Bradley J. F. N. Allied Intervention in Russia, 1917-1920. New York: Basic Books, 1968. XXII + 251 p.
25. Jackson R. At War with the Bolsheviks: Allied Intervention into Russia, 1917-1920. London: Tom Stacey, 1972. 251 p
26. Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917-1921: in 3 vol. Vol. 1: Intervention and the War. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1961. XII, 360 p.
27. Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917-1921: in 3 vol. Vol. 2: Britain and the Russian Civil War. November 1918 - February 1920. Princeton, New Jersey. Princeton Univ. Press, 1968. XX, 395 p.
28. Keeble C. Britain and Soviet Union, 1917-89. Basingstoke (Hants.); London: Macmillan, 1990. XIV, 387 p.
29. Hudson M. Intervention in Russia, 1918-1920: a Cautionary Tale. Barnsley, South Yorkshire: Pen and Sword, 2004. 224 p.
30. Moffat I. Allied Intervention in Russia, 1918-1920: the Diplomacy of Chaos. London: Palgrave Macmillan, 2015. 317 p.
31. G.T. 3891. Effect of German Access to Odessa and thence through Baku to N.W. Persia. Note by C.I.G.S. March 11, 1918 // THA. CAB 24/44/91. P. 264-266.
32. Mironyuk S. A. Intellektual'noe obespechenie interventsii v Rossiyu v zapiskakh britanskikh generalov G. Vil'sona i F. Pulya // Zhurnal rossiiskikh i vostochnoeuropeiskikh istoricheskikh issledovanii. 2022. № 2 (29). S. 116-140. doi: 10.24412/2409-1413/2022-2-116-140
33. Poltorak S. N. Brest-Litovsk. 100 let istorii peregovorov o mire. SPb.: OOO, "Izdatel'skii tsentr "Ostrov" 2018. 292 s.
34. G.T. 2905. Supplies to Russia and Roumania. Memo. for War Cabinet December 6, 1917 // TNA. CAB 24/35/5. P. 32-34.
35. G.T. 337. Siberia. Memo by Lord Curzon. December 20, 1919 // TNA. CAB 24/95/38. P. 164-176.
36. Mironyuk S. A. Kontrol' nad Transsibirskskoi zheleznoi dorogoi kak motiv uchastiya Britanii v soyuznoi interventsii na Dal'nem Vostoke i v Sibiri v 1917-1919 i ee rol' v etoi operatsii (na osnove memoranduma Dzh. N. Kerzona "Sibir" ot 20 dekabrya 1919 g.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 458. S. 153-159. doi: 10.17223/15617793/458/19
37. Schimmelpenninck van der Oye D., Mironyuk S. Bystrova, Nina E. 'Russkii vopros' v 1917 - nachale 1920 g.: Sovetskaya Rossiya i velikie derzhavy. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016, 368 p. // RUDN Journal of Russian History. 2019. Vol. 18. № 1. P. 182-186. doi: 10.22363/2312-8674-2019-18-1-

182-186

38. Russia and Japan // Parliamentary Debates. House of Commons. March 14, 1918. P. 510-603.

Economic aspects of the Anglo-French confrontation during the Napoleonic Wars

Morzheedov Vladislav Gennad'evich □

Senior Lecturer, the Department of Fundamental Legal and Socio-Humanities Disciplines, Synergy University;
Senior Lecturer, Department of History of Russia, Faculty of Humanities and Social Sciences, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

105318, Russia, Moscow, Izmailovsky Val str., 2

✉ wladek@rambler.ru

Abstract. The article deals with the problem of economic confrontation between France and Britain during the Napoleonic Wars. The subject of the study is the nature and conditions of the Anglo-French confrontation through the prism of economic processes. The object of the study are those measures and actions that were taken by France and Britain in order to establish their own economic superiority, special attention is paid to the Continental Blockade introduced by Napoleon I Bonaparte. The purpose of the study is to analyze the causes and consequences of Anglo-French rivalry, as well as the peculiarities of the development of national economies in wartime conditions. The article discusses the measures that have been taken to overcome the crisis phenomena by the governments of France and Britain in connection with the conduct of a policy of mutual blockade. The special role of the naval force and the smuggling trade is noted. The author uses chronological, historical-comparative and historical-system research methods in his work. The results of the study may be of interest to specialists in economic or military history, as well as in the theory and history of international relations. There are still conflicting assessments of the effectiveness and consequences of the economic measures taken by the French and British governments to establish their own hegemony on the European continent. The novelty of the study consists in a comprehensive examination of the nature of the economic confrontation between the two European "superpowers" in the early XIX century. The relevance of the study is determined by the fact that the instrument of economic blockade, the policy of sanctions and counter-sanctions, as well as trade wars remain one of the most important elements of the military-political confrontation of various modern states.

Keywords: contraband, port, industry, trade, Napoleon Bonaparte, The Continental Blockade, confrontation, Britain, Economy, France

References (transliterated)

1. Arskaya L.P. Ogranicheniya v mezhunarodnoi torgovle i ikh sotsial'no-ekonomicheskie proektsii. Rokovaya oshibka Napoleona Bonaparta // Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. Vypusk 10. Chast' I. M.: INION RAN, 2015. S. 237-240.
2. Baklanov V.I. Vostok-Zapad-Rossiya: XIX - pervye desyatiletia XXI veka: Monografiya / V.I. Baklanov. M.: Moskovskii gosudarstvennyi universitet pishchevykh proizvodstv, 2014. 496 s.
3. Vallerstain I. Mir-sistema Moderna. Tom III. Vtoraya epokha velikoi ekspansii kapitalisticheskogo mira-ekonomiki, 1730—1840-e gody. M.: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2016. 528 s.

4. Vsemirnaya istoriya: V 24 t. T.1. Evropa pod vliyaniem Frantsii / A.N. Badak, I.E. Voinich, N.M. Volchek i dr. Mn.: Literatura, 1998. 560 c.
5. Dyukov A.N. Tamozhennye sluzhby v usloviyah torgovykh blokad i sanktsii (istoricheskii aspekt). // Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii. 2008. № 2 (3). S. 24–31.
6. Iskyul' S.N. Frantsiya, Rossiya i ternii Til'zitskogo «braka» // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. 2015. № 1 (5). S. 150–172.
7. Kagarlitskii, B. Yu. Ot imperii-k imperializmu. Gosudarstvo i vozniknovenie burzhuaaznoi tsivilizatsii M.: Izd. dom Gos. un-ta-Vysshei shkoly ekonomiki, 2010. 680 s.
8. Lin'kova E.V. Sharl' Andre Potstso di Borgo – korsikanets na russkoi sluzhbe, «Reshivshii sud'by Frantsii» // Vestnik RUDN. Iстория Rossii. – 2017. – № 4. – S. 602–616.
9. Manfred A. Napoleon Bonapart. M.: Mysl', 1987. 735 s.
10. Mekhen A. T. Vliyanie morskoi sily na Frantsuzskuyu revolyutsiyu i. imperiyu. V 2 t. T.II: 1802–1812. M.: OOO «Izdatel'stvo AST»; SPb.: Terra Fantastica, 2002. 603 s.
11. Myunkler, G. Imperii. Logika gospodstva nad mirom: ot Drevnego Rima do SShA. M.: Kuchkovo pole, 2015. 400 s.
12. Tarle E.V. Napoleon. M.: Pressa. 1992. 640 s.
13. Freitag-Loringhofen fon G. Voina i politika v Novoe vremya. 1648–1900. SPb.: Evraziya, 2021. 352 s.
14. Crouzet F. L'Economie britannique et le Blocus continental (1806–1813). Paris: Presses Universitaires de France, 1958. 949 p.

Three-stage periodization of the history of nationalism of Miroslav Hroch as an "ideal model" and the prospects for its application to Iranian historical studies

Kyrchanoff Maksym Waler'evich

Doctor of History

Voronezh State University, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Faculty of International Relations; Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Faculty of History, ResearcherID: B-8694-2017; Scopus Author ID: 57193934324

394077, Russia, Voronezh region, Voronezh, Pushkinskaya str., 16, office 236

✉ maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract. The author analyzes the features and contradictions in the development of Iranian nationalism historical forms in contexts of the ideal models proposed in modernist historiography. The article focuses on the problems of nationalism's inability to become the dominant political force that constructs the main features of the societal and state developments in Iran. The article is an attempt to transplant classical theories of nationalism into Iranian historical and cultural contexts. The author uses a three-stage "ideal" model of the development of nationalism originally proposed by Miroslav Hroch. Using the modernist approach of Miroslav Hroch, the author presumes that since the 19th century, traditions of political and ethnic nationalism developed in Iran when Qajars and Pahlavi dynasties actualized various strategies of nationalist modernization. The article presents a comparative analysis of various historical forms of Iranian nationalism in the context of the constructivist approach, formulated in the three-stage periodization of Miroslav Hroch. It is assumed that the nationalist modernization of the Qajars and Pahlavi in Iranian historiography is perceived

through the prism of a constructivist approach. Therefore, the causes and forms of the crisis of the nationalist project in Iran are also analyzed with use of the "ideal" chronology of nationalism formulated by M. Hroch in contexts of the competition between the political principles of the nation and the religious ideals of the Ummah.

Keywords: three stages of nationalism, ideal models, modernization, Miroslav Hroch, nationalism, Pahlavi, Qajars, Iran, Ummah, Shiism

References (transliterated)

1. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Verso, 1983. 256 p.
2. Gellner E. Nations and Nationalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 170 p.
3. Gellner E. Saints of the Atlas. Chicago: University of Chicago Press, 1969. 350 p.
4. Gellner E. Muslim Society. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 1981. 267 p.
5. Hroch M. Die Vorkampfer Der Nationalen Bewegung Bei Den Kleinen Volkern Europas. Praha: Universita Karlova, 1968. 171 s.
6. Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 229 p.
7. Constructing Nationalism in Iran: From the Qajars to the Islamic Republic. Ed. M. Litvak. L. – NY.: Routledge, 2017. 300 p.
8. Keddie N. Qajar Iran and the Rise of Reza Khan 1796–1925. Costa Mesa, Cal.: Mazda Pub., 2012. 174 p.
9. Perceptions of Iran: History, Myths and Nationalism from Medieval Persia to the Islamic Republic. Ed. A.M. Ansari. L. – NY.: I.B. Tauris, 2013. 257 p.
10. Adib-Moghaddam A. Psycho-nationalism: Global Thought, Iranian Imaginations. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 178 p.
11. Kashani-Sabet F. Frontier Fictions: Shaping the Iranian Nation, 1804–1946. Princeton: Princeton University Press, 2011. 328 p.
12. Kozhanov N.A, Bogacheva A.S. Islamskaya Respublika Iran v poiske svoego vneshnopoliticheskogo «ya»: revolyutsionnoe novatorstvo ili preemstvennost'? // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2020. T. 13. № 2. S. 141–162.
13. Ravandi-Fadai L. Osobennosti natsional'noi politiki v sovremennom Irane // Vestnik Rossiiskoi Natsii. 2013. № 1 – 2. S. 209–219.
14. Kirchanov M.V. Feminnaya telesnost' v massovoi kul'ture Irana: mezhdu obnazheniem i marginalizatsiei // Corpus Mundi. 2021. T. 2. № 3 (7). S. 70–124.
15. Kirchanov M.V. "Ariiskii mif" kak frontirnyi sluchai izobreteniya traditsii i istoricheskogo voobrazheniya nezападных natsionalizmov // Zhurnal frontirnykh issledovanii. 2020. T. 5. № 2 (18). S. 122–157.
16. Kirchanov M.V. Politika pamyati v Islamskoi Respublike Iran kak nezapadnaya forma istoricheskoi politiki (mezhdu tsennostyami ummy i printsipami natsionalizma) // Vestnik Permskogo universiteta. Istorya. 2021. № 4(55). S. 46–55.
17. Doss F. Kak segodnya pishetsya istoriya: vzglyad s frantsuzskoi storony // Kak my pishem istoriyu / Otv. red. G. Garreta, G. Dyufo, L. Pimenova. M.: ROSSPEN, 2013. S. 27.

18. Ali Akbar Kamāli Ardakāni, Emāme Xomeyniyo bāzsāziye hoviyate melli dar Irān [Ali Akbar Kamali Ardakan, Imam Khomeini i vosstanovlenie natsional'noi identichnosti v Irane] // Hozur-e [Prisutstvие]. 1384. № 54. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/54317/> (data obrashcheniya: 03.01.2022)
19. Rethinking Iranian Nationalism and Modernity / Eds. K. Aghaie, A. Marashi. Austin: University of Texas Press, 2014. 374 p.
20. Sharifi M. Imagining Iran: The Tragedy of Subaltern Nationalism. Lanham: Lexington Books, 2013. 375 p.
21. Marashi A. Nationalizing Iran: Culture, Power, and the State, 1870–1940. Seattle: University of Washington Press, 2008. 200 p.
22. Kia M. Persianate Selves: Memories of Place and Origin Before Nationalism. Stanford: Stanford University Press, 2020. 336 p.
23. Adib Borumand, Melligerāyiye tafhime pišrafthāye bāstāni be mardom ast [Adib Borumand, Natsionalizm – eto ob"yasnenie drevnego progressa lyudyam] // Tārixe Irān [Iranskaya istoriya]. 1392. Ordibehešt 22. URL.: <http://tarikhirani.ir/fa/news/3186/> (data obrashcheniya: 03.01.2022)
24. Ali Morshedizad, Maktab-e irāni estefāde abzāri az nāsiyonālism-ast [Ali Morshedizad, Iranskaya shkola – instrument natsionalizma] // Tārixe Irān [Iranskaya istoriya]. 1390. Farvardine 7. URL.: <http://tarikhirani.ir/fa/news/576/> (data obrashcheniya: 03.01.2022)
25. Turaje Atābaki, Tanavvoe qowmiyo tamāmiyate arziye Irān sāzgāriye dāxeliyo moxāterāte mantaqei [Turadzh Atabaki, Etnicheskoe raznoobrazie i territorial'naya tselostnost' Irana Vnutrennyaya sovmestimost' i regional'nye opasnosti] // Goftogu [Beseda]. 1384. № 43. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/205500/> (data obrashcheniya: 03.01.2022)
26. Mohammad Bāqer Hešmatzāde, Seyyed Mohammad, Wahab Nazaryan, Solmāz Heydari Delfard, Nāsiyonālism az manzare šahrvandi dar asre Pahluye avval bā ta'kid bar qowmiyathā [Mokhammad Baker Kheshmatzade, Seied Mokhammad, Vakhab Nazaryan, Solmaz Kheidari Del'fard, Natsionalizm s tochki zreniya grazhdanstva v epokhu pervykh Pekhlevi s aktsentom na etnicheskuyu prinadlezhnost'] // Jostārhāye siyāsiye moāser [Sovremennye politicheskie issledovaniya]. 1393. № 13. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/336967/> (data obrashcheniya: 03.01.2022)
27. Abuzar Delāvar, Farhange siyāsiye noxbegāne hākem dar dowreye Pahluye dovvom [Abuzar Delavar, Politicheskaya kul'tura pravyashchikh elit vo vtoroi period Pekhlevi] // Goftogu [Beseda]. 1387. № 53. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/205603/> (data obrashcheniya: 03.01.2022)
28. Morād Saqafi, Rasāeli dar bāb hokumat mundi: bāzbiniye talāše siyāsiye noxbegāne Irān dar dowreye Qājār [Murad Sagkhafi, Ocherki upravleniya: obzor politicheskikh usilii iranskikh elit v period Kadzharov] // Goftogu [Beseda]. 1384. № 44. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/205512/> (data obrashcheniya: 03.01.2022)
29. Hilman M. Nāsiyonālisme irāniyo adabiyāte moderne fārsi / tarjome-ye Said Mohebbi [Khillman M. Iranskii natsionalizm i sovremennaya persidskaya literatura / per. Said Mokhebbi] // Kian. 1376. № 38. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/174930/> (data obrashcheniya: 03.01.2022)
30. Jamšid Behnām, Irāniyān-o andiše-ye tajaddod. Tehrān: Farzan Rooz, 1399. 192 s. [Dzhamshid Bekhnam, Irantsy i kontseptsiya sovremenosti. Tegeran: 1399. 192 s.]
31. Dargozašte Jamšid Behnām: āmeešenāsi ke az tārix tajaddod nevešt [Umer Dzhamshid Bekhnam – sotsiolog, pisavshii ob istorii sovremenosti] // Tārixe Irān [Iranskaya istoriya]. 1400. Ābān 26. URL.: <http://tarikhirani.ir/fa/news/8714/> (data obrashcheniya: 03.01.2022)

- obrashcheniya: 03.01.2022)
32. Davaran F. Continuity in Iranian Identity: Resilience of a Cultural Heritage. L. – NY.: Routledge, 2010. 287 p.
 33. Zia-Ebrahimi R. The Emergence of Iranian Nationalism: Race and the Politics of Dislocation. NY.: Columbia University Press, 2018. 312 r.
 34. Dāryuš Rahmāniyān, Melligerāyiye āmele taxassosiye šodane tārix Irān ast [Dariush Rakhmanyan, Natsionalizm – faktor osobennosti iranskoi istorii] // Tārixe Irān [Iranskaya istoriya]. 1391. Tir 21. URL.: <http://tarikhirani.ir/fa/news/2387/> (data obrashcheniya: 03.01.2022)
 35. Ali Ašraf Nazari, Nāsiyonālismo hoviyate irāni: motāleeye mowrediye dowreye Pahluye avval [Ali Ashraf Nazari, Iranskii natsionalizm i identichnost': primer pervogo perioda Pekhlevi] // Pažuheše hoquqo siyāsat [Politicheskie i pravovye issledovaniya]. 1386. № 22. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/221361/> (data obrashcheniya: 03.01.2022)
 36. Maryame Parvin, Rezāšāh šabahe nāsiyonālisme irāni [Mar'ym Parvin, Reza-shakh i iranskii kvazinatsionalizm] // Yāde ayyām [Pamyat' o proshlom]. 1388. № 54. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/126663/> (data obrashcheniya: 03.01.2022)
 37. Giti Našat, Az bāzāre sonnati tā bāzāre modern: Irān qarne nuzdahom [Giti Nashat, Ot traditsionnogo rynka k sovremennomu: Iran XIX veka] // Goftogu [Beseda]. 1383. № 41. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/205481/> (data obrashcheniya: 03.01.2022)
 38. Ārang Kešāvarziyān, Bāzāre Tehrān: tadāvom yā degarguni? [Arang Keshavarziyan, Tegeranskii bazar: preemstvennost' ili transformatsiya?] // Goftogu [Beseda]. 1383. № 41. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/205480/> (data obrashcheniya: 03.01.2022)
 39. Kātam R. Nāsiyonālism dar Irān / tarjomeye Ahmad Tadayyon. Tehrān: Entešārāte Kavir, 1371. 506 r. [Chatem R. Natsionalizm v Irane / per. Akhmad Tadaion. Tegeran: Entešārāte Kavir, 1371. 506 s.]
 40. Qronin E. Rezāšāho šeklgiriye Irān novin / tarjomeye Mortezā Sāqebfar. Tehrān, Entešārāte Jāmi, 1387. 288 s. [Kronin St. Reza Shakh i formirovanie sovremennoego Irana / Per. Morteza Sagebfara. Tegeran: Entešārāte Jāmi, 1387. 288 s.].
 41. Farzin Vahdat, Ruyāruyiye fekriye Irān bā modernat / tarjomeye Mahdiye Haqqatxāh. Tehrān: Entešārāt-e Qoqnus, 1382. 368 s. [Farzin Vakhdat, Intellektual'naya konfrontatsiya Irana s sovremenost'yu / per. Mekhdi Khagigatkha. Tegeran: Entešārāt-e Qoqnus, 1382. 368 c.]
 42. Māšāallāhi Ājudāni, Yā marg yā tajaddod. Tehrān: Našre Axtarān, 1382. 304 s. [Mashallakh Adzhudani, Smert' ili sovremennost'. Tegeran: Našre Axtarān, 1382. 304 c.]
 43. Rezā Qods, Ali Tāyefi, Nāsiyonālisme irāni yo Rezā šāh [Reza Kuds, Ali Taifi, Iranskii natsionalizm i Reza Shakh] // Farhang-e towsee [Razvitie kul'tury]. 1375. № 23. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/287868/> (data obrashcheniya: 03.01.2022)
 44. Alirezā Zāker, Rišehāye nāsiyonālisme irāni dar asre mašrute [Alireza Zakir, Korni iranskogo natsionalizma v konstitutsionnyu epokhu] // Faslnāmeye āmuze [Ezhekvartal'nyi zhurnal]. 1383. № 6. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/36692/> (data obrashcheniya: 03.01.2022)
 45. Seyyed Mirzāyi, Nāsiyonālismo modernite siyāsi dar mašrute irāni [Seied Mirzai, Natsionalizm i politicheskaya sovremennost' v iranskoi konstitutsii] // Jāmee šenāsi tārixi [Istoricheskaya sotsiologiya]. 1395. № 2. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/368903/> (data obrashcheniya: 03.01.2022)
 46. Musā Qaniye Nežāde, Kiyāne Pārsā, Nāsiyonālism, pāšneye āšil tajaddod irāni [Musa Ganiedzhad, Kian Parsa, Natsionalizm – Akhillesova pyata iranskoi sovremennosti] //

Šahrvande [Grazhdanin] 1386. № 18. URL.: <http://ensani.ir/fa/article/45734/> (data obrashcheniya: 03.01.2022)

47. Tehrani F., Amirkhani A. The Effects of Identity, Culture and Ideology on the Formation of Iranian Cities. Berlin: Dehnert und Heimsoth Verlag, 2021. 76 p.
48. Meskoob Sh. Iranian National Identity and the Persian Language: Roles of the Court, Religion, and Sufism in Persian Prose Writing. Washington, DC: Mage Publisher, 2015. 178 p.

U.S. policy in Iraq in the 1990s – early 2000s. The last decade of "undemocratic" Iraq

 Belousova Kseniya Andreevna

Doctor of History

Associate Professor, Contemporary History of Europe and America Department, History and Policy Institute
Moscow State Pedagogical University

119296, Russia, Moscow, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 88, office 337

 belousova_k_a@bk.ru

Abstract. The foreign policy of the United States cannot but be relevant, because, having decided for the whole world that only they can bring order and sow democratic values throughout the globe, their policy and its consequences lead, on the contrary, to discord and chaos. The Middle East region, even without US intervention, is a complex knot of contradictions: the unresolved Arab-Israeli conflict, the importance of the region as an oil-bearing one, terrorism, Islamic fundamentalism sometimes acquiring extreme forms, etc. Iraq, which in essence has never been in the orbit of American influence, has therefore become a threat to US national interests. Using a combination of chronological and case-based approaches, we tried to reveal all the main elements of US policy in Iraq in the last decade of the Ba'ath Party's rule: the issue of sanctions, the problem of the south and north of the country, the activities of the UN commission, etc. "Democratizing" Iraq from 1993 to 2003 the United States pursued an unprincipled and anti-human policy, as a result of which hundreds of thousands of people died, industry was completely disorganized, and in the recent past, under the dictatorship of S. Hussein, a prosperous state rolled back into the pre-industrial era. Operation Iraqi Freedom in 2003 disintegrated the country, turning it into a quasi-state.

Keywords: UN, unmanned zones, S. Hussein, oil industry, sanctions, democratization, US foreign policy, UNSCOM activities, Iraq, war in Iraq

References (transliterated)

1. Ustav OON (polnyi tekst) [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (data obrashcheniya: 12.04.2023).
2. Rezolyutsiya SB OON № 661 ot 6 avgusta 1990 g. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/575/85/PDF/NR057585.pdf?OpenElement> (data obrashcheniya: 12.04.2023).
3. Rezolyutsiya SB OON № 670 ot 25 sentyabrya 1990 g. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/575/94/PDF/NR057594.pdf?OpenElement> (data obrashcheniya: 12.04.2023).

4. Rezolyutsiya SB OON № 687 ot 3 aprelya 1991 g. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/597/07/PDF/NR059707.pdf?OpenElement>
5. Rezolyutsiya SB OON № 1441 ot 8 noyabrya 2002 g. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/682/28/PDF/N0268228.pdf?OpenElement> (data obrashcheniya: 12.04.2023).
6. Rezolyutsiya SB OON № 1483 ot 22 maya 2003 g. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.un.org/Depts/unmovic/new/documents/resolutions/s-res-1483.pdf> (data obrashcheniya: 12.04.2023).
7. Bedran' V.V. Mekhanizmy informatsionnoi voiny SShA protiv Iraka v nachale XXI v. // Vestnik RGGU. 2012. № 7. – S. 186-195.
8. Butba K.V. Cherty kolonializma v politike SShA v Irake. Sovremennaya politika SShA v Irake v kontse XX – nachale XXI v. // Orients Vostok. 2012. № 1. – S. 109-119.
9. Kiva A.V. «Arabskaya vesna»: svet i teni // Novaya i noveishaya istoriya. 2015. № 4. – S. 73-87.
10. Kireev A.A. Politika SShA na Blizhnem Vostoke v 1990-e gg. (strategiya administratsii B. Klinton'a). – M.: Prometei, 2007. – 336 s.
11. Mlechin L.M. Putin, Bush i voyna v Irake. – M.: Eksmo, 2005. – 638 s.
12. Khusein sochuvstvuet SShA, no prosit ne speshit' s bombardirovkami. Obrashchenie Prezidenta Iraka S. Khuseina k narodam SShA, Zapadnoi Evropy i ikh pravitel'stvam. Bagdad, 15.09.2001 [Elektronnyi resurs]. – URL <https://lenta.ru/news/2001/09/15/hussein/> (data obrashcheniya: 12.04.2023).
13. Olbrait M. Gospozha gossekretar'. Memuary. – M.: Al'pina Biznes Buks, 2004. – 688 s.
14. Primakov E.M. Gody v bol'shoi politike. – M.: Kolleksiya «Sovershenno sekretno», 1999. – 448 s.
15. Respublika Irak v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii (80-e gody XX v. – nachalo XXI v.). – M.: In-t vostokovedeniya RAN, 2002. – 261 s.
16. Clinton W. Confronting the Challenges of a Broader World // U.S. Department of State Dispatch. Sept. 1993. Vol. 4. № 39.
17. Cordesman A., Hashim A., Iraq. Sanctions and Beyond, N.Y., 1997. – 415 p.
18. Country profile / EIU (The Economist intelligence unit). Iraq. – London: Economist intelligence unit, 2001.
19. Facing Saddam's Iraq: Disarray in the International Community. Hearings before the Committee on Foreign Relations United States Senate [Elektronnyi resurs]. September 28. 1999. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-106shrg61363/html/CHRG-106shrg61363.htm> (data obrashcheniya: 12.04.2023).
20. From Globalism to Regionalism: New Perspectives of US Foreign and Defense Policies. Ed. by P.M. Cronin. – Washington, D.C.: National Defense University Press, 1993. – 260 p.
21. Goodman A., Interview with Bill Clinton // Democracy Now. November 9. 2000.
22. Iraq under siege. The deadly impact of Sanctions and War. Ed. by A. Arnone. Cambridge SouthEnd Pres, 2000. – 192 p.
23. Kaplan L., Kristol W. The war over Iraq: Saddam's tyranny and America's mission. – San Francisco (Cal.): Encounter Books, 2003. – 256 p.
24. New York Times. December 7. 1997.
25. New York Times. February 23. 1998.

26. New York Times. February 24. 1998.
27. New York Times. March 3. 1998.
28. New York Times, March 4, 1998.
29. New York Times. September 9. 1998.
30. The future of US foreign policy: Regional issues: Hearing before the Comm. on foreign affairs, House of rep., 103d Congress, 1st sess., Pt. 1, February 2, 3, 17, 23, 24. March 18, 1993. – Wash.: GPO, 1993.
31. The Secret Downing Street Memo [Elektronnyi resurs] // Times online, May 1, 2005. – URL:
<https://web.archive.org/web/20090212110902/http://www.timesonline.co.uk/tol/news/politics/election2005/article387390.ece> (data obrashcheniya: 12.04.2023).
32. The US policy regarding United Nations inspections of Iraqi chemical sites: Joint hearing before the Comm. on foreign relations a. Comm. an armed serviced, US Senate, 105th Congress, 2d sess. September 3. 1998. – Wash.: GPO, 1999.
33. United States policy in Iraq: Public diplomacy a. private policy: Hearing before the Subcomm. on Near Eastern a. South Asian affairs of the Comm. on foreign relations, US Senate, 105th Congress, 2d sess. September 9. 1998. – R. 4-9.
34. US policy toward Iraq: Hearing before the Comm. on intern. relations, House of rep., 104th Congress, 2nd sess., March 28, 1996. – Wash.: GPO, 1996. – R. 3.
35. Wall Street Journal. March 3. 1998.
36. Washington Post. August 26.1998.
37. Weekly Compilation of Presidential Documents. Wash., May 24, 1993. Vol. 29. № 20.
38. Weekly Compilation of Presidential Documents. Wash., September 27, 1993. Vol. 29. № 38.
39. Weekly Compilation of Presidential Documents. Wash., November 12, 1997. Vol. 33. № 46.
40. Weekly Compilation of Presidential Documents. Wash., November 20, 1998. Vol. 34. № 47.
41. Weekly Compilation of Presidential Documents. Wash., December 22, 1998. Vol. 34. № 51

Potential of regional periodicals for the history of Russian musical culture in the second half of the 1960s.

Tuzova Olga Vladimirovna

Doctor of History

Professor, Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Samara State Technical University

443100, Russia, g. Samara, ul. Molodogvardeiskaya, 244

 ovtuzova@mail.ru

Erokhina Karina Sergeevna

student, Department of Automation of Technological Processes and Production, Samara State Technical University

443100, Russia, Samarskaya oblast', g. Samara, ul. Molodogvardeiskaya, 244

 karinaerochina561@gmail.com

Abstract. The object of the study is the national musical culture, the subject is the

information potential of the newspaper "Volga Commune" in the perspective of the reconstruction of musical culture in the second half of the 1960s. The relevance of the topic is related to the need to recreate cultural processes during the reign of L. I. Brezhnev, including in the years of the eighth five-year plan that go beyond the concept of "stagnation", the search, formation and analysis of a comprehensive source base on musical and historical issues in national and local versions. Such aspects as quantitative, specific and substantive characteristics of newspaper publications of the official print media of the Kuibyshev region are considered in detail. For the first time, an attempt was made to determine the possibilities of the periodical press for the study of musical culture during the "golden five-year plan". Using the chronological, comparative method and content analysis, the features of the "Volga Commune" as a historical source were revealed, a selection of 967 thematic information units (essays, articles, ads, feuilletons, song texts and notes, photos) was carried out. The presence of lacunae in the indications of authorship of most publications is stated. The newspaper highlights the stories of the Soviet-Bulgarian community in the musical sphere, the propaganda of the art of the peoples of the USSR, Lenin festivals, the activities of local musical institutions, including educational, amateur performers. Attention is focused on cultural initiatives and events that have become traditional — the Grushinsky Festival, student springs, etc. It is concluded that the materials of the "Volga Commune" allow us to recreate a network of musical institutions, important musical events in chronological order, some achievements and activities of professional and amateur musicians and institutions. It is noted that the regional newspaper was the most important information resource for the functioning of the Kuibyshev musical and cultural model. It is emphasized that her data have undoubted value and constitute one of the integral segments of the empirical base for further study of the musical life of Russia in the Soviet period.

Keywords: leniniana, Volga Folk Choir, Grushinsky Festival, Volzhskaya commune, eighth five-year plan, Kuibyshev region, Leonid Ilyich Brezhnev, content analysis, periodical printing, musical culture

References (transliterated)

1. Bogdanova A. V. Muzyka i vlast': (Poststalinskii period). M.: Nasledie, 1995. 432 s.
2. Bogdanova A. V. Muzykal'naya kul'tura v sovetskoi politicheskoi sisteme 1950-kh — 1980-kh gg.: Istoriko-kul'turologicheskii aspekt issledovaniya: avtoref. diss. ... doktora kul'turol. nauk: 24.00.02. M., 1999. 36 s.
3. Beloshapka N. V. Gosudarstvennoe upravlenie kul'turoi v SSSR: mekhanizm, metody, politika // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». 2009. № 2. S. 87–103.
4. Beloshapka N. V. Problemy podgotovki tvorcheskikh kadrov v SSSR vo vtoroi polovine 1960 – pervoi polovine 1980-kh gg. // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». 2017. T. 27. № 1. S. 53–61.
5. Beloshapka N. V. Politika kul'turnogo obmena s sotsialisticheskimi stranami: osobennosti opredeleniya i slozhnosti realizatsii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». 2012. № 1. S. 67–74.
6. Bukina T. V. Mezhdu naukoi i ideologiei: institutualitsiya sotsiologii muzyki v sovetskoi kul'ture kontsa 1960 — nachala 1980-kh gg. // Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo. 2011. № 4 (39). S. 69–76.
7. Bukina T. V. Ideya muzykal'noi kul'tury i sposoby ee kontseptualizatsii v

- otechestvennoi nauchnoi traditsii sovetskoi i postsovetskoi epokh. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora iskusstvovedeniya / Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena. Sankt-Peterburg, 2012. 47 s.
8. Bukina T. V. Muzykal'no-kommunikativnye i semioticheskie issledovaniya v nauchnom pole brezhnevskoi epokhi: metodologiya i ideologiya// Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoi. 2014. № 6 (35). S 72–84.
 9. Bukina T. V. Nauchnoe mifotvorchestvo brezhnevskoi epokhi: sotsiologiya muzyki kontsa 1960-kh-nachala 1980-kh gg. // Chelovek i kul'tura. 2013. № 2. S. 1–41.
 10. Zael'skaya S.A. Tema narodnogo podviga v repertuarnoi politike teatral'nykh kollektivov Urala v 1960–1980-e gg. // Velikaya Otechestvennaya voyna i problemy natsional'noi bezopasnosti sovremennoi Rossii. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya k 75-letiyu Pobedy Sovetskogo Soyuza nad fashistskoi Germaniei. Orenburg, 23–25 aprelya 2020 g. Sb. st. Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2020. S. 113–116.
 11. Zael'skaya S. A. Osnovnye napravleniya deyatel'nosti professional'nykh teatrov Urala po kul'turnomu obsluzhivaniyu sel'skogo zritelya v 1970-e gg. // Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v KhIKh — nachale KhKhI v. VI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Kolomna, 26–28 oktyabrya 2017 g. Sb. st. Kolomna: GOU VO MO «Gosudarstvennyi sotsial'no-gumanitarnyi universitet», 2020. S. 303–308.
 12. Zael'skaya S. A. Dostizheniya i problemy v razvitii khudozhestvennoi samodeyatel'nosti Orenburgskoi oblasti v 1960-e — 1970-e gg. // Desyatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen. Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 2-kh tt. Nauch. redaktor S. V. Lyubichankovskii. Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2020. S. 127–130.
 13. Zael'skaya S.A. Muzykal'nye festivali i ikh vozdeistvie na razvitie muzykal'noi kul'tury Urala v pozdnii sovetskii period 1964–1984 gg. // Pyatye Moiseevskie chteniya: istoriko-kul'turnyi i lingvisticheskii landshaft regionala. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 275-letiyu Orenburgskoi gubernii i 285-letiyu obrazovaniya Orenburgskoi komissii. Sost. i nauch. red. P.A. Yakimov. Orenburg: OOO «Izdatel'stvo "Orenburgskaya kniga"», 2019. S. 58–62.
 14. Zael'skaya S.A. Periodicheskaya pechat' Orenburgskoi oblasti v sovetskem kul'turno-informatsionnom prostranstve epokhi «obshchestvennogo zastoya»: dostizheniya i problemy // Devyatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen. Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii k 275-letiyu so dnya osnovaniya g. Orenburga, 200-letiyu so dnya rozhdeniya Orenburgskogo general-gubernatora, pochetnogo grazhdanina g. Orenburga N. A. Kryzhanovskogo, 100-letiyu organizatsii gosudarstvennoi arkhivnoi sluzhby. Nauch. red. S. V. Lyubichankovskii. Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2018. S. 307–310.
 15. Zael'skaya S.A. Vozdeistvie khudozhestvennogo radioveshchaniya na razvitie kul'turnoi zhizni naseleniya Urala v 1960–1980-e gg. // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2019. № 2 (30). S. 179–189.
 16. Troyakova Yu. K. Periodicheskaya pechat' vtoroi poloviny 60-kh-nachala 90-kh gg. XX v. kak istochnik izucheniya kul'turnogo razvitiya Sibirskei provintsii (na primere natsional'nykh raionov Sibiri) // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo

universiteta. 2013. № 2–1 (47). S. 39–42.

17. Troyakova Yu. K. Muzykal'noe obrazovanie v istorii sibirskoi provintsii v 1960–1970-e gg. (na primere Khakasii) // Vestnik KhGU im. N.F. Katanova. 2018. № 23. S. 85–87.
18. Volzhskaya kommuna. 1966. 15 dekabrya.
19. Volzhskaya kommuna. 1966. 18 dekabrya.
20. Stolbov P. Otkryvaetsya simfonicheskii sezond // Volzhskaya kommuna. 1968. 5 oktyabrya.
21. Stolbov P. Poslednii kontsert sezona // Volzhskaya kommuna. 1966. 26 maya.
22. Volzhskaya kommuna. 1966. 12 aprelya.
23. Fere A. «Tsarskaya nevesta» // Volzhskaya kommuna. 1969. 12 noyabrya.
24. Shcherbakova L. Dnevnik iskusstva // Volzhskaya kommuna. 1969. 25 oktyabrya.
25. «Veselaya vdova» Operetta v 3-kh deistviyah // Volzhskaya kommuna. 1969. 13 oktyabrya.
26. «Don Paskuale». Prem'era v opernom teatre // Volzhskaya kommuna. 1969. 7 oktyabrya.
27. Dol'skii A. Snova v rodnom gorode // Volzhskaya kommuna. 1969. 27 sentyabrya.
28. Blyumin M. Priglashenie k muzyke // Volzhskaya kommuna. 1969. 25 sentyabrya.
29. Antonov A. Pianist veka // Volzhskaya kommuna. 1969. 21 noyabrya.
30. Karev V. Orkestr Eddi Roznera // Volzhskaya kommuna. 1966. 19 marta.
31. Karev V. Kontserty N. Petrova // Volzhskaya kommuna. 1966. 29 marta.
32. Yarkaya L. «Raskinulos' more shiroko...» // Volzhskaya kommuna. 1969. 21 avgusta.
33. Vasil'ev N. Ansambl' skripachei // Volzhskaya kommuna. 1966. 25 marta.
34. Golubev O. Zhemchuzhina russkoi narodnoi pesni // Volzhskaya kommuna. 1966. 13 aprelya.
35. Volzhskaya kommuna. 1967. 26 marta.
36. Volzhskaya kommuna. 1967. 3 fevralya.
37. Volzhskaya kommuna. 1967. 25 yanvarya.
38. Volzhskaya kommuna. 1966. 4 marta.
39. Ivanov V. Velikii oktyabr' v iskusstve // Volzhskaya kommuna. 1966. 30 oktyabrya.
40. Savel'ev D. Muzyka dlya vsekh // Volzhskaya kommuna. 1966. 21 dekabrya.
41. Volzhskaya kommuna. 1966. 2 marta.
42. Chibizov E. Desyataya vesna // Volzhskaya kommuna. 1966. 6 maya.
43. Andreev V. Den' rozhdeniya // Volzhskaya kommuna. 1966. 26 maya.
44. Volzhskaya kommuna. 1967. 15 fevralya.
45. Volzhskaya kommuna. 1966. 7 iyunya.
46. Volzhskaya kommuna. 1966. 29 sentyabrya.
47. Volzhskaya kommuna. 1966. 21 yanvarya.
48. Volzhskaya kommuna. 1966. 23 fevralya.
49. Volzhskaya kommuna. 1966. 3 dekabrya.
50. Volzhskaya kommuna. 1966. 11 dekabrya.
51. Volzhskaya kommuna. 1966. 15 iyulya.
52. Volzhskaya kommuna. 1968. 24 fevralya.
53. Volzhskaya kommuna. 1966. 16 iyunya.
54. Volzhskaya kommuna. 1966. 15 iyunya.

55. Volzhskaya kommuna. 1967. 2 aprelya.
56. Berkutova A. Okrylennye mechtoi // Volzhskaya kommuna. 1968. 11 maya.
57. Rusyaev P. Detskaya muzykal'naya // Volzhskaya kommuna. 1966. 20 noyabrya.
58. Volzhskaya kommuna. 1966. 12 fevralya.
59. Volzhskaya kommuna. 1966. 20 avgusta.
60. Vechkapin Yu. Melodii Kuby // Volzhskaya kommuna. 1968. 3 yanvarya.
61. Volzhskaya kommuna. 1967. 12 aprelya.
62. Loboda A. Vecher sovetskoi muzyki // Volzhskaya kommuna. 1967. 7 dekabrya.
63. Vladimirov L. Puteshestvie v korolevstvo muzyki // Volzhskaya kommuna. 1968. 27 dekabrya.
64. Volzhskaya kommuna. 1967. 16 avgusta.
65. Lisetskii S. Slushaite pesnyu // Volzhskaya kommuna. 1968. 27 oktyabrya.
66. Volzhskaya kommuna. 1967. 9 sentyabrya.
67. Panasko E. Vystupaet khor studentov // Volzhskaya kommuna. 1968. 30 marta.
68. Bakk D. Pesnyu voz'mi v poputchiki... // Volzhskaya kommuna. 1968. 4 oktyabrya.
69. Zdravstvui, prazdnik molodezhnyi // Volzhskaya kommuna. 1966. 26 iyunya.
70. Kontsert laureatov // Volzhskaya kommuna. 1969. 22 aprelya.
71. Vechkapin Yu. Melodii Kuby // Volzhskaya kommuna. 1968. 3 yanvarya.
72. Volzhskaya kommuna. 1966. 23 oktyabrya.
73. Volzhskaya kommuna. 1967. 9 aprelya.
74. Volzhskaya kommuna. 1967. 15 aprelya.
75. Bakhirev L. Artistichnost', masterstvo // Volzhskaya kommuna. 1967. 21 aprelya.
76. Dimitrov D. Grani druzhby // Volzhskaya kommuna. 1967. 21 aprelya.
77. Volzhskaya kommuna. 1967. 18 oktyabrya.
78. Volzhskaya kommuna. 1967. 21 oktyabrya.
79. Volzhskaya kommuna. 25 noyabrya.
80. Volzhskaya kommuna. 1 dekabrya.
81. Khramkova N. P. Samarskii istorik i pedagog N. N. Yakovlev // Samarskii nauchnyi vestnik. 2013. № 4 (5). S. 149–151.
82. Yakovlev N. Plodotvornoe sodruzhestvo // Volzhskaya kommuna. 1968. 4 yanvarya.
83. Volzhskaya kommuna. 1968. 8 sentyabrya.
84. Volzhskaya kommuna. 1969. 9 sentyabrya.
85. Volzhskaya kommuna. 1968. 21 iyulya.
86. Volzhskaya kommuna. 1968. 3 avgusta.
87. Volzhskaya kommuna. 1968. 30 avgusta.
88. Volzhskaya kommuna. 1968. 23 noyabrya.
89. Volzhskaya kommuna. 1968. 12 noyabrya.
90. Volzhskaya kommuna. 1967. 21 aprelya.
91. Volzhskaya kommuna. 1969. 17 maya.
92. Volzhskaya kommuna. 1970. 27 iyunya.
93. Volzhskaya kommuna. 1970. 16 iyulya.
94. Uspekh khora // Volzhskaya kommuna. 1969. 22 maya.
95. Stolbov P. Gosti iz Belorussii // Volzhskaya kommuna. 1966. 30 yanvarya.

96. Volzhskaya kommuna. 1968. 26 aprelya.
 97. Volzhskaya kommuna. 1968. 16 yanvarya.
98. Volzhskaya kommuna. 1968. 24 marta.
 99. Volzhskaya kommuna. 1969. 18 iyulya.
 100. Volzhskaya kommuna. 1970. 5 fevralya.
 101. Konstantinov S. Iskusstvo Osetii // Volzhskaya kommuna. 1969. 16 maya.
 102. Volzhskaya kommuna. 1967. 7 dekabrya.
 103. Volzhskaya kommuna. 1967. 15 dekabrya.
 104. Volzhskaya kommuna. 1967. 20 dekabrya.
 105. Volzhskaya kommuna. 1969. 14 fevralya.
 106. Volzhskaya kommuna. 1969. 20 fevralya.
 107. Volzhskaya kommuna. 1969. 6 marta.
 108. Volzhskaya kommuna. 1969. 29 noyabrya.
 109. Volzhskaya kommuna. 1969. 9 dekabrya.
 110. Volzhskaya kommuna. 1970. 5 maya.
 111. Volzhskaya kommuna. 1970. 15 maya.
 112. Volzhskaya kommuna. 1966. 12 avgusta.
 113. Volzhskaya kommuna. 1970. 14 maya.
 114. Konyakina N. Vystupayut gosti iz Uzbekistana. Poet Yusup Turaev // Volzhskaya kommuna. 1969. 14 maya.
 115. Stolbov P. Teatr «Romen» // Volzhskaya kommuna. 1970. 30 yanvarya.
 116. Volzhskaya kommuna. 1967. 28 oktyabrya.
 117. Volzhskaya kommuna. 1968. 28 maya.
 118. Volzhskaya kommuna. 1966. 22 aprelya.
 119. Volzhskaya kommuna. 1969. 3 aprelya.
 120. Volzhskaya kommuna. 1969. 10 aprelya.
 121. Volzhskaya kommuna. 1968. 20 marta.
 122. Volzhskaya kommuna. 1968. 14 aprelya.
 123. Volzhskaya kommuna. 1968. 17 aprelya.
 124. Volzhskaya kommuna. 1968. 18 aprelya.
 125. Volzhskaya kommuna. 1968. 19 aprelya.
 126. Volzhskaya kommuna. 1968. 20 aprelya.
 127. Volzhskaya kommuna. 1968. 23 aprelya.
 128. Volzhskaya kommuna. 1968. 24 aprelya.
 129. Stolbov P. Muzykal'nyi festival' // Volzhskaya kommuna. 1968. 24 noyabrya.
 130. Volzhskaya kommuna. 1967. 16 avgusta.
 131. Volzhskaya kommuna. 1969. 23 aprelya.
 132. Volzhskaya kommuna. 1966. 20 aprelya.
 133. Volzhskaya kommuna. 1969. 9 yanvarya.

Section of monuments of Science and technology VOOPIK: history and main activities (on the example of the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions)

Lakhtionova Elizaveta Sergeevna

PhD in History

Associate Professor of the Department of Russian History, Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Nikolaevich Yeltsin

620034, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Opalikhinskaya str., 16, sq. 109

 elza1982@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the section of monuments of science and technology of the VOOPIK. The subject is the activity of the section of monuments of science and technology for the identification, study, accounting, preservation and updating of the corresponding category of monuments. The purpose of the study is to reconstruct the history of the emergence and functioning of this structural unit in the 1960s-1980s. The territorial framework is limited to the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions, the leading industrial regions of the Urals, on the territory of which there were a large number of monuments of science and technology, monuments of industrial heritage. The author studies the history of the formation of the section of monuments of science and technology, and also gives a description of various types of its activities on the materials of the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions. The problem posed has not yet been the subject of special study, and has only been touched upon in the context of the study of history in general of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments and its regional branches, in particular. This determines the scientific novelty of the article. The source material is represented by archival materials, many of which are being introduced into scientific circulation for the first time, for example, unique information about the project to create a Museum of the History of Science and Technology in Chelyabinsk. The author comes to the conclusion that there were both similar directions and significant differences in the activities of these sections. This was determined by several reasons. Of great importance was the personal factor, which also influenced the effectiveness of the functioning of the section of monuments of science and technology

Keywords: industrial heritage, museumification, catalog, actualization, Chelyabinsk region, Sverdlovsk region, museum, monument, WOOPIC, factories

References (transliterated)

1. Malanicheva G.I., Livtsov V.A. Etapy istorii VOOPIK. K 50-letiyu obrazovaniya Vserossiiskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury. Orel: Orlovskii filial RANKhiGS, 2016.
2. Filatov D.N. Vklad Volgogradskogo otdeleniya VOOPIK v sokhranenie kul'turnogo naslediya Volgogradskoi oblasti vo vtoroi polovine KhKh veka // Novaya nauka: Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya. 2016. № 4-4. S. 208–211.
3. Slabukha A.V. Polveka Vserossiiskomu obshchestvu okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury: opyt obshchestvenno-gosudarstvennogo partnerstva (na primere otdeleniya VOOPIK v Krasnoyarskom krae) // Kul'turnoe nasledie Rossii. 2016. № 4. S. 94–102.
4. Korovin V.V., Belozerov D.A. Stanovlenie Kurskoi oblastnoi organizatsii vserossiiskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury (VOOPIK) v 70-e – nachale 80-kh godov KhKh stoletiya // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 6 (45). S. 263–268.
5. Malish M.A. Deyatel'nost' oblastnogo otdeleniya Vserossiiskogo dobrovol'nogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury (VOOPIK) na territorii Adygei // Politekhnicheskii setevyi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo

- agrarnogo universiteta. 2016. № 121. S. 969–980.
6. Lakhtionova E. S. Deyatel'nost' Sverdlovskogo oblastnogo otdeleniya Vserossiiskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury v 1960–1980e gg. v sfere sokhraneniya industrial'nogo naslediya // Industrial'noe nasledie kak resurs dlya razvitiya. Varianty strategii. 300+: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 3–4 dekabrya 2020 g. / Red. E. R. Merkusheva, I. Yu. Matveeva, L. V. Koksharova, I. G. Gulyakina. Nizhnii Tagil: Nizhnetagil'skii muzei zapovednik «Gornozavodskoi Ural», 2020. S. 128–133.
 7. Lakhtionova E. S. Rol' Vserossiiskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury v vyyavlenii, izuchenii i sokhranenii pamyatnikov industrial'nogo naslediya v 1960–1990-e gg. // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 2020. T. 41. № 2. S. 334–345. DOI: 10.31857/S020596060009439-4
 8. Sokolov S. V. Dokumenty Sverdlovskogo otdeleniya VOOPIK kak istochnik po intellektual'noi zhizni Sverdlovska v 1960–1980-e gg. // Dokument. Arkhiv. Iстория. Sovremennost'. 2021. № 21. S. 222–228.
 9. Sistemicheskoe sobranie deistvuyushchego zakonodatel'stva RSFSR. T. 17. M.: Sovetskaya Rossiya, 1977. 480 c.
 10. Boyarskii P. V. Puti sozdaniya nauki o pamyatnikakh // Pamyatniki Otechestva. Al'manakh Vserossiiskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury. № 2 (8). 1983. S. 37–41.
 11. Perkhavko V. B. Vozniknenie i razvitiye promyshlennoi arkheologii // Pamyatniki nauki i tekhniki. 1989 / Otv. red. N. K. Gavryushin. M.: Nauka, 1990. S. 3–15.
 12. Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti (TsDOOSO). F. 250. Op. 1. D. 165.
 13. Gosudarstvennoe uchrezhdenie «Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti» (GU OGACHO). F. R-12. Op. 1. D. 117.
 14. TsDOOSO. F. 250. Op. 1. D. 165.
 15. TsDOOSO. F. 250. Op. 1. D. 165.
 16. Zakharchenko V. D. Dorogami Urala // Pamyatniki Otechestva. Al'manakh Vserossiiskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury. 1981. № 1 (3). S. 95–101.
 17. TsDOOSO. F. 250. Op. 1. D. 63.
 18. TsDOOSO. F. 250. Op. 1. D. 74.
 19. Shishov K. A. Nasledie otchego doma. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. S. 108–121.
 20. Kurashova T. Kogda zavod stanovitsya muzeem // Ural'skii rabochii. 1980. 24 aprelya. S. 3.
 21. GU OGACHO. F. R-12. Op. 1. D. 122.
 22. GU OGACHO. F. R-12. Op. 1. D. 122.
 23. TsDOOSO. F. 250. Op. 1. D. 165.
 24. TsDOOSO. F. 250. Op. 1. D. 165.
 25. Sud'ba relikvii – v nashikh rukakh // Tekhnika - molodezhi. 1980. № 1. S. 30–33.
 26. Lakhtionova E. S. Voprosy izucheniya i sokhraneniya pamyatnikov industrial'nogo naslediya v 1980-e gg. (po materialam zhurnala «Tekhnika – molodezhi») // Mnogoobrazie kul'tur v usloviyah globalizovannogo mira i problemy sokhraneniya kul'turno-istoricheskogo naslediya (XVII Kolosnitsynskie chteniya): materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, 18–19 noyabrya 2022 g.) / Red.

- N. B. Kirillova, N. A. Simbirtseva. Ekaterinburg: UrGPU, 2022. S. 55–60.
27. TsDOOSO. F. 250. Op. 1. D. 204.
 28. Orlov V. Kamennomu poyasu – byt'! // Tekhnika – molodezhi. 1980. № 1. S. 37–38.
 29. Sud'ba relikvii – v nashikh rukakh // Tekhnika - molodezhi. 1980. № 1. S. 30–33.
 30. Boyarskii P. V. Puti sozdaniya nauki o pamyatnikakh // Pamyatniki Otechestva. Al'manakh Vserossiiskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury. № 2 (8). 1983. S. 37–41.
 31. Zakharchenko V. D. Dorogami Urala // Pamyatniki Otechestva. Al'manakh Vserossiiskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury. 1981. № 1 (3). S. 95–101.
 32. Lakhtionova E. S. Nauchnye konferentsii kak sposob privlech' vnimanie k probleme izucheniya i sokhraneniya industrial'nogo naslediya v SSSR (1970-1980-e gg.) // Industrial'noe nasledie Rossii: mezhdisciplinarnye issledovaniya, opyt sokhraneniya, strategii renovatsii : sbornik tezisov II Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii / Otv. red. O. V. Vlasova. Surgut: RIO SurGPU, 2023. S. 49–50.
 33. TsDOOSO. F. 250. Op. 1. D. 239.
 34. GU OGACHO. F. R-12. Op. 1. D. 101.
 35. GU OGACHO. F. P-4. Op. 1. D. 274.
 36. Shishov K. Ne pamyatnik – pamyat'... // Komsomolets. 1976. 3 aprelya S. 2–3.
 37. Shishov K. Pis'ma ob otchem dome // Vechernii Chelyabinsk. 1980. 05 aprelya. S. 3.
 38. Shishov K. Sberech' tekhnicheskuyu istoriyu kraja // Chelyabinskii rabochii. 1979. 23 maya. S. 2.
 39. Shishov K., Patrushin S., Ban'kovskii L. Sokhranit' dlya potomkov // Chelyabinskii rabochii. 1988. 1 sentyabrya. S. 3.
 40. Shishov K. Pamyatniki nauki i tekhniki // Tekhnopolis. 1994. № 19. S. 3.
 41. GU OGACHO. F. R-12. Op. 1. D. 101.
 42. TsDOOSO. F. 250. Op. 1. D. 231.
 43. GU OGACHO. F. P-4. Op. 1. D. 113.
 44. Shishov K. Muzeyu tekhniki Urala byt' v Chelyabinske // Vechernii Chelyabinsk. 1982. 11 yanvarya. S. 4.
 45. GU OGACHO. F. P-4. Op. 1. D. 184.
 46. Starikov A. A. Lenina, tsentral'naya chast' goroda // Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Sverdlovskoi oblasti / Red. E. V. Zvagel'skaya. Ekaterinburg: Sokrat, 2007. T. 1. S. 284–289.
 47. Alekseeva E. V. Revalorizatsiya industrial'nogo naslediya v Rossii i stranakh Zapadnoi Evropy: podkhody, ob'ekty, landshafty, aktory // Ekonomicheskaya istoriya. 2017. № 1. S. 9–23.
 48. Ivanova I. V Sokhranenie pamyatnikov promyshlennoi arkitektury Sverdlovskoi oblasti (istoriya rekonstruktii Nev'yanskoi naklonnoi bashni) // Prirodnoe i kul'turnoe nasledie Urala: materialy VII regional'noi nauchno-prakt. konf. (Chelyabinsk, 2 iyunya 2016 g.) / Nauch. red. K. B. Lavrova, Yu. V. Gushul, N. N. Novikova. Chelyabinsk: ChGIK, 2016. S. 110–115.
 49. Litsov V. A. Uchastie Vserossiiskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury (VOOPIiK) v sokhranenii kul'turnogo naslediya narodov Rossiiskoi Federatsii // 75 let paktu Rerikha: materialy mezhdunarodnoi obshchestvenno- nauchnoi konferentsii. 2010 / Gl. red. T. O. Knizhnik. M.: Mezhdunarodnyi Tsentr Rerikhov;

Master-Bank, 2011. S. 317–336.

On the History of Religious Cults of Pisidia: rock votive reliefs

Pashkova Anastasiya Yur'evna

Teacher of the Department of General Education Disciplines Belgorod State Agrarian University named V. Ya. Gorin

308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Vavilova str., 26, office 202

 pashkova_ay@bsaa.edu.ru

Abstract. This article examines a group of religious images, namely votive reliefs carved in rocks, discovered during field research in Pisidia, through the prism of the collective memory of religious cults. Our goal is, on the one hand, to better understand their significance in the local cult, and on the other hand, to consider some ways of perceiving and studying such reliefs over time. The object of consideration in this article will be the rock votive reliefs of Pisidia, which will clarify some aspects of the evolution of religious cults of Pisidia in connection with its history, starting from Hellenistic and ending with Roman times. Religious cults are a topic of great importance for researchers who study ancient religion and history, as well as engage in archaeological excavations. Each of the components of this problem acts as a useful basis for conducting research, but in the process of their joint consideration, they become a powerful tool for understanding the human relationship with the divine. Based on the study of rock votive reliefs, it can be concluded that the functions possessed by the cult and ritual practices of Roman Pisidia were directly related to the audience. These functions inevitably changed over time and could be interpreted differently by different people or even by the same people in different cases.

Keywords: evolution of religious cults, Roman period, Dioscuri, Mediterranean, relief, Asia Minor, tradition, Pisidia, religion, religious cults

References (transliterated)

1. Alcock S.E. Archaeologies of the Greek Past: Landscape, Monuments, and Memories. Cambridge, Cambridge University Press, 2002, 222 r. (In English).
2. Bean G.E. Notes and inscriptions from Pisidia. Part II. In: Anatolian Studies. Published online by Cambridge University Press, 1960, no. 10, pp. 43-82. (In English).
3. Bean G.E. Lycian Turkey: An Archaeological Guide. London, Ernest Benn, 1980, 197 p. (In English).
4. Beard M.; North J., Price S. Religions of Rome. Vol. 1: A History. Cambridge, Cambridge University Press 1998, 454 p. (In English).
5. Berlin A.M. The archaeology of ritual: the sanctuary of Pan at Banias. Bulletin of the American Schools of Oriental Research, 1999, no. 315, rr. 27-45. (In English).
6. Boardman J. The Archaeology of Nostalgia: How the Greeks Re-created their Mythical Past. London, Thames and Hudson, 2002, 240 r. (In English).
7. Borić D. Archaeology and Memory. Oxford, Oakville, 2010, 215 r. (In English).
8. Bouzek J. Lieux de mémoire in history and archaeology: a field of possible collaborations. Eirene, 2014, no. 50, rr. 285-297. (In English).
9. Bradley R. Rock Art and the Prehistory of Atlantic Europe: Signing the Land. London, Routledge, 1997, 296 r. (In English).
10. Coulton J.J. The Balboura Survey and Settlement in Highland Southwest Anatolia.

- London, Mediterranean Journal of Humanities, 2012, no. 3, rr.248-265. (In English).
11. Crawford C.L. Collecting, defacing, reinscribing (and otherwise performing) memory in the ancient world. *Negotiating the Past in the Past: Identity, Memory, and Landscape in Archaeological Research*, Tucson, 2007, no. 11, 10-42. (In English).
 12. Delemen I. Anatolian Rider Gods: A Study on Stone Finds from the Regions of Lycia, Pisidia, Isauria, Lycaonia, Phrygia, Lydia and Caria in the Late Roman Period. Bonn, British Institute at Ankara, 1999, no. 61, 228 r. (In English).
 13. Erll A. Cultural memory studies: an introduction. In: *A Companion to Cultural Memory Studies*. Berlin, de Gruyter, 2010, rr. 1-15. (In English).
 14. Gillette D.L., Greer M., Hayward M.H., Murray W.B. (eds.). 2013. *Rock Art and Sacred Landscapes*. New York, Springer, 2014, 292 r. (In English).
 15. Harmanşah Ö. Place, Memory and Healing: An Archaeology of Anatolian Rock Monuments. New York, Routledge, 2015, 220 r. (In English).
 16. Hermary A. *Dioskouroi. Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*, 1986, vol., 3, pp. 567-593.
 17. Horsley G.H.R. *The Greek and Latin Inscriptions in the Burdur Archaeological Museum*. London, Hardback, 2007, 321 p. (In English).
 18. Jones A. *Memory and Material Culture*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, 272 p.
 19. Keesling C.M. *The Votive Statues of the Athenian Acropolis*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, 272 p. (In English).
 20. Lamoreaux J.T. *Ritual, Women, and Philippi: Reimagining the Early Philippian Community*. Eugene, OR, Cascade Books, 2013, 160 p. (In English).
 21. Milner N.P., Smith M.F. New votive reliefs from Oinoanda. *Anatolian Studies*, 1994, no. 44, pp. 65-75. (In English).
 22. Patton K. *Religion of the Gods: Ritual, Paradox, and Reflexivity*. Oxford, Oxford University Press, 2009, 512 r. (In English).
 23. Renberg G.H. Unexplored aspects of the Lycian "Twelve Gods Reliefs". *Epigraphica Anatolica*, 2007, no. 47, pp. 107-132. (In English).
 24. Smith T.J. Highland gods: rock-cut votive reliefs from the Pisidian Survey. *Anatolian Studies*, 2011, no. 61, pp. 133-150. (In English).
 25. Smith, T.J., Milner N.P. Votive reliefs from Balboura and its environs. *Anatolian Studies*, 1997, no. 47, pp. 3-49. (In English).
 26. Walker H. *The Twin Horse Gods: The Dioskouroi in Mythologies of the Ancient World*. London, I.B.Tauris, 2015, 272 p. (In English).
 27. Wells K. *Life on the Rocks: One Woman's Adventures in Petroglyph Preservation*, Albuquerque, University of New Mexico Press, 2009, 211 p. (In English).